

охота

и охотничье хозяйство

11

2013

Это чирок или селезень?

Г. АГАПИТОВ, егерь ГООиР РБ, г. Октябрьский

Если бы это был анекдот, то было бы остроумно и смешно. Но грустно. Вынесенный в заголовок вопрос на осенней охоте задал моему дяде встречный охотник, державший в руке молодую крякуху... Вообще-то поразмышлять хотелось об итогах весенней охоты и т.н. мониторинге водоплавающих видов птиц, но к нашим познаниям в области биоразнообразия неизбежно придется вернуться.

Весенняя охота на вальдшнепов, гусей и селезней в Октябрьском охотхозяйстве в 2013 году состоялась с 20 по 29 апреля. За разрешениями на добычу дичи в правление Октябрьского ГООиР обратились 143 охотника, в том числе 1 взял разовое, 72 человека изъявили желание охотиться на все три вида, 16 человек на гусей и селезней, 9 только на селезней, 12 на селезней и вальдшнепов и 34 только на вальдшнепов. Иначе говоря, 118 охотников имели намерение добывать вальдшнепов, 88 — гусей и 109 — селезней.

В путевке-договоре изложена обязанность охотника вернуть этот документ по месту получения в 10-дневный срок после указанного в нем же дня окончания охоты. То же самое и в разрешении, но в 20-дневный срок. Как бы там ни было, по состоянию на 29 мая 2013 года возвращенными были 98 разрешений и путевок-договоров при них. Однако почерпнуть какую-либо внятную информацию оказалась возможным только из 87. Отсутствие внятной или вообще любой — тоже ни что иное, как информация к самому серьезному размышлению.

Охота на вальдшнепов на вечерней тяге у нас самая популярная. Из 74 изученных разрешений следует, что охотники отстояли 194 вечера и добыли 79 вальдшнепов. Но добыли их только 29 мастеров этого дела за 138 выходов на охоту. Если детальная информация (за 2 выхода — 7 вальдшнепов, за 5—6 и т.д.) говорит об определенном стрелковом мастерстве, то приводимые другие цифры, ещё и настойчивость охотников: оставшиеся без добычи 27 охотников были на тяге всего 56 раз (18 человек разрешение взяли, но на охоту не ходили). В целом большинство опрошенных "сходятся" на пяти увиденных вальдшнепах за вечер (26 мая на учёте за два часа мы отметили 14(!) вальдшнепов, причём только 2-х на слух и ещё одного после учётного времени).

Охоты на гусей у нас нет и сколько себя помню — никогда и не было. Разрешения берём по неистребимому принципу — "а вдруг налетят".

"Гусиных" разрешений 48 штук, из которых выясняется, что охотники были в угодьях 132 раза и добыли двух белолобых гусей. 35 человек за 112 дней остались без добычи, а 11 не выходили охотиться вовсе.

Этих двух гусей, может быть, мы "впишем в историю". Почему? А в границах с нами с севера Туймазинском охотхозяйстве на гуся худо-бедно охотятся, а мы, грубо говоря, не знаем как он выглядит. И вдруг два года назад егерь В. Козлов на лесном озерке "с ладошку" застал ночью гомонящую стаю гусей. Исходя из соображения "пусть отдыхают", близко подходить не стал. В прошлом году гусей над нашими угодьями видели многие. В этом году видели почти все, в том числе уже и на воде. Мы, как бы это поточнее сказать, не имеем привычки добывать гусей, поэтому ряд возможностей охотники "зевнули". Сообщалось о стайках в 20, 17, 15, 12, 8 и 5 особей. 22 апреля в 20 час. 30 минут я совместно с охотниками Б. Седаковым и И. Бадретдиновым наблюдал на Ермакеевском водохранилище явно оказывающих друг другу благосклонность пару гусей. Первых же в этом году 20 белолобых видел в 12-00 16 апреля.

Может быть мы наблюдаем появившийся у нас маршрут пролёта гусей? Дай-то Бог. (Лебеди-кликуны, появившись впервые в конце 1980-х, закрепились у нас, гнездятся, выводят потомство и даже зимуют.)

Охота на селезней самая добычливая. При том, что 14 человек на охоту не попали, а 16 человек, побывав в угодьях 27 раз, остались без добычи; 32 "утятника" неумоимо сидели в скрадах 141 день и добыли 158 селезней (вот только селезней ли?). А именно: чирка-трескунка — 55; кряквы — 33; хохлатой чернети — 25; красноголовая нырка — 18; чомги — 6; чирка-свистунка — 5; голя — 4; широконоски — 4; крохаль — 3; серой поганки — 1; свиязи — 1.

Примерно с половиной, или чуть больше, охотников, вернувших 62 "утиных" разрешения, мне удалось побеседовать. Если количеству добытых особей можно доверять, а количеству выходов на охоту можно доверять приблизительно, то "поименному" списку как по видовой, так и по половой принадлежности, нельзя доверять ни в коем случае. Многие, опасно многие в действительности не знают кого убивают: "Да плавала там" — а то и "летела". Есть такие, кто для себя "серьёзного" эти знания полагает чепухой. Факт, но очень многие из сезона на сезон, получая разрешения и путевки-договоры, ни разу не удосужились ознакомиться с их содержанием: "Что заполнить? Где? Да-а?! Зачем? Ну напиши там что надо!"

Именно весенняя охота особенно заставляет задуматься.

Как исхитриться, чтобы к первому выходу на охоту человек хотя бы различал понятия — "чирок", "селезень"? Как убедить уже имеющийся контингент "охотников", что знание биоразнообразия, хотя бы охотничьих видов, важно и нужно? Как научить грамотно, прави-

во заполнять и возвращать разрешения и путевки-договоры? Как, например, сорокалетнему "коммерсанту"-перепродавцу объяснить, что такое хорошо, а что такое плохо, когда в его устоявшемся представлении охота — крутая развлекуха "элиты" и только, а за каждый утёртый им от налогов и затраченный на охоту грош он должен получить 300 % прибыли и готов ради этого на всё?

Часто звучащие высказывания специалистов по поводу недостоверности официальных сведений о состоянии популяций дичи явно небеспопучны. Недостоверны и сведения об охотничьем изъятии дичи. Но можно ли винить охотника? Однозначно, нет. Причины недостоверности много и одна из серьезных — сверкающий меч санкций различных "органов".

Реальный объем добычи и его качественные показатели наиболее полно отображают состояние популяций дичи. Но разве станет охотник указывать в ИМЕННОМ документе то, за что его могут наказать? А что будет с охотпользователем, если он признается в существовании в его хозяйстве нарушений? (Лет 25—30 назад я знавал одного такого высокопоставленного деятеля-любителя, не выходя из своего уютного кабинета, "ловить браконьеров" через 2-3 года после охоты. Помнится, между прочим, почетных регалий у этого "специалиста" было — до кладбища враз не дотащишь...)

Ныне применяемые бланки разрешения и путевки-договоры не позволяют в полной мере осветить добычу, а также по вышеизложенным причинам от их заполнения охотником следует отказываться вовсе. Видится необходимым перейти к анонимному анкетированию добычи, при постоянной соответствующей разъяснительной работе среди охотников. Таким образом, как мне кажется, можно получить наиболее близкие к истине данные о количестве изымаемой дичи (не только охотничьей) по видам и полу. Анкета должна быть не иначе, как в виде своеобразного дневника. Так возникнет возможность наблюдать движение мигрирующих видов, иметь представление о реальной посещаемости охотниками угодий и др.

Я знаю, что денег ни у кого нет и уже никогда не будет. Знаю. Но охотники должны быть обеспечены определителями дичи. Обязательно. Иного пути образования современного охотника не вижу. Охотминимум? Кандидатский стаж? — проехали! Школы? Курсы? — ну и будут, как везде, справками торговать.

До тех пор, пока мы не знаем кто у нас в ягдташе — "чирок" или "селезень", у нас нет не только аргументов против сторонников запрета, например весенней охоты, а вообще нравственного права на охоту.

Добыча бобров

М. ПЕРОВСКИЙ. Фото А. Севастьянова

Добыча бобров, а это по существу — промысел, имеет целью получения шкуры, мяса и бобровой струи. Охота ведется в основном самоловами. В России в настоящее время обитает два вида бобров: речной или европейский (*Castor fiber*), и канадский (*Castor canadensis*). Канадский бобр появился в России в западных областях в результате самостоятельного расселения из стран Скандинавии, а на Дальнем Востоке, включая Сахалин и Камчатку, путем завоза и последующего выпуска. Внешне два вида различаются мало. Канадские бобры несколько мельче и более темнокрашенные, чем европейские. Хвост уже и короче. Наиболее серьезные различия касаются морфологических признаков черепа. Внешних половых различий не наблюдается. Масса туши зверей достигает 30 кг.

Ввиду ряда неблагоприятных для охотничьего хозяйства обстоятельств, особенно в европейской части страны, численность бобров резко возросла и требует серьезного регулирования. Деятельность бобров местами наносит серьезный ущерб лесному и сельскому хозяйству, и в частности, мелиорированным территориям. Кроме того, перенаселенность отдельных популяций отрицательно сказывается на физическом состоянии самих зверей, потенциале их размножения и качестве получаемой продукции.

Активный и массовый отлов бобров в России начался более 40 лет назад. Особенно активно он велся в европейской части страны с конца 70-х до конца 90-х гг. прошлого столетия. С развалом заготовительной системы и снижением спроса на пушнину промысел бобров захирел. В настоящее время закупка бобровых шкурок в 2—3 раза меньше имеющихся возможностей добычи.

Основной промысел бобров велся ногозахватывающими капканами. Чаще всего это были двухпружинные тарелочные капканы № 2 и № 3, и рамочные № 7. Обычное количество капканов на промысле бобров — на одного охотника вполне достаточно 25—30 штук на сезон. Большое количество самоловов приводит к большим затратам, что ведёт нередко к небрежной постановке ловушек и редким проверкам их работы. Перед промыслом капканы тщательно проверяют. Дефектные отбрасывают или используют их при отладке других капканов. Особое внимание уделяют насторожке. Она не должна быть излишне чуткой, а тарелочки стоять четко параллельно плоскости раскрытых дуг. Расстораживающее усилие должно быть около 100 г.

Плывущий бобр

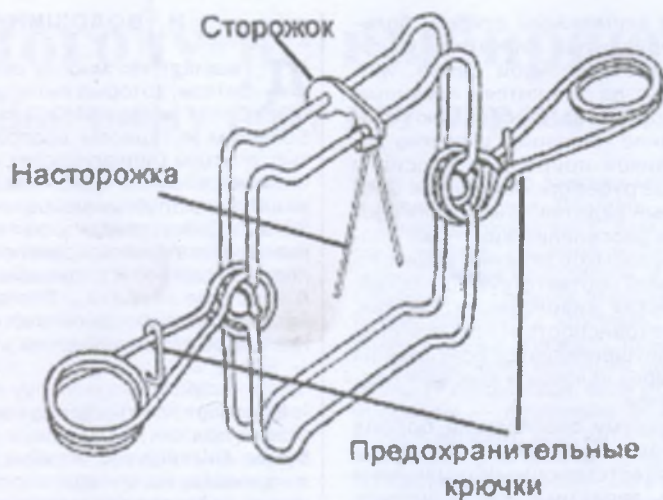
Для отлова бобров специально сконструирован капкан № 5 с внутренней пластинчатой пружиной и Г-образным креплением дуг. Он надежен в работе и на промысле показал высокие результаты.

В случае применения капкана № 7 его дооборудуют тарелочкой либо симками. Расстояние между дугами и тарелочкой капкана в этом случае должно быть не менее 35—40 мм. При настораживании этого капкана приходится применять струбины из-за тугих пружин. При подледном промысле и установке капканов в глубоких местах необходимо иметь держатель типа сквородника, насаженного на палку до двух метров длиной. Резиновая рукавица с прорезиненным рукавом на зимнем промысле не всегда выручает.

Ведущийся в настоящее время в России промысел бобров ногозахватывающими капканами по мнению досужих богатых и влиятельных лиц на Западе признан негуманным. Всё это вылилось в решение Европейского парламента Постановление Совета Европейского Экономического Сообщества № 3254/91 «Запрет на использование ногозахватывающих капканов и ввоз в страны Сообщества шкур и готовых изделий из определенных видов диких животных, из стран, в которых производится их отлов с помощью ногозахватывающих и других видов капканов, которые не отвечают требованиям международ-

ных стандартов гуманности лова». В списке из 13 промысловых животных, первым указан бобр. Большую благоглупость западных деятелей и защитников гуманизма трудно себе представить. Эти люди, большие прекраснотушники, явно не понимают, как воплотить его в жизнь. Заставить гуманно умереть всех зверьков подряд в точно указанное им стандартом время невозможно, поскольку животные настолько различны по своему жизненному потенциалу, что понять это может только практик и специалист, связанный с этим вопросом. Время смертности в ловушке зависит от пола, возраста, массы, размера, наследственности, места обитания, времени суток т.д. И вот как только специалисты принялись за составление упомянутых международных стандартов, они поняли, в какую пучину сложностей они попали. То зверек должен умереть за одну минуту, то за три, и там и там ничего не получается. И до сих пор не существует окончательного международного стандарта гуманности лова с указанием точного времени гибели зверей в ловушке.

Однако Постановление № 3254/91, затронувшее интересы в первую очередь трех стран: Канады, России и США, не исчезло бесследно. В результате были предприняты изобретательские усилия по созданию гуманных капканов, убивающих зверьков за три ми-

КП-250 — капкан проходной, размер прохода 250 мм. Капкан предназначен для отлова бобра, барсука, выдры, енотовидной собаки, лисицы

нуты. В отношении отлова бобров наиболее удачным капканом признан канадский Конибер-330. с очень простым устанавливающим устройством. Оно представляет собой изогнутую под углом 120 градусов стальную пластину, которая одним концом соединена с поводком капкана, а верхнее просверленное отверстие её пропущено через тросик с грузом. В момент отлова испуганный зверь с капканом прыгает в воду и пластина по тросику скользит вслед за капканом и в дальнейшем препятствует выходу бобра на берег и топит его. Считается, что указанное приспособление будет соответствовать стандарту гуманности лова.

На основе капкана Конибер-330 сотрудники ВНИИОЗ разработали для отлова бобров капкан проходной — КП-250. Кроме бобров, он может быть использован для отлова барсука, выдры, енотовидной собаки и лисицы. Капкан настораживается с помощью предохранительных крючков, которые необхо-

димо снять после приведения ловушки в рабочее состояние.

Ставить капканы на бобров надо всегда в воду. По открытой воде их ставят на хатки или на вылазах зверей, у входа в норы на глубине от 3—10 до 30—40 см, в среднем 15—20 см. После ледостава их ставят от нижней кромки льда на 25—40 см. В случае применения кормовой приманки глубина постановки капканов может достигать 1,5—2,0 метров. Глубина установки капканов во многом зависит от их величины. Чем крупнее капкан, тем на большую глубину его ставят. Капканы слегка маскируют и при постановке можно выкопать по его размеру ямку и слегка замаскировать небольшим количеством мягкой травы, подсунув её немного под капкан. При наличии течения трава наклоном прикроет капкан. Следует убрать имеющиеся рядом с капканом палки, мусор, которые могут спровоцировать срабатывание ловушки с приближением зверя. Если нора

имеет широкий вход, капкан следует ставить не по центру его, а сдвинуть в ту или иную сторону. В противном случае при срабатывании капкана часто захватывается не лапа, а кусок кожи на брюхе, от чего бобр обычно освобождается, либо происходит элементарный пролов.

Вылазы, на которых неудобно ставить капканы, или в местах с мелкой водой, где зверь с капканом не может затонуть, следует завалить сушняком, корягами и направить бобров туда, где постановка капканов отвечает нашим требованиям.

Привязки к капканам следует делать достаточно длинными от 3 до 5 метров. От вертлюга капкана хотя бы с метр в качестве привязки очень желательно использовать цепь, которая принимает после установки капкана самое выгодное для ловца положение. Длинный поводок смягчает рывки попавшегося зверя и даёт ему возможность попасть с капканом на более глубокое место и затонуть. В этом бобру очень поможет уже упомянутое канадское утопляющее устройство, состоящее из загнутой под углом 120 градусов стальной пластины с поводком. Оно не даёт возможности бобру всплыть и выбраться на берег.

Установка капканов на выходе из нор даёт хорошие результаты только в случае, если норы жилые. Глубина установки та же, что и на вылазах. Привязку делают ниже по течению. При неясно обозначенных выходах целесообразно ставить два капкана, привязывая каждый по отдельности.

Для постановки капканов используют каналы, прорытые бобрами для доставки кормов. В этом случае капканы ставят в самом узком и мелком месте канала, но как можно ближе к основному водоёму. Максимально длинный поводок привязывается к деревьям или кустам с таким расчётом, чтобы попавшийся бобр мог уйти с капканом на глубокое место и затонуть.

Установка капканов в загородках у берега. Целесообразно применять после ледостава при сокращающейся активности бобров на вылазах и отсут-

Бобровая плотина на мелиоративной канаве

Работа бобра

ствии вылазов. На пути хода зверя перпендикулярно к берегу делают загородку 1,5—2,0 метра длиной из вбитых в дно кольев. В загородке делают проход шириной 30—40 см и в нём ставят один или несколько капканов. Возле прохода вбивают колья из свежей ивы или осины, березы, а по краям, т.е. саму изгородь делают из еловых или ольховых, желательнее сухих, палок.

Используют также установку капканов в «дворике», который строят со льда, вбивая колья в виде воронки, направленной горловиной к берегу. У берега вбиваются свежие ивовые или осиновые колья и в дно закрепляются ветки этих пород. Капканов ставят не менее двух—трёх штук на глубине 25—40 см. Установленные капканы желательно проверять ежедневно. Бобры попадают в ловушку первые два-три дня. Если капканы 4—5 дней оказались пустыми, их снимают и переставляют в другое место.

Уловистость капканов повышается с применением кормовой и пахучей приманки, что особенно эффективно в зимнее время и при наличии бедной кормовой базы в поселении. Наиболее эффективной приманкой на бобра является его струя в виде спиртовой вытяжки. При установке капканов на вылазах оставляют несколько капель вытяжки за капканом на берегу или у кромки льда. Капли бобровой струи следует наносить на сухую кору, траву или кормовые ветки в 15—20 см от настороженного капкана. Естественные пахучие холмики являются хорошим местом для отлова взрослых бобров. Запахом струи можно привлечь бобров в места удобные для постановки капканов. Для приготовления вытяжки следует брать струю бобра, пойманного на другой реке или отдаленном водоёме, т.е. из другой популяции.

Для «бобровых» капканов КП-250 возможна установка капканов на «лесенке» в загородке, двойная постановка капканов на кольях. Плавающая установка с приманкой.

Автор полагает, что в настоящее время вполне возможна добыча бобров с помощью нарезного оружия. Для этого лучше всего подойдет прекрасный отечественный карабин «Барс-1» (5,6 мм) с патроном, снаряженным оболочечной пулей. Карабин должен быть идеально пристрелян. Выстрел только в голову обеспечит, безусловно, гуманность добычи и её непереносное овладение охотником. Отстрел должен вестись на берегу или обширном мелководье, что обеспечит сохранность добычи. Битый на глубоком месте и раненый зверь обычно становится напрасной потерей, к чему обычно апеллируют противники этого метода добычи.

Для отлова бобров применимы активные способы добычи, которые имеют ряд преимуществ. При этом возможна элементарная селекция популя-

ции путём элиминации старых, больных, недоразвитых животных, обнаруженных в отловленной семье. Живоотлов всег-да относится к гуманным методам добычи, на что обращают особое внимание «зелёные» и другие защитники дикой природы в России и особенно за рубежом. Живоотлов бобров, который ведется обычно для последующего расселения животных, достаточно трудоёмкое занятие, ведется с применением соответствующих сетей, металлических живоловушек, собаки, лодок, автотранспорта и прочего снаряжения, осуществляется бригадой из трех—четырех человек и здесь не рассматривается.

Начинающему охотнику на бобров целесообразно сразу заняться отловом зверей соответствующими гуманными капканами, завестись ими и освоить методы их применения. Это предопределяет легкость дальнейшей реализации полученной продукции. Дело еще вот в чём. Российская пушнина до сих пор в основном поступает на внешний рынок в сыром виде. У стран-импортеров имеются приборы, которые определяют на основе специальных анализов состояние шкурки зверька перед гибелью. Это даёт возможность им определять гуманной или нет была добыча в процессе отлова и соответствует ли она упомянутому постановлению СЕЭС № 3254/91.

Несколько слов о первичной обработке бобровых шкур. Шкура бобров снимается пластом, для чего делается один прямой разрез по брюшной полости от нижней губы до корня хвоста. У лап и хвоста делают кольцевые надрезы. Все отверстия на шкуре впоследствии зашивают. Грубо снятая шкура впоследствии тщательно мездрит на специально отполированной колоде. Обезжиривание ведется с задней части шкуры вертикально к голове. Операция это сложная, трудоёмкая и требует остро отточенного инструмента и навыка. После чего шкуру сушат при довольно высокой температуре до 25—30 °С. Шкуру можно растянуть на плоскости (стене, столе, листе фанеры и т.д.) с помощью гвоздей. Но лучшим в этом случае будет круг, сделанный из достаточно крепких и гибких ветвей ивы или лещины. С помощью шила и мягкой проволоки шкуру, прокалывая по краям периметра, растягивают равномерно внутри заранее заготовленного круга. Круги со шкурами подвешивают на жерди внутри помещения. При таком способе одновременно и быстро сохнут обе стороны шкуры: мездровая и меховая. Выступающие на мездре капли жира в результате просушки следует удалять чистой ветошью. После окончательной просушки шкуры необходимо реализовать как можно скорее. Длительное хранение пресносухого сырья может обернуться неисправимым дефектом — жировой гарью.

Думается, что многие охотники-любители, которые выписывают журнал «Охота и охотничье хозяйство», с большим интересом восприняли статью доктора биологических наук А. Данилкина «Заячья проблема и пути ее решения», опубликованную в № 6 за 2012 г. Действительно, заячье поголовье значительно сократилось за последние годы, и это вызывает тревогу. А ведь еще недавно... Впрочем, предлагаю описание одной охоты, а затем несколько слов в поддержку автора.

* * *

В четверг и пятницу над южно-сибирскими полями и околками пластался буран. Сильнейшие порывы ветра гнули деревья, натягивали в горизонтальные дуги провода электролиний. Но все это можно было видеть лишь вблизи, поскольку с неба непрерывно и густо сыпали тяжелые хлопья снега. Сугробы у домов и заборов росли буквально на глазах.

А у нас, охотников, двойное чувство. Во-первых, радовались: много снега — много весенней воды будет. Пополнятся озерки и болота, весной тормознется на гнездовьях водоплавающая птица — быть хорошей осенней охоте по перу. Но, во-вторых, завтра суббота, выходной, хочется на охоту. Стих бы буран. Вечерком областное радио обнадружило: «По данным Гидрометцентра... ожидается ослабление ветра... прекращение осадков. Температура...»

Словом, мы с сыном засобирались потревожить зайчиков в угодьях. Часов в 10 вечера вышли на улицу: ветер и впрямь, кажется, поутих, а в свете уличных фонарей пролетали лишь редкие снежинки. Едем!

Утром поспешили на автобус. Да, снегопад прекратился, однако ветер в провалах посвистывает. Ерунда, утихнет! Только нашего оптимизма хватило лишь до той поры, когда вышли из автобуса километрах в 15 от райцентра. Через высокую насыпь дороги с шипением ползли белые змеи поземки, жесткий ветер выбивал тепло из-под одежды. Скорее, скорее к тополевой лесополосе, там потише.

Да, за лесопосадкой оказалось и потише, и как будто теплее. К тому же нам идти так, что ветер будет дуть слева и немного сзади. И надежда теплилась, что днем поземка окончательно уляжется.

Как же мы ошиблись! Мы собрались пройти три клетки полей, а на четвертой, где была бригада Решетовского совхоза, поискать зайчиков среди мелколесья и сельхозтехники. Эти 7 км прошли примерно за час. Но на месте нас ждало разочарование — зверьков не вспугнули, хотя три — четыре полузаметных следа встретили.

Решаем дойти до второй бригады, это недалеко — километра два. Там следов было несколько больше. Разделяемся. Молодой охотник идет слева через куртинки бурьяна, я намерева-

Погоду не выбирают

Заячьему роду нет перевода?

уюсь проверить ряды сельхозтехники.

Нет, ничего не видеть. Поземка переползает через заметенные сцепки борон, культиваторов, лушпыльщиков. А что там впереди, у сеялок? На сугробчике, кажется, след.

Русак днелал под средней, второй сеялкой. Но между второй и третьей сеялками был просвет метра в три — четыре, и я успеваю стрелнуть в мелькнувшего там русака. Тороплюсь за третьей сеялку, ничего там не вижу. Зато слева, у просвета, лежит темно-серый зверек. Порадовался: удачный выстрел.

Далее решаем пройтись по поперечным лесополосам. Они состоят из берез, акаций и кленов, довольно густые. Посылаю сына в засаду. А сам минут через 15 начинаю гнать. Ветер мне в спину, но поземка временами становится очень густой. И все же замечаю, как из середины лесополосы в поле вырывается русак. Не пошел на засаду. Что же, живи, длинноухий умник!

Поземка не унимается, и ветер очень жесткий, холодный... Трижды мы менялись с сыном ролями. Распутывали заметенные следы, но ушканов на них не оказалось.

Вновь моя очередь прогонять лесополосу. Уже в первой трети насаждений натыкаюсь на свежие следы зайца. Давай, давай, дружок, там тебя уже ждут. Из-за шума деревьев и свиста ветра я не слышу выстрела. Неужели и этот косой ушел в поле?

Дохожу до разрыва. Из-под куста акации выходит молодой охотник, у окраины лесополосы наклоняется над снегом, пытается что-то рассмотреть...

— Что, укрылся от ветра и проспал зайца, — рычу я.

— Заметил, даже стрелял, кажется, ранил.

— Хорошо! Я тороплюсь на край последнего поперечного отрезка, а ты — погонишь.

Едва прохожу в стороне от поперечной лесополосы 500 метров и занимаю номер, как в начале насаждений хлопнул выстрел. Одно из двух: или Николай добирал русака, или стрелял по другому. Минут через 10 выяснилось: добирал подранка.

Время — около часу дня. Решаем обследовать несколько небольших березово-осиновых окошечков. Разделяемся. Я пойду справа загонять вон за тот островок, а молодой охотник слева постережет. Однако метров через сто вижу, что Николай сворачивает с намеченного пути, идет на полянку, останавливается и начинает осматриваться. Вот он ставит в снег ружье, берет в руки лыжу и начинает ею разгребать снег. Подхожу ближе. Вижу вдоль лыжни заячий след. И вдруг у него сзади из-под снега возникает беляк и пытается удирать. Но «копальщик» снега этого не

видит. Отпускаю зверька метров на 20 и давлую на спуск. Дошел!

Ищем плотный куст. Там, в безветрии, теплее. Наскоро перекусываем, греемся чаем из термоса, а затем быстро потрошим зверьков. Русаки очень хороши: и крупные, и почки в салe. Белячок, конечно, помельче.

Решаем: если напрямик домой — это около 17 километров, если в сторону автотрассы — примерно 8. Выбираем второй вариант, хотя идти придется почти на ветер, а он и не думает стихать, холодом так и обжигает. Но в пользу второго варианта нас склоняет виденный ранее на третьей клетке бурьян. То и дело прикрываем лица рукавицами, стараемся идти вперед в пол-оборота.

Вот он и бурьян. Это неубранный осенью донник. Ширина его метров двести, а тянется он через все поле, местами образуя буквально заросли. Наверняка сюда наведываются и зайчики, и лисы... за зайчиками. Слово в подтверждение этой мысли мы замечаем под плотной куртинкой запырошенный лисий след, а в другом месте — заячий малики.

Разделяемся. Молодому охотнику на широких лыжах идти между тополевой лесополосой и неубранным донником, а мне — справа по сугробу. Конечно, наведемся на выстрел по красному зверю.

Иду по сугробу. Это опасно, тем более для моих не очень широких лыж. Внизу, в зарослях донника, то и дело вижу следы. Однако двухдневный буран и сегодняшняя поземка их крепко припорошили. Слева раздаётся выстрел. Не по лисе ли? Неосторожно дернулся и... полностью, вместе с лыжами, проваливаюсь в рыхлую окраину сугроба. Снега почти по пояс. Пытаюсь выбраться — не получается. Опереться не на что. Ружье вертикально полностью утопает в снегу. Кончилось все тем, что с одной ноги соскакивает валенок. Разбрасываю вокруг снег, с трудом достаю валенок, лыжи. Кое-как выбираюсь на плотный наст сугроба. Пока барахтался в снегу — взмок. А на сугробе злющий ветер враз остудил. Холодно!

Где-то через середину донника в мою сторону спешит сын. Вот он выбирается на сугроб.

— По беляку стрелял. Взял. Да руки как-то сами вскинули ружье.

— Ладно. Норма отстрела не нарушена. Но лучше бы ты не стрелял. Теперь тебе нести его и дома им заниматься. А лисых следов не было?

— Встречались, но свежесть их определить трудно: припорошены.

— Все, теперь к дороге!

Легко сказать. Жгучий ветер справа и спереди. Идем за лесополосой, прикрываем лица рукавицами. Но то и дело один другому:

— Потри нос, щеки... побелели!

На автотрассе нам повезло: шло два автодорожника К-700. На них и добрались до райцентра. А там, на последнем дыхании, еще рыбок в 2 километра. Уже вечером понимаем, что у нас обморожены щеки, подбородки и запястья рук. Начинаясь боль...

* * *

Но та боль (1991 г.) быстро прошла. А вот боль от весенних лесных пожаров, степных палов, выгоревших сухих болот в сердце не затухает.

Пожал статью в журнале Александру Аркадьевичу Хернову. У каждого из нас охотничий стаж — за 45 лет. Как говорится, многое видели и кое-что помним. Не раз охотились или вместе, или в компаниях. И очень редко возвращались без добычи. Было на что охотиться. А теперь вот сидим на скамеечке, вспоминаем.

— Раньше один или два выхода на охоту из десяти заканчивались безрезультатно. А теперь с плюсом — один из трех или четырех выходов.

— Конечно, охотничий пресс стал сильнее. Но здесь важно отметить не столько возросшее количество ружей, сколько варварское использование техники: зайцев бьют из-под фар и прожекторов, догоняют на снегоходах...

— Кстати, лисы прекрасно знакомы со снегоходами. На день или прячутся в густые заросли и норы, или ложатся на снегу у самых нор. Чуть звук «Бурана» и они в норе.

— А весенние палы?! Еще до 90-х годов с этим было очень строго. А теперь весь заячий молодняк, кладки птиц губит весенний огонь...

— Да-а! А.А. Данилкин перечисляет много заячьих врагов. Но для степной и лесостепной части юга Западной Сибири характерен еще один враг длинноухих — корсак. Конечно, взрослого зайца ему не догнать, но молодняк он вырезает здорово. Также много уничтожает кладок птиц, гнездящихся на земле — уток, куликов.

— А ведь его, корсак, не то, что добыть, увидеть затруднительно. Этот хищник ведет сумеречный и ночной образ жизни и очень осторожен. На мушку охотника редко попадает.

— Многие считают, что зайцев и зайчат заедает клещ...

— Не доказано, но клеща в природе стало значительно больше. Если в 70 — 80-е гг. за весенний выход на природу снимали с себя одного — двух клещей, то теперь — 5—10.

— Что же делать, чтобы зайцев стало больше?

— Прежде всего, не допускать весенних палов. Возможно, сокращать поголовье серых ворон, да и грачи с сороками далеко не безобидные птицы... Искоренять браконьерство в любом его проявлении.

...Что касается той давней охоты, то мы тогда не углублялись в лесные и кустарниковые массивы, где заячье население было довольно велико. И думалось: заячьему роду нет перевода. Как же мы заблуждались!

На русском севере

Н. ЛУКЬЯНОВ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Меня зовут Лукьянов Николай Алексеевич, охочусь более 30 лет, почти 20 лет держу русско-европейских лаек и столько же времени выписываю журнал «Охота и охотничье хозяйство». Журнал прочитываю полностью, ничего не пропуская. Он дает мне дополнительный прилив сил и энергии.

В 1977 г. организовал и возглавил общество военных охотников МВО, и по сей день являюсь его председателем. Больше всего я люблю охотиться на пушную и боровую дичь. Последние два года пытался ходить на медведя, но пока безуспешно, видимо, из-за недостатка опыта.

В 14 лет мама подарила мне «Зоркий-4», с тех пор я не расстаюсь с фотоаппаратом. Хотел бы принять участие в фотоконкурсе «Охота и природа». Съемка производилась в Шенкурском районе Архангельской области в 2007 г.

Приманки

В. ФИЛЬ

В своё время наш отечественный исследователь поведения многих промысловых животных С.А. Корытин (1979), ссылаясь на Б.П. Мантейфеля, писал: «Инстинкты и биологически адекватные раздражители — основа методов управления поведением животных в условиях природы. Ставя перед собой проблему управления поведением зверей, желательно исходить из принципа комплексного воздействия на животное по линии двух, трёх и более рецепторов одновременно. Воздействие по линии одного какого-либо рецептора обычно бывает слабее комплексного влияния». Далее этот же автор, со ссылкой на С.С. Шварца, продолжает: «Использование пахучих приманок при добывании хищных млекопитающих ведёт к преимущественному отлову самцов и сеголетков. Всякая же избирательность промысла ведёт к изменению экологической структуры популяции, а, следовательно, и к изменению её генетической структуры». К обсуждению и расшифровке этих читат мы подойдём далее.

Издавна «управление» поведением соболя и именно в целях его поимки было одним из основных моментов в действиях охотников-соболятников. Поиск наиболее подходящей приманки ставился чуть ли не во главу успешности всего дела. Отдельные охотники, нашедшие ту или иную привлекательную для зверька приманку, всячески засекречивали свои знания — «не дай бог узнает кто-то другой». Конечно, не все так поступали. Однако большинству из охотников были известны наиболее привлекательные приманки, где основу составляли мясо зайца, глухаря, ондатры и рыба, в первую очередь голец. К ним добавлялись наиболее пахучие части туши крупных копытных (северного оленя, лося). Некоторые охотники при отлове соболей в дуплах использовали тухлые яйца (приобретали на птицефабриках те, из которых не вывелись цыплята, — «задохлики»).

Мы пробовали в качестве такой приманки яйца чаек и крачек, собранные однажды в гнёздах на месте затопленной колонии этих птиц после сильного паводка. В целом же приходится вновь вспомнить С.А. Корытина, который, ссылаясь на Н.Н. Лодыгину-Котс, сделал вывод, что «...истинного успеха в управлении поведением (а привлечение к ловушке приманкой — и есть одна из форм управления поведением. — Прим. В.И. Филя.) можно достигнуть, если отыскать «для каждого животного свой, естественный, привычный для него способ реагирования, выявляю-

Соболь — основной объект промысла на Камчатке

щий его целостное, обычное, свойственное ему поведение». Судя по годам, когда вышли работы авторов, цитируемых С.А. Корытиным (1979), приманки для отлова пушных зверей и других животных исследовались специалистами самых разных направлений уже достаточно давно.

В отношении соболя использование такой приманки как тухлые куриные яйца, выкладываемые в дуплах деревьев, вероятно, и соответствует выводу, который сделан по заключению Н.Н. Лодыгиной-Котс. Сами куриные яйца могут имитировать естественную пищу соболя — яйца птиц. Всем охотникам известно, что соболи в поисках пищи, и скорее всего мышевидных или гнёзд

шмелей, возможно и других беспозвоночных, их куколок и пр., нередко копаются в трухе из древесных остатков, что скапливаются на дне дупел старых деревьев. Таким образом, само дупло уже является своего рода приманкой для соболя. Вероятно, куриные яйца являются той приманкой, которая для соболя становится имитатором естественной пищи — яиц различных птиц — дуплогнёздников. Вид яичной скорлупы вызывает соответствующее раздражение зрительных центров, а запах привлекающе действует через рецепторы обоняния. Кроме того, дупло в стволе дерева должно вызывать у соболя ассоциации, связанные с местами укрытий, убежищ. Таким образом

достигается комплексное воздействие естественных раздражителей, что возбуждает поисковую активность зверька и, в конечном счёте, привлекает его к ловушке. Именно этот момент и подразумевается под термином «управление поведением». Другое, не менее главное направление в системе «управления поведением», чем привлечение запахом или внешним видом приманки, — использование в качестве приманки раздражителя такого свойства, которое воздействует на любопытство и чувство конкуренции (ревности) между различными особями.

Соболь — зверёк-отшельник, большую часть жизни ведёт одиночный образ жизни. Каждый новый след другого соболя на индивидуальном участке владельца данной территории вызывает у последнего если не раздражение, то глубокое неприятие. Конечно, наше применение терминов относится скорее к области антропоморфизма, но использование экологической терминологии, специфика которой труднодоступна даже авторам этого издания, создаст лишние сложности в восприятии текста.

Каждый охотник имел возможность наблюдать, как во время миграций соболя хозяева-собольки тех или иных участков угодий стремятся изгнать пришельцев (безусловно, если пришелец уступает хозяину в силе, размерах и т. д.). Каким образом передают информацию друг другу те или иные особи в популяции соболя — это особый раздел в науке о поведении животных, этологии. Возможно, информация поступает по запаховым меткам, или зверьки умеют ориентироваться в размерах следов. Данный вопрос остался вне пределов наших познаний. В полевых исследованиях при работе с соболем подойти к изучению этой области экологии нам удалось лишь в общих чертах. Здесь необходимы какие-то особые методические подходы при наблюдениях и экспериментальные лабораторные опыты.

По крайней мере один соболь, наткнувшись на следы пришельца и пройдя по ним буквально несколько десятков метров, быстро ориентируется и предпринимает попытку преследовать его, чтобы изгнать за пределы своего участка. Другой зверёк, особенно самка, обследовав новый след, уходит от него. Встречались моменты, когда один зверёк догоняет другого, затем между ними завязывается драка. На её месте оставались «утолока», выдранный волос, а иногда и капли крови. Кто выходил победителем — хозяин или пришелец — установить достаточно сложно. Можно предположить, что в схватку вступают особи одного пола, равные по весу, возможно, и силе. Есть сообщения охотников о случаях находки трупа одного из соперников после схватки такого рода.

Обычно же соболи умеют защищаться друг от друга; если не убегают от преследователя, то находят убежище, где, укрыв тело от зубов соперника,

успешно противостоят нападению. Чаще всего дело ограничивается погоней и уходом преследуемого зверька в укрытие.

Отмечено несколько случаев, когда преследуемый соболь резко меняет направление своего бега, перпендикулярно первоначальному, и уходит через открытые поляны, кусты кедрового стланика и т. п. В таких случаях преследование прекращается. Всё-таки у соболей имеется какая-то эффективная защита друг от друга, не замеченная нами. Ведь в противном случае, наблюдая за агрессивностью одних зверьков по отношению к другим, можно было бы предположить, что истребление друг друга является чуть ли не ведущим фактором естественной гибели в популяциях соболя.

Если охотник воспримет как аксиому, что следы деятельности одного соболя являются одной из приманок для привлечения к этому месту другого зверька, тогда сочетание пахучих, зрительных, пищевых приманок и отношение объекта промысла к следам деятельности другого соболя составят тот комплекс, когда поведение зверька управляется, по С.А. Корытину, «...по линии двух, трёх и более рецепторов одновременно». Если при этом отыскать «для каждого животного свой, естественный, привычный для него способ реагирования, выявляющий его целостное, обычное, свойственное ему поведение», то задача охотника будет гарантированно выполнена если не на 100, то, по крайней мере, на 70—90 процентов.

Соболь подходит к установленной ловушке, ориентируясь на запах приманки. Здесь убеждается, что последняя является естественным для него объектом питания, а теперь остаётся лишь вызвать у зверька, если так можно сказать, чувство ревности, т. е. надо поместить приманку в соболиную ухоронку. Практически ни один зверёк не останется в этой ситуации равнодушным к такому устройству и обязательно подойдёт к ухоронке, чтобы проверить, кто и что там спрятал. По пути он наступит на сторожковый механизм ловчего устройства. Трофей ваш.

Мы здесь не будем детально описывать способ устройства соболиной ухоронки; каждый охотник имеет возможность походить по следам соболей, а особенно у выложенной привады, и посмотреть, как соболь прячет свою добычу. Делает он это далеко не однообразно, поэтому лучше всё увидеть своими глазами, чем сто раз услышать или прочитать. Между тем на некоторых иллюстрациях, где показаны способы установки капкана перед ухоронкой, можно увидеть, как это всё делается. Тем не менее лучше понаблюдать, как это делает соболь. В конце концов, охотник найдёт несколько характерных способов устройства ухоронки и, может быть, изберёт для себя какой-нибудь универсальный.

Стандартная ухоронка — норка в снегу, под стволом, между корнями дере-

ва, в склоне искусственного или естественного возвышения (муравейника, кучи снега, кочки и пр.) — выкапывается диаметром 12—15 см на глубину длины руки. Мы для копки ухоронки применяли большой нож типа южноамериканского мачете. Во многих случаях при работе в снегу вполне достаточно использовать собственный посох (он же сошка для установки оружия во время стрельбы). Этот же посох используется в качестве лыжной палки при спуске с крутых склонов и т. д.

Выкопанной ухоронке необходимо придать естественный вид, имитирующий, что эту норку сделал другой соболь. Отпечатки следов соболя, которые иногда искусственно делают охотники при помощи специальной лапки или конца посоха, обычно не оказывают привлекающего воздействия на других зверьков. Вероятно, вследствие того, что отсутствует запах. Далее перед норкой должен быть характерный выгреб снега, в котором и маскируется ловушка. Выгреб напоминает собой бугор бутана перед норой сурка или суслика, иногда и перед челом медвежьей берлоги. Устройство выгреба, его расстоевание от норы каждый охотник делает по своему вкусу или опыту, обычно это 15—25 см от входа в нору.

Помня о том, что наилучшие результаты даёт воздействие на ряд рецепторов привлекающегося к ловушке зверька, т. е. комплексное, необходимо зачернить отверстие норки — сыпануть на её стенки древесной струхи или чего-либо ещё. Этим создаётся иллюзия, что другой зверёк побывал в ухоронке, пролез по ней до земли, измазался ею, там что-то спрятал и вышел обратно. Возможно, такой эффект у привлекаемого сюда другого зверька и вызывается при чернении стенок норки. Если перед норкой оставить несколько (два—четыре) мелких пёрышек глухарки, то воздействие на зрительные рецепторы будет усилено через обонятельное восприятие. Пёрышки надо бросить именно таким образом, чтобы они лежали где-то на подходе к ухоронке. Это и вызывает у соболя ощущение, что там что-то спрятано.

Более того, если иметь с собой некоторое количество древесной струхи, перемешанной с мочой, экскрементами соболя (лучше самки), то шепотка её в виде накрохи вблизи ухоронки создаст полную запаховую иллюзию того, что это сооружение устроено другим соболем. При работе на путике со снегоходом, да и без него, вполне возможно любому охотнику устраивать такие сооружения, которые гарантируют практически 100%-й подход зверьков. Попытка проникнуть в чужую ухоронку осуществляется почти при каждом подходе. Вероятность отлова в такой ситуации близка к 80—90 % от числа подходов. В отдельных случаях она приближалась и к 100 %, но это при миграции соболей и когда в потоке мигрантов преобладали самцы. Самки иногда остерегаются такого рода ухоронок, но это, надо полагать, хорошо для популяции соболя и вполне со-

впадает с задачами охотника.

В саму же норку можно бросить ещё 2—3 пёрышка, но лучше палочку, смоченную пахучей приманкой. Например, медово-анисовой или же мясной, рыбной, с добавкой мускуса и т.п. Об этом чуть ниже, в разделе о пахучих приманках. Надо учитывать, что пахучая приманка в первую очередь привлекает мышевидных грызунов, и они тщательно её выгрызают с брошенной в норку палочки, веточки и пр. Вообще тот факт, что мыши выгрызают приманку, следует рассматривать как индикатор ее привлекательности и для других зверьков, в том числе и для соболя.

Привлекательность той или иной приманки опытный соболятник может мгновенно определить по следам. Так, один охотник заявил: «Когда соболю вышел на разбросанные перья и части внутренних органов глухарки, на месте её отстрела, он заходил «винтом». Ткнулся носом в каждое пёрышко на снегу, выбрал всё съедобное и т.д.». Именно так и происходит в действительности.

Глухарь — одна из наиболее привлекательных приманок для соболя. Но на перья глухаря-самца соболю реагирует не столь активно, как на перья глухарки. Здесь и возникает дилемма: добывать глухарок для охотника как-то не с руки, всё-таки это запрещено. С другой стороны, самец не столь привлекателен. Выход один — действовать на свой страх и риск, но, прежде всего, помнить, что большое количество приманки у одного капкана не действует сильнее на соболя, чем два или три пёрышка. Нам на сезон охоты вполне хватало одной глухарки, что позволяло в отдельные сезоны добывать более сотни соболей.

Один из опытейших охотников-соболятников полуострова рассказывал нам, что добыв глухарку, он тут же тщательно ощипывал её, пока тушка горячая. Мясо — себе в пищу, потрошки раскладывал по капканам, а перья тщательно собирал в мешок и использовал в течение всего сезона. Всё верно, птица значительно легче и чище ощипывается, пока она не успела остыть. При этом заметим, что перья куропатки также привлекательны для соболя; к сожалению, перья от птиц, добытых зимой, практически не воздействуют на зрительные рецепторы, но до снега привлекают соболя не хуже глухаринных. Они вызывают у соболя такую же поисковую активность.

Для перьев куропатки, добытой в зимнее время, можно применить окрашивание содержимым кишечника, кровью птицы. После чего их следует высушить, растрепать и хранить как приманку в отдельном полиэтиленовом пакете или бумажном мешке, так же как и перья глухарки. Где-нибудь в сухом месте под навесом у избушки.

Интересно, что правильно сохраняемые перья не теряют своей привлекательности для соболя и в следующем охотничьем сезоне, лишь бы они не хранились в сыром месте или под пря-

мыми лучами солнца.

Можно использовать также перья кедровок и любых других птиц, которые нередко попадают в ловушки охотника, конечно кроме воронных. Эффективность их ниже, а вороньи могут даже отпугнуть соболя от ловушки. Чем это объясняется, непонятно.

На различные количества выложенной приманки или привады соболю в разные годы реагирует далеко не одинаково. В целом, если у ловушки на приманку выложить небольшой кусочек, соболю к этому относятся настороженно или безразлично, особенно если приманка видна, как, например, в том случае, когда прежде капканы устанавливались так называемым способом «бабочка», который у охотников Камчатки получил название «на дурака». К относительно большому куску приманки (половине рыбины, трети или четверти зайца) соболю идёт с большей охотой. Поэтому когда приманки в достаточном количестве нет, приходится имитировать её объёмность в сочетании с небольшими порциями привлекательной приманки. Так, в случаях устройства петельных ловушек на жердях мы обычно изготавливали «куклу» из ветоши, кусков старой шкуры оленя и т.д. Вблизи ловушки устраивается «накроха» из внутренностей глухаря, зайца, гольца, а на «куклу» можно капнуть несколько капель пахучей приманки. «Куклу» лучше расположить на удалении от ловчего элемента ловушки, как минимум в 50—60 см. Соболю любопытен, попробует ознакомиться с приманкой. Однако берёт приманку далеко не всегда. «Куклу» зверьки обычно не трогают, хотя были случаи, когда зверьки пытались растрепать и это сооружение.

Изредка в качестве приманок, а вернее субстрата, сохраняющего запах той или иной приманки, приходилось применять волос из шкуры оленя. Наверное, это эффективно действует в местности, где живут эти звери, а соболю встречается с их следами. Таким же образом можно применить и волос со шкуры лося. Олений и лосиный волосы обладают пористой структурой. Они достаточно гигроскопичны, впитывают в себя влагу, а с ней и компоненты любых запаховых, в том числе и искусственных, пахучих приманок. В волосе оленя и лося вполне можно «хранить» запахи соболей, как и в древесной трухе. Однако после того как волос будет перемешан с остатками кишечника из тушки соболя, мочой, экскрементами, его следует высушить и хранить в полиэтиленовом мешке. Лучше всего в темноте и на морозе.

Применяется такая смесь так же, как и перья глухарки. Десятка — другого кусочков волоса (щепотки) вполне достаточно рассыпать на подходах к ловушке или к ухоронке. Между копытами на ногах лося имеются специальные железы с секретом, обладающим сильным и специфическим запахом, а вернее мешочки, где собирается и сохраняется секрет этих желез. Высушен-

ные, мелко разрезанные, вперемешку с волосом, также порезанным на кусочки 5—10 мм длиной, они создадут вполне привлекающую соболей приманку. Это можно учитывать при добыче охотником лося. Применение такой приманки без законной добычи лося — путь к привлечению себя в качестве ответчика перед судом за браконьерство. Кстати, как и перья глухарки. Вероятно, добычу глухаря надо официальным путём оговаривать с представителями государственной охоты, как, например, это было раньше, когда штатным охотникам разрешали добывать одного — двух глухарей при выдаче наряда-задания на добычу пушных зверей.

В наше время, когда добыча практически любого объекта охоты стала способом обирать охотника-промысловика путём взимания предварительной оплаты «за ресурсы», добиться соглашения о добыче глухарки с работниками, управляющими от имени государства охотой как таковой, наверное, трудно. Ведь на фоне тех размеров мзды со стороны охотников-туристов, устремления наших чиновников, особенно тех, кто управляет охотой из центра, не ведают никаких ограничений. Все краевые, районные — только лишь исполнители, они не имеют своего слова. Это лишь частный пример «заботы» представителей государства о его населении.

Ещё одно непереносимое требование при установке ловушек, а особенно на нестационарной основе: каждое ловчее устройство должно быть замечено соболем визуально на возможно дальнем расстоянии. При использовании пахучих приманок вполне понятно, что чем более стоек запах, тем с более дальнего расстояния зверёк причует и подойдёт к нужному месту. Однако не стоит забывать: сильный, резкий запах приманки не только привлекает, но может и отпугнуть зверька. Надо помнить, что у соболя достаточно тонкое, но в то же время деликатное чутьё. Так однажды выразились заказчики из Японии в отношении обоняния японцев, при первой поставке им выделанных шкур. Тогда в качестве основы жировки была применена ворвань — жир морских зверей.

В то же время зрительное восприятие приманки также надо организовывать так, чтобы объект привлечения зверька, в частности та же норка-ухоронка, просматривался именно с высоты роста соболя на достаточно большом расстоянии. Был у нас случай, когда после знакомства стажёров со способами применения ловушек они, установив у себя на маршруте капканы, начали жаловаться, что соболя не видят их сооружений и не подходят, если не наткнутся на след запаха. Пришлось поехать посмотреть, что там и как было устроено, а затем заставить стажёров «стать на место соболя». Они пригнулись, осмотрелись, а затем освоили всё как надо. По крайней мере оба впоследствии заявили, что ранее совершенно не умели ловить этого зверя, а их

бывшие учителя «вообще до сих пор ничего в этом деле не соображают».

Во всех случаях применения любых приманок для отлова соболя необходимо чётко помнить, что уловистость ловушки высока только когда зверёк, заинтересовавшись приманкой и подходя к ней, наступает на сторожовое устройство. Если для того, чтобы ловушка сработала он вынужден брать приманку зубами, то вероятность отлова таких зверей, в лучшем случае, снижается на порядок. Поэтому даже в принципе мы не рекомендуем работать с подобными ловчими системами, за исключением отдельных случаев. Кроме того, применение большого количества приманки у ловушки не приводит к положительному результату, естественно, кроме отдельных случаев, когда организуется привада или применяется ловчая петля на жёрдке. Но и в таком варианте объёмность приманки лучше имитировать, чем выкладывать её крупные части. В качестве примера — рассказ об опыте отлова одного старого соболя охотником-стажёром на нашем стационаре.

ШЕФ

Такую кличку получил крупный соболь, самец, который на путике нашего стажёра обследовал порой до десятка ловушек, обходил капканы вокруг, не соблазняясь приманкой. Частенько на некоторых из них оставлял следы своего «уважения», выражаясь языком «аглицкого штиля», т.е. метил их своими экскрементами или мочой. Иван, молодой штатный охотник, был прислан на стажировку в качестве ученика. Любопытен, работящ, он даже в какой-то мере пытался следовать нашим советам и подсказкам — что и как делать в той или иной ситуации. Вместе с напарником они больше специализировались на добыче лисиц, которых в тот год на «тундре» Каланаки было немало. Однако постепенно осваивали и различные способы отлова соболей, лимит на которых у стажёров также имелся.

При отлове лисиц стажёры пользовались большим количеством приманки. На речушке, протекающей по «тундре» Каланаки, они ловили или собирали уже отнерестившихся кижучей, закладывали их под снегом у берегов, а после того как лисицы приваживались, ловили капканами, устанавливаемыми на подходах. Этот способ добычи лисицы нам освоить не пришлось,

поэтому интересно было узнать подробнее о нём. В то же время мы не могли себе позволить ловить или собирать такое количество рыбы в нерестовых ключах. Во-первых, это не решалось, а попадать в разряд браконьеров, а тем более рыбных, было сопряжено с возможностью «потерять лицо», как говорят на Востоке. Нет, мы не утверждаем, что совершенно не ловили рыбы, но всё происходило во вполне разумных пределах не только с собственной, но даже и с точки зрения тех людей, кто занимался охраной рыбных ресурсов. Выбросить на берег десяток отнерестившихся рыбин или в начале подходов вытащить на блесну или заколоть одну — две самки на первую икру-«пятиминутку» не вызвало нареканий даже со стороны самых отъявленных «друзей». Для лисицы — чем больше привады, тем лучше. Зато по отношению к соболю это далеко не всегда оправданно, хотя иногда бывает весьма эффективно.

Иван, столкнувшись с Шефом, который «не клевал» ни на какую приманку, вошёл в раж и начал выдумывать все самое ненужное. Например, в глубине массива каменноберезняка втыкал в снег одну или несколько рыбин, выставлял на подходах капканы и, как оказывалось позднее, лукавый соболь к этой приманке даже не подходил. Обходил вокруг, издалека, видимо, причуивал, и отправлялся далее по своим делам. Однажды Иван сообщил по радиосвязи, что теперь Шеф никак не денется. Оказывается, стажёр застрелил на ключе селезня и притащил его к следам знакомого соболя. Устроил снежную барабору и в качестве приманки посадил там замороженного крякша. Результат, конечно, был известен заранее. Соболю не полез за уткой в хитроумное устройство, а на капкане оставил знаки своего истинного отношения к охотнику.

Нет, наши советы делать так, как показывали ранее, не возымели своего действия. Пришлось вновь посоветовать поставить рядом с теми ловушками, какие стажёр устанавливал на свой лад и вкус, другие без больших кусков приманки, а только лишь с «тремья пёрышками и одной каплей пахучей приманки» в соболиной ухоронке. Сделал так и через неделю сообщил, что «есть Шеф». Зверёк оказался старым самцом. Он, вероятно, побывал в капкане, но благополучно миновал участи стать чьей-то добычей. Поэтому и остерегался всевозможных приманок.

На «пустой» капкан соблазнился. Скорее всего, сработало чувство соперничества с тем «соболем», который якобы устроил свою ухоронку на «чужой» территории.

Возможно, этому способствовал и тот момент, что капканы перед постановкой были обработаны как на лисицу. С них удалялись запахи. Перед установкой Иван окунул капканы в воду, затем обморозил. В наших условиях тщательной очистки капканов от запахов практически не делают. Охотники считают, что достаточно выварить новые капканы в кипятке с древесной золой. Второй раз можно с веточками хвоя. Мы же перед установкой связку капканов лишь выдерживали на струе переката в ключе или протоке речки. Бегущая вода смывала переносимыми песчинками не только грязь, но и ржавчину, а с ними и все запахи.

Впрочем, позднее при стационарной установке капканов мы чаще всего их разогревали и натирали обыкновенным натуральным пчелиным воском. Достигалось сразу два результата: ловушки, защищённые от воздействия влаги, не ржавели, и от них шёл привлекательный для соболя запах мёда.

Этот фрагмент с поимкой стажёром осторожного соболя, который прекрасно чуял все капканы, умело обходил их или не подходил близко, мы вспомнили в связи с пристрастностью охотника выкладывать как можно больше приманки. В местах, где рыбы определённо быть не должно, взрослые соболи к такой приманке относятся настороженно, особенно когда в округе много полёвок, сохраняются ягоды голубики, брусники или есть шишки с орехами кедрового стланика. Такого соболя можно поймать, используя либо любопытство зверька, либо его отношение к мнимым соперникам в округе. Обычно же нельзя ставить в качестве «делачести» желание изловить одного какого-либо осторожного зверька. Это требует затрат большого количества времени. Лучше всё-таки использовать при охоте за этим зверьком способ преследования по следам — тропление. Что, в свою очередь, позволит лучше ознакомиться с обстановкой. При этом вполне появится возможность добыть какого-то конкретного соболя, если вытروпить его след до дневного убежища. Тут останется только «выкурить» его и далее — не промазать из ружья по убегающему зверьку.

Спешите подписаться на наш журнал!
Заканчивается подписка на 1-е полугодие и на весь 2014 год
Наши индексы: 70673 - на полгода и 72376 - на год
по каталогу Агентства «Роспечать»

Выдающийся ученый-охотовед

А. МУХАЧЕВ, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Борис Михайлович Павлов родился 12 июля 1933 г. в селе Заречье Александровского района Владимирской области. Рано лишился родителей, воспитывали его бабушка с дедушкой. Они же обучалимышленного мальчугана премудростям жизни. Позднее его мировоззрение формировалось под влиянием школьных учителей, окружающей обстановки, собственного опыта. С детских лет Борис сблизился с окружающей природой: ходил с бабушкой за грибами, за ягодами. Она знакомила его с полезными и лечебными растениями. С дедом охотился, учился у него различным ремеслам. В школьные годы его любимыми книгами были сочинения о жизни животных. С особым вниманием он вчитывался в труды Альфреда Брэма, Э. Сетона-Томпсона, Леонида Сабанеева, Александра Черкасова. В восьмом классе Борис твердо решил свою жизнь посвятить изучению животных, стать зоологом, получить биологическое образование. После окончания средней школы поступил в Московский пушно-меховой институт на охотоведческое отделение.

В 1955 г. МПМИ был расформирован. Студентам охотоведческого факультета было предложено продолжить учебу по специальности в Иркутском сельскохозяйственном институте, где Борис стал углубленно изучать птиц, читать книги по орнитологии. Однажды он прочитал о розовой чайке (С.А. Бутурлин). Эта птица необыкновенной окраски, со своеобразным полетом, захватила его душу. У него появилась, как он позднее говорил мне, «розовая мечта» — увидеть розовую чайку хотя бы один раз в жизни. Он понимал, ни в Иркутске, ни в ближайшей округе эту жар-птицу не встретишь. Надо ехать на север. Ведь только там ее видели. В 1959 г. он окончил Иркутский СХИ и получил специальность биолога-охотоведа. Просился, чтобы его направили на самый дальний север. Именно там он рассчитывал встретить птицу своей мечты. Ему дали направление на Тюменский север в Ямало-Ненецкий национальный, ныне автономный, округ. Здесь он работал почти шесть лет в окрыболовпотребсоюзе охотоведом окрзаготконторы. В период работы на Ямале Борис перечитал всю литературу по орнитофауне округа. Ни в одной работе не было упоминания о розовой чайке. Не встречал их и профессиональный зоолог Б. Житков, который на севере Ямала провел три года. А ведь это было в начале века, когда природа округа еще сохранилась в первозданном виде. Борис часто думал: «Раз никто здесь не встречал розовую чайку, значит ее нет на Ямале. Ее надо искать восточнее, на Таймыре».

Прочитал Борис и литературу о растительном покрове Восточного Таймыра, где среда для обитания розовых

Борис Михайлович Павлов (1933—1995)

чаек весьма благоприятная, близкая к Якутской.

Борис любил Ямал. Природа там хорошая, животный мир интересный, люди замечательные, но надо ему покидать этот край ради своей «розовой мечты» — увидеть розовую чайку. Надо перебраться дальше на север. Надо ехать на Таймыр. Именно там, на Восточном Таймыре, должны быть розовые чайки.

Спустя некоторое время Борис улетел в Норильск. В 1964 г. его приняли в НИИСХ Крайнего Севера на должность младшего научного сотрудника. В институте у Бориса оказалось много знакомых. Отделом биологии промысловых животных заведовал кандидат биологических наук Василий Дмитриевич Скробов, а с ним Борис работал на Ямале. Охотоведы встретили его хорошо. Большую помощь ему оказали старшие товарищи, более опытные и знающие «научную кухню». В первую очередь — Василий Дмитриевич Скробов, Мендель Хаимович Геллер, Григорий Дмитриевич Якушкин, Лев Николаевич Мичурин. Павлов сразу включился в жизнь отдела и стал его душой. Приходилось ему заниматься всем: и диким северным оленем, и песком, и куропатками. Он поступил в аспирантуру; диссертационная тема по куропатке. Каждый год он планировал попасть на Восточный Таймыр, мечтая встретить розовую чайку.

В июне 1823 г. в районе северо-восточного побережья полуострова Мелвилла лейтенант британского королевского флота Джеймс Кларк Росс (открыватель северного и южного магнит-

ных полюсов земли) добыл двух чаек, окраска которых поразила не только Росса, но и всех его спутников. В их оперении преобладали серый и розоватый цвета, при этом спина и крылья были светло-серые, голова и шея — белые с розоватым оттенком, а грудь и подхвостье — ярко-розовыми, вокруг шеи в виде ожерелья была узкая бархатисто-черная полоска, клюв был черным, вокруг глаз — красный ободок, а ноги — ярко-красные. Осенью этого же года шкурки чаек были доставлены в Эдинбургский университет, где специалисты описали птиц и дали название — розовая чайка.

Спустя четыре года Джеймс Росс увидел этих необыкновенных чаек к северу от о. Шпицберген. Третий раз розовую чайку он встретил в 1858 г. на о. Гельголанд. Спустя 21 год в Чукотском море недалеко от о. Геральд участники американской экспедиции, находящиеся на корабле «Жанетта», обнаружили этих птиц. Почти ежедневно они видели молодых и взрослых птиц. Знаменитый норвежский исследователь Арктики Фритьоф Нансен писал: «С того времени как попал на север, я мечтал увидеть розовых чаек. Этих таинственных обитателей неведомого Севера встречали до сих пор случайно, никто не знает, откуда они появляются и куда улетают». Его мечта осуществилась лишь только в 1895 г. во время труднейшего перехода по дрейфующим льдам к северу от Земли Франца-Иосифа. Радости его не было предела: он плясал и кувыркался, чем очень удивил своего спутника, который предположил, что Нансен сошел с ума. В конце позапрошлого века исследователю Севера И.Д. Черскому посчастливилось побывать на Колыме, где он увидел двух розовых чаек. Осенью 1901 г. участники русской полярной экспедиции Э. Толля встретили стаи этих птиц невдалеке от о. Бенетта, входящего в состав Новосибирских островов. В различные годы одиночных птиц встречали около Гренландии, у берегов Англии, Франции, Норвегии, Камчатки. Видел розовую чайку на Северной Земле известный исследователь Таймыра Н.Н. Урванцев.

Шли годы, а ученых все больше и больше волновал вопрос: где родина этих необыкновенных чаек? Лишь в 1905 г. известный зоолог С.А. Бутурлин смог приоткрыть завесу таинственности: ему удалось установить, что родина розовых чаек — северо-восток Сибири: в низовьях Колымы, на Алзее и Индигирке среди заболоченной тундры он обнаружил гнезда, яйца, выводки этих птиц. Его описания были точны и скрупулезны. Первые птицы в заболоченные тундры (от низовья Яны до низовьев Колымы) прилетают в конце мая. Гнездятся как отдельными па-

Фридьоф Нансен (1861–1930),
величайший норвежский путешественник

рами, так и небольшими колониями до 10—15 пар. Нередко свои гнезда они устраивают невдалеке от гнезд крачек. В период ухаживания за самкой самец выполняет своеобразный танец: прогуливается то в одну, то в другую сторону, издает нежные звуки и кланяется. Вот как описывает этот ритуал С.А. Бутурлин: «Самец всячески выражает самке свою нежность, то как-то поклевывая или почесывая ей шею открытым клювом, то время от времени начинает похаживать перед ней взад и вперед, несколько выпячивая зоб, и затем с какой-то трелью или трещанием «тррр» наклоняет совершенно переднюю половину туловища к земле (точнее, ко льду или снегу), поднимая высоко вверх заднюю половину с хвостом и сложенными крыльями, и продолжает эту пантомиму несколько секунд, делая в этом положении несколько шагов туда-сюда. Иногда этим упражнением предается и самка. После этого ритуала птицы отправляются на воду, где плещутся, часто окунают головы, играют водой. Периодически выходят на землю. При строительстве гнезда делают на кочке небольшое углубление, которое устилают скромно сухим мхом, листьями и прошлогодними стебельками осоки. Откладывает самка два-три бурых с коричневыми пятнами яйца. Днем птицы насиживают яйца по очереди. В ночные часы на гнезде сидит лишь самка. Насиживание продолжается около трех недель. Птенцы появляются в конце июня — начале июля. У них серовато-бурый наряд с крупными коричневыми пятнами на спине и голове. Так что они совершенно незаметны на окружающем фоне. К осени у них спина становится серебристой с черными пятнышками, грудь и брюшко с едва заметным розовым оттенком, вокруг шеи пятнистое

ожерелье. И только позднее они приобретают окраску взрослых, при этом самцы будут окрашены несколько ярче самок».

Как только молодые начинают летать, птицы совершают перелет в направлении севера, к побережью Ледовитого океана. Питаются птицы насекомыми и их личинками, рачками, моллюсками, мелкой рыбой. Голос розовых чаек очень разнообразен. Встревоженная чайка часто кричит «э-дак, э-дак, э-дак», влюбленная выводит мелодичное «трррр», испуганная мяукает. Звуки эти напоминают, по мнению доктора биологических наук С.М. Успенского, «то верещание, то негромкое воркование». Красива розовая чайка в полете: небольшая по размерам, с узкими длинными крыльями, удлинённой (клиновидной) формы хвостом она совершает грациозные, порхающие, пикирующие полеты, в которых столько легкости и очарования, что оставляет незабываемое впечатление на всю жизнь. Приступают птицы к размножению, достигнув лишь 2-летнего возраста. Поэтому молодые птицы встречаются в просторах Арктики и в гнездовой период. В годы затяжной холодной зимы птицы практически почти не размножаются или в кладке бывает меньше яиц, причем до половины из них оказываются неоплодотворенными.

В сентябре птиц ежегодно видят на севере Новосибирских островов, а в октябре — в районе северной оконечности Аляски — у мыса Барроу. Причем здесь они образуют большие скопления. Отсюда они всегда летят на восток, но куда именно — неизвестно. Это еще одна из тайн, связанных с жизнью этих птиц.

Вне России розовые чайки sporadически гнездятся в Канадском архипелаге (о. Мейгден) и Гренландии (земля Диско). Зимой кочуют в свободных от льдов частях Северного Ледовитого океана до 84 градусов 41 минуты северной широты.

Розовая чайка — персонаж многих легенд. Раньше у чукчей и якутов, про-

Розовая чайка

Сергей Александрович Бутурлин
(1872–1938), орнитолог

живающих на северных побережьях, существовало поверье: над кем пролетит розовая чайка, тот будет счастливым человеком. Можно без сомнения сказать, что счастлив тот человек, кто хоть раз в жизни увидел розовую чайку. Известный орнитолог К.А. Воробьев пишет: «Когда мне задают вопрос, какая из наших птиц самая красивая, я называю розовую чайку. Она является украшением Арктики, прекрасным символом якутской тундры. Замечательно то, что именно здесь, среди бедной, суровой природы Севера, обитает одна из красивейших и необычных птиц нашей фауны».

В двадцатых числах мая 1973 г. старший научный сотрудник отдела биологии промысловых животных Борис Михайлович Павлов и старший лаборант Владимир Федорович Дорохов отправились в экспедицию на Восточный Таймыр в район р. Большая Бадахня. Павлов надеялся увидеть там розовую чайку.

Из дневника Б.М. Павлова:

24 июня. Среди тревожных криков бургомистра и серебристых чаек услышал незнакомый мне крик. Когда я оглянулся, то увидел трех маленьких птиц, полетом напоминающих чаек. Сердце мое екнуло, по телу пробежала дрожь — в этих миниатюрных птицах я сразу узнал розовых чаек!!! Помоему, я был какое-то мгновение растерян, а потом мною овладело ликование. Как будто душа моя пела и кричала: «Я вижу розовых чаек...» Они пролетели от меня метрах в ста пятидесяти, и я хорошо разглядел цвет их оперенья на нижней части тела и черное ожерелье на шее. Именно это ожерелье мне сразу сказала — это розовые чайки. И цвет спереди был не розовым, а скорее желтоватым, близким к цвету мандарина. Мне надо было как-то разрядиться от необыкновенной радости. Я в одиночку исполнил прыгающий

танец. Надеюсь, он был не хуже танца Фриггофа Нансена... (Б.М. Павлов считал, что розовые чайки здесь не случайные гости. Они должны были в этом месте гнездиться. Пройдя метров пятьсот в сторону озера, на его льду он заметил сразу четырех розовых чаек, которые сидели парочками недалеко друг от друга. На фоне льда отчетливо было заметно их розовое оперенье. Птицы один раз принимались исполнять подобие брачных игр (танцев).. На льду следующего озера тоже сидели розовые чайки.)

2 июля. Пасмурно. Дождя нет. Ветер западный. Температура плюс пять градусов. Днем временами на мгновение проглядывало солнце. Вновь встреча с розовыми чайками. Сначала у первого озера их было четыре штуки. Они кружили. В бинокль я стал рассматривать окрестности и неожиданно для себя заметил массу белых точек на берегу озера, которое находилось в семистах метрах к северу. Это были чайки. Некоторые поднимались в воздух. Все чайки были розовые!!! Их масса! «Я полетел на крыльях» в их сторону. А добраться туда оказалось делом трудным. При подходе к этому месту метров за сто пятьдесят мне навстречу стали вылетать розовые чайки. Всего я насчитал 35—40 пар. Гнезд не было. Это большая колония розовых чаек. Все они держались парами. Много их (двадцать четыре пары сразу) сидело на льду соседнего озера.

Мне кажется должны они здесь гнездиться. Когда я отошел метров на сто — двести, чайки снова стали садиться на берег озера, причем каждая пара как бы занимала определенный участок. В бинокль я увидел еще одно скопление дорогих мне чаек, но я к нему не пошел. В следующий раз мы детально обследуем весь район. Я убежден, что розовые чайки здесь гнездятся. То, что они здесь не случайно, это факт. Скорее всего это обособленная популяция, и они здесь бывают ежегодно. Будем ждать, когда они начнут гнездиться. О, если бы так было.

6 июля. Погода как видно налаживается. Стало теплей, больше солнца. Во второй половине дня маршрут к колонии розовых чаек. В душе теплится надежда, что сегодня найдем и гнезда. При подходе к колонии нас приветствовали дозорные. Они встретили нас метров за триста — триста пятьдесят. Я вновь обследовал все возвышенные бугры, на которых в бинокль всегда видно массу чаек, но гнезд не нашел. Я продолжал внимательно наблюдать за розовыми чайками — в бинокль и без него. Несколько пар кружились над нами, много их сидело на льду озера. Но что это? В метрах тридцати пяти — сорока от меня одна розовая чайка плавно опустилась на землю, при этом что-то передвинула клювом под себя и уселась, но после этого мгновенно взлетела. Но вот после посадки на землю она повторила то же самое второй раз. Так же что-то под собой передвинула клювом и распушив оперение сделала несколько характерных движений

Савва Михайлович Успенский (1920—1996), зоолог

и застыла. Тут-то я окончательно понял, что она сидит на гнезде. Сердце мое стало стучать чаще и сильнее. Застучало в висках. Ведет себя чайка так только при посадке на гнездо. Заметив хорошо место, я направился туда. И не сразу обнаружил то, что искал.

И вот оно гнездо!!! В нем одно яйцо. Совсем рядом я сразу увидел второе гнездо. В нем было два яйца. Через некоторое время мы нашли следующее гнездо — в кладке было три яйца!!! И еще одно гнездо. В нем было два яйца. Все гнезда были расположены на сильно увлажненном моховом субстрате. Гнезда представляли собой небольшие углубления во мху, выстланные прошлогодней ветошью. Конечно, до этого я искал гнезда розовых чаек совершенно не в таких местах. Радости моей нет предела: для Таймыра мы открыли новый вид, причем гнездящийся вид — Розовую чайку.

Во время этой экспедиции Б.М. Павлов добыл розовую чайку и подробно описал ее оперение.

В 1974 г. Борис Михайлович защитил диссертацию на тему: «Белая и тундровая куропатки Таймыра» на соискание ученой степени кандидата биологических наук. В этом же году он был назначен заведующим лабораторией экологии диких животных.

В 70-е гг., весьма напряженные в жизни Б.М. Павлова, он руководит и принимает активное участие в изучении орнитофауны Таймыра; участвует в авиаучетах таймырской популяции диких северных оленей; изучает ее поло-возрастной состав, продуктивные качества; отрабатывает технологию добычи диких северных оленей на водных переправах! Принимает деятельное участие в организации госпромхоза «Таймырский»; руководит и участвует в организации завоза овцебыков на Таймыр; устанавливает оптимальную территорию для их выпуска, обеспечивает постройку для них загон, способствует обустройству базы «Бикада» с целью изучения акклиматизации завезенных животных.

В 1982 г. Борис Михайлович становится заведующим отдела промысловой биологии. Благодаря высокому профессионализму, объемному мировоззрению, большим организаторским способностям, ему удалось существенно расширить и углубить исследования промысловой фауны Енисейского Севера.

Таймырская популяция диких северных оленей была в центре исследовательской деятельности сотрудников отдела. Это позволило досконально изучить ее эколого-морфологические особенности, пространственный сезонный ареал, пути миграции ее основных потоков, с помощью математических моделей рассчитать параметры состояния популяции во временном пространстве, разработать перспективные технологии по добыче диких северных оленей на водных переправах и на суше, дать рекомендации по рациональному использованию и охране таймырской популяции диких северных оленей — крупнейшей в мире.

Активно исследовал Павлов основного пушного зверя Эвенкии — соболя. Впервые начал вести комплексные исследования по экологии пutorанского снежного барана. Должное внимание уделял изучению гусей Таймыра, редких видов зверей и птиц региона. Б.М. Павлов и его сотрудники осуществили большую работу по установлению и организации заповедных территорий на Таймыре.

Эти научные достижения в виде статей были опубликованы в научных трудах, журналах. Борис Михайлович — автор и соавтор более 150 научных работ. Он соавтор книги «Охотничье хозяйство Енисейского Севера», которая является настольной книгой для охотников, охотоведов, руководителей и специалистов охотничье-промысловых хозяйств региона. Б.М. Павлов совместно с Г.Д. Якушкиным издали чудесный фотоальбом «Таймыр край удивительный».

Борис Михайлович постоянно вносил предложения в вышестоящие руководящие органы по оптимизации рационального использования и охране фауны Крайнего Севера. Он оказывал постоянную помощь охотничье-промысловым хозяйствам в вопросах рационального использования промыслового запаса животных.

Б.М. Павлов трагически погиб в 1995 г. За высокие научные и производственные достижения Б.М. Павлов в 1986 г. награжден орденом «Дружбы народов». За разработку основ промыслового оленеводства и внедрение в производство прогрессивной технологии заготовки и переработки оленьины в 1990 г. ему присвоено звание Лауреата премии Совета Министров СССР. Его вклад в рациональное использование и охрану фауны Крайнего Севера отмечен серебряной медалью ВДНХ.

Вспоминая деятельность Бориса Михайловича Павлова по случаю его 80-летия, не будем забывать о вкладе, внесенном им в изучение и охрану животного мира Таймыра.

Новая встреча выпускников Московского пушно-мехового техникума

Позади несколько месяцев переписки, множество телефонных звонков, вот, наконец, свершилось: определено время и место встречи людей редкой профессии — охотовед, тех кто получил эту специальность в МП-МТ, в этом прекрасном учебном заведении, кузнице кадров охотоведов среднего звена.

Те кто ехал из Архангельской области, Карелии, Татарстана встретились в городе Юрьев-Польский Владимирской области. Отдохнули с дороги, познакомились с достопримечательностями этого древнего города, жемчужины «Золотого кольца» России. На следующий день добрались до посёлка Орешки, что в Рузском районе Московской области. В местном лесничестве, кстати, мы проходили небольшую практику весной 1975 г. Погуляли по посёлку, посидели за столом в саду у радужного хозяина, нашего однокурсника, Боровкова Бориса Петровича, приложившего много сил для организации встречи. Ночевать разъехались по домам близко живущих друзей. А утром снова в путь. По дороге познакомились с производством биогумуса, продуктом деятельности дождевых червей, где трудится другой наш однокурсник, Алгашев Николай Михайлович, послушали его рассказ об экологически чистом производстве продуктов питания. Посетили родину первого космонавта,

Юрия Гагарина, познакомились с жизнью Героя.

И наступила долгожданная минута: 15 часов, 15 июня 2013 г., город Дорогобуж Смоленской области. Вереница машин с номерами различных регионов страны собралась у стен этого славного города.

Гостей встречает организатор встречи и уроженец этих мест, Михальцов Александр Алексеевич, наш однокурсник, охотовед по призванию и по должности.

Ещё немного терпения езды по бездорожью, и нас доставляют на базу охотхозяйства «Барсуковское».

Всё благоприятствует встрече: тёплая солнечная погода, прекрасная природа, гостеприимный приём работников охотхозяйства. Общее фото запечатлело всех присутствующих и будет напоминать нам об этих счастливых днях в нашей жизни. Хочется отметить, что это уже наша третья встреча охотоведов 1976 г. выпуска. Первая состоялась в 2008 г., вторая в 2011 г. на реке Волга под Ярославлем в Никольском охотхозяйстве. А сейчас нас собралось 25 человек, тех кто закончил техникум в 1976, 1977, 1978, 1979 гг. Наш уважаемый преподаватель биологии, присутствующий на встрече, Шишков Валерий Павлович, закончил наш техникум в 1964 г. Присутствовал и представитель молодого поколения охотоведов, Олег Кондрашов, 1990

года выпуска.

И вот все за большим П-образным столом, на открытой веранде, построенной специально для встречи. Поздоровались друг друга со встречей. Поблагодарили хозяев за радужный приём. Помянули поимённо тех, кого уже никогда не будет с нами на наших встречах, а этот список не малый. Много хорошего было сказано о наших любимых преподавателях: Булло Е.П., Кучнистове А.П. Вастерове Н.Г., Кессельман И.К., Ческис Г.Х., Новиковой Н.Ф., Лукерьиной Г.В., Лисенкове Н.Н., Андандонском Г.А. Это они научили нас основам нашей профессии, дали путёвку в жизнь. Каждый участник встречи рассказал, как прожил он эти годы, поделился своими удачами и невзгодами. Встреча продолжалась два дня. Горел костёр, жарилось мясо, варилась уха, кипел чайник. А сколько радости было на лицах друзей!

Наша работа коснулась и расцвела охотничьего хозяйства при советской власти, на наши же плечи легли хаос и беспредел перестройки. Кто-то уже вышел на заслуженный отдых. И встреча эта — не последняя.

По поручению участников встречи, Клементьев Александр Анатольевич
Тел: 8-919-027-21-48,
8-980-754-19-65,
г. Юрьев-Польский.

На чукотских моржовых лежбищах

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

В фауне морских млекопитающих Северной Евразии известно три подвида моржей — атлантический, лаптевский и тихоокеанский. Если атлантический морж в своём распространении ограничен акваторией Северного Ледовитого океана от арктической Канады до центральной части Карского моря, то другой его сосед, лаптевский морж, имеет очень небольшой ареал, включающий восточную часть Карского моря, западный и центральный районы моря Лаптевых. Самый крупный из моржей — тихоокеанский. Это к нему можно с полным основанием отнести выражение знатока русского языка В.И. Даля: «Морж — самый крупный ластовик ледовитого моря» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 1881. Т. 2)

Действительно, тихоокеанский морж — самый крупный в мире. Он обитает в Чукотском (от пролива Лонга до о. Врангеля) и Беринговом (от мыса Наварин и Анадырского залива, далее вдоль побережья Камчатки, о. Карагинский, полуостровов Кроноцкий и Шипунский, Командорские острова) морях. В конце XIX в. моржи встречались ещё в северной части Охотского моря. Наиболее многочисленная группа моржей скапливается на лежбищах острова Врангеля; в последние два десятилетия тут отмечали более 200 000 особей. Самое большое из лежбищ о. Врангеля (Блоссомское) расположено на западе острова, на мысе Блоссом.

Побережье Чукотки — также один из основных районов обитания тихоокеанского моржа. До конца XIX в. здесь были известны 33 лежбища, а в 1950-х гг. осталось всего три. Ещё полтора столетия назад общее количество чукотских моржей по ориентировочным данным составляло 60 000 голов. Позднее их численность сократилась, а затем возросла в несколько раз. Причины таких колебаний поголовья зверя одним антропогенным воздействием, а это — традиционный объект промысла малых народов северо-востока России, или проявлением изменений природных условий в Арктике, объяснить не удаётся. Поэтому внимание к проблеме тихоокеанского моржа сейчас актуально.

Морж для эскимосов, алеутов и чукчей — своеобразный универсальный природный ресурс, этаким «мясным гастрономом». Культура и технология использования моржа — его мяса, шкуры, клыков и костей, исключаются многими веками и были известны для северных аборигенов по всему ареалу зверя. Так, например, археологи установили, что в глубокой древности — в палеоэскимосский период, зверей активно добывали на арктических островах. На о. Врангеля, в урочище Чертов овраг, было раскопано селение древних охотников, главным источником существования которых был промысел

Моржи выходят на берег

Фото В. Семёновой

этих зверей. Археологами в культурном слое селения обнаружены восемь черепов моржей разных возрастов.

О том, насколько древними являются культура и традиции моржового промысла у эскимосов, алеутов и чукчей, свидетельствует многообразие названий, данных ими этому зверю. Так, у прибрежных эскимосов существуют различные наименования старых и молодых моржей, самцов и самок. Каждое животное имеет своё, вполне определенное предназначение в хозяйстве. У аляскинских эскимосов, например, «антохнак», или «антохкайпиок», — старый морж или «старик с плавучей льдины» с очень толстой, морщинистой, с многочисленными рубцами и шрамами шкурой, не поддающейся обработке. Мясо же этих зверей отличается грубостью волокон и жесткостью, а потому несъедобно. Старая самка по-эскимосски — «ангасалик», или «ангрук», дает хотя и толстую, но большую шкуру, пригодную для постройки лодки. Мясо её лишь немного нежнее, чем у старого самца. Шкура молодого, но уже подросткового самца, которого эскимосы называют «ункавак», или «ункоблук», идёт на изготовление ремней. Мясо его, так же как и у молодой подростковой самки (по-эскимосски «айвук»), неплохое на вкус и довольно нежное. Из шкуры совсем маленького детеныша, которого эскимосы называют «кассекак» («крикун») или «иззаквук» («большой ласт»), делают подошвы для обуви. Мясо его самое нежное. Разные названия дают эскимосы моржам даже в зависимости от того, где звери находятся: моржа,

плывущего в воде, они называют «айвок», лежащего на льдине — «унавок», лежащего на берегу — «укхток».

С древних времен ценились клыки моржа. Это прекрасный и прочный материал, который легко поддается обработке. Эскимосы из клыков изготавливали орудия труда и охоты, амулеты и ритуальные предметы. Так, в культурных слоях Уэленского, Эквенского и Чинийского могильников на Чукотке археологи нашли настоящие шедевры косторезного искусства древних эскимосов.

Морж в жизни коренных жителей Чукотки много веков назад имел и до сих пор имеет большое значение. Гастрономические пристрастия этих северных народов не всегда находят понимание у европейцев. Мясо моржа употребляют в вареном и замороженном виде (строганина), вяленным и сухим (нуккурак). Свежее мясо моржа нарезают на мелкие кусочки и варят с растительной приправой, иван-чаем и морскими водорослями. Мясо с душиком (соник) варят большими кусками. Изготавливают копальгын (тухтак) — мясо, зашитое в шкуру моржа с жиром. Такой «мешок» весит 60—80 кг. Иногда тухтак вместо мяса заполняют печенью и почками моржа, и он становится более сочным. Особым деликатесом считается тухтак с зеленоватым салом и с душиком. Если морж худой, то кишки заполняют жиром. Из оболочек кишок шьют непромокаемые плащи — дождевики (силъагат). Печень (тынук) едят в вареном (жареном), замороженном и закусанном (кулиси-

как) виде. Замороженную печень перед едой разбивают молотком на мелкие кусочки и едят с топленным жиром, заваренную — с вареной моржовой шкурой с салом (каху). Почки едят в свежем виде, а иногда «с душком», с топленным тюленьим жиром. Передние лапы и задний плавник взрослого моржа едят в сыром виде. Особым деликатесом считается мясо и шкура с салом, передние лапы и задний плавник детеныша (исавгак) в сыром виде. Мясо детеныша сушат с таким расчетом, чтобы внутренняя часть оставалась сырой. Потом варят в котле и кладут в деревянную бочку с топленным жиром. Едят только в зимнее время.

Большинство постоянных лежбищ моржей находится на побережье Чукотки. Самые известные из них — Аракамченское лежбище на юге Берингова пролива, Меечкынское и Руддерское в Анадырском заливе. Два последних лежбища вызывают повышенный интерес не только у учёных всего мира, но и у охотников, туристов и природоохранных организаций. Только здесь залегает более 50 % самок с детенышами, тогда как на других лежбищах встречаются лишь одни самцы. Меечкынское и Руддерское лежбища составляют основу обособленной «анадырской» группировки. Исследователи подчеркивают, что эта группировка моржей большую часть года обитает отдельно от основной части популяции тихоокеанского моржа, проводящей нагульный период в Чукотском море. Как и в других районах ареала зверя, численность и уровень рождаемости его популяций в настоящий период снижаются. Это касается и лежбищ Анадырского залива. По оценке учёных, всего в водах Чукотки и Аляски коренные охотники добывают не более 6 500 голов, включая потери. Российские и американские ученые считают, что промысел в таких размерах пока не угрожает стабильности популяции. Однако необходимы дополнительные исследо-

вания для уточнения фактических размеров потерь и численности зверя в настоящий момент. Самой острой проблемой становится необходимость проведения полномасштабного учета численности моржей по всему ареалу, так как неясно с чем связана её депрессия — с естественными причинами или антропогенным воздействием. До тех пор, пока эти причины не будут установлены, необходимо усилить охрану моржей в наиболее уязвимых местах, таких как береговые лежбища, иначе снижение численности субпопуляций в отдельных точках ареала может угрожать существованию животных как биологического вида.

В СССР ещё в 1956 г. был введен запрет на коммерческий промысел животных. Запрет действует и по сей день. Однако жителям Чукотки оставили право добывать моржей ради удовлетворения своих традиционных, жизненно необходимых потребностей, а также для поддержания традиционного уклада жизни. Таким же правом обладает коренное население Дании (Гренландия), Канады и США (Аляска).

На промысел в море добытчики обычно выходят на одной или двух лодках. Сначала они ведут наблюдения, ожидая, когда одно из животных появится на поверхности, чтобы набрать в легкие воздуха. Тогда охотники подплывают к нему на возможно близкое расстояние, чтобы можно было метнуть в моржа гарпун. Это очень важная, можно сказать «знаковая», часть охоты. К гарпуну прикреплены верёвка и поплавки — пластиковый цветной шар, заполненный воздухом. Оставаясь на поверхности, поплавок позволяет отслеживать перемещения животного под водой в ожидании, когда оно вновь появится на поверхности.

На загарпуненного зверя начинается ружейная охота. Жители Чукотки, как истинные охотники, стараются добыть моржа первой же пулей. Затем его закрепляют верёвкой и буксируют к бере-

гу, к месту разделки. Здесь желанную добычу уже нетерпеливо ждут все жители посёлка. После свежевания они могут забрать домой необходимое количество мяса, которое убирают в ледник — выкопанный в земле коридор с нишами. Тушу взрослого животного весом около тонны, разделяют на отдельные куски по 80 — 90 кг и зашивают в шкуры (так начинается своеобразный ферментативный процесс). Такие тушки называются копальгины. Чтобы прокормить стандартную семью и упряжку собак в течение полярной зимы нужно запасти семь-восемь копальгинов.

Морской зверобойный промысел на Чукотке — основная хозяйственная деятельность жителей прибрежных сел, обеспечивающая традиционный образ жизни и сохранение национальной культуры коренных народов Севера. Мясо и сало морских животных богато незаменимыми аминокислотами и является неотъемлемой составной частью питательного рациона аборигенов, основой для поддержания иммунитета и выработки витамина D. Чукчи традиционно используют все части добытых моржей. Бивни морского великана — прекрасное сырьё для резных изделий, жир применяют для обогрева и освещения. Трофейную продукцию распределяют среди местных жителей совершенно бесплатно и только для личного потребления — эти положения оговорены в правилах Международной китобойной комиссии и в законодательстве Российской Федерации.

После принятия запрета на промышленный промысел зверя на фоне возрастания численности тихоокеанского моржа в пределах его ареала, по данным сотрудников лаборатории по изучению морских млекопитающих Чукотского филиала Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра, на рубеже XX и XXI столетий на чукотской стороне функционируют около двух десятков лежбищ, ещё несколько находятся на побережье Корякии и два-три — на Аляске.

Чтобы лучше себе представить, как выглядят на самом деле чукотские моржовые лежбища, предлагаю познакомиться с впечатлениями зоологов, наблюдавших этих зверей в природе. Во второй половине XX в. на одном из самых крупных в мире лежбищ — на о. Аракамчен, побывали известные учёные-зоологи Московского университета братья Юрий Моисеевич и Владимир Моисеевич Смирины, которые написали удивительную книгу — «Звери в природе» (М. 1991). Вот отрывки из этой книги, посвящённые тихоокеанским моржам.

Моржи на острове Аракамчен

«Осенью 1977 года наконец осуществилась моя давнишняя мечта — я еду на лежбище моржей. Первых моржей я увидел к вечеру, когда мы подходили к острову. Вдалеке над водой то и дело вздымались быстрые кустистые фонтанчики белых брызг, а местами

Старинное эскимосское святилище

Фото Н. Вехова

Самый меткий охотник бросает гарпун в цель

Фото Н. Вехова

можно было видеть качающиеся на волнах головы зверей. Морды их торчали вверх, а клыки были направлены горизонтально. Я сразу же вспомнил две точно такие же головки моржей на звене вырезанной из кости чукотской цепочки, которую когда-то видел на выставке. Впечатление совпадало удивительно.

Утром мы отправились к лежбищу. Для этого надо было пройти около километра по волнистой тундре, низины во многих местах были заболочены, а в некоторых из них располагались озера. Встречались многочисленные норы арктических сусликов. Около некоторых из них можно было видеть самих зверьков. Мы прошли мимо маяка со старым гнездом ворона и приблизились к береговому обрыву. Первый же взгляд вниз ошеломлял. Под стометровым обрывом находился песчано-галечный пляж шириной примерно 50 метров. Этот пляж сплошь покрывали огромные тела зверей, которые выглядели до странности плоскими. Все лежбище казалось огромным ковром охристо-золотистого цвета, инкрустированным множеством клыков, причудливо разбросанных парами по его поверхности. Неожиданно было и то, что клыки у зверей не белые, а желтые. Этот ковер простирался вдоль берега более чем на километр и оканчивался, как обрезанный ножом: у края лежбища звери лежали так же плотно, как и в центральной части.

Из моря выходили все новые и новые моржи. Больше всего их было у концов лежбища, но и вдоль всей его длины звери тоже выходили. Всюду в море виднелись плавающие и отдыхающие на воде животные. При первом взгляде на лежбище их окраска выглядела однородно золотистой, но при внимательном рассмотрении она оказалась более разнообразной. Головы и шеи наиболее крупных животных были розоватыми. Этот розовый цвет

у давно лежащих на берегу зверей имел теплый оттенок, в то время как у недавно вышедших из моря животных он был мертвенно-голубоватым и очень светлым. На этом фоне четко выделялись черного цвета нос и верхняя губа. Эти черные пятна были не у всех зверей, но у некоторых выглядели так, как будто конец морды закопчен. В центральной части лежбища звери лежали на влажной серой глине, и их тела, сплошь вымазанные ею, были однородно голубовато-серыми. Глина на поверхности тел очень быстро высыхала, и когда звери шевелились, поднималась в воздух тончайшей серой пылью. Над этой частью лежбища все время клубился сероватый туман. На участках с темным грунтом звери выглядели почти черными. Молодые моржи отличались бархатистой шерстью, более темной, чем у взрослых, имевшей слегка зеленоватый оттенок. Над лежбищем все время слышались голоса животных: то рев, то свистки или гудение, то стоны. Громче других звучали протяжные вопли молодых зверей.

Иногда слышался треск, напоминающий щелканье кастаньет (звери издавали его, стуча зубами), а с моря доносились звуки, похожие на колокольный звон. Рев плавающих моржей далеко разносился над поверхностью океана. Все это вместе с шумом моря сливалось в общую музыку, которая звучала несравненно спокойнее, чем гвалт лежбища котиков. Впечатление будет неполным, если не упомянуть о запахе, характерном для выделений всех животных, питающихся морскими организмами. Довольно сильный близ, этот запах доходил и до наших палаток, когда ветер дул со стороны лежбища.

Береговые лежбища моржей — это места отдыха зверей в период, когда море на больших пространствах свободно ото льдов. Жизнь моржей теснейшим образом связана с морскими

льдами. Питаясь донными беспозвоночными, моржи придерживаются акваторий, где глубина не превышает 100 метров (глубже они за кормом не ныряют). Моржи не могут находиться в воде непрерывно, они должны выходить из нее для отдыха, чтобы восстановить необходимый для ныряния запас кислорода в мышечной ткани. Такую возможность в местах кормежки и создают плавающие льды. Сплошных льдов моржи также избегают — необходимы разводья. Поэтому тихоокеанские моржи, зимующие во льдах Берингова моря, весной начинают двигаться на север по мере отступления и таяния льдов. Лето они проводят в Восточно-Сибирском и Чукотском морях, а также в море Бофорта. В осенние месяцы, с августа до октября, море на больших пространствах освобождается ото льдов. Моржи идут по чистой воде сотни километров. Их миграция начинается задолго до образования новых льдов. Если бы они пускались в путь позже, они могли бы оказаться «запертыми» в Чукотском море, так как Берингов пролив может быть сплошь забит льдами раньше, чем более северные участки. За неимением льдов моржи вынуждены для отдыха выходить на береговые лежбища.

Акваторию обитания тихоокеанских моржей можно сравнить с гигантскими песочными часами, в которых все население моржей весной и осенью «пересыпается» через Берингов пролив: весной и летом — на север, осенью — на юг. На самом деле картина миграции моржей гораздо сложнее. Стада взрослых самцов и самок с детенышами идут отдельно и разными путями. Кроме того, значительное число самцов вообще не идет севернее Берингова пролива. С исчезновением льдов они во второй половине лета образуют лежбища на побережье пролива и северной части Берингова моря. Подобное лежбище находится и на острове Аракамчечен. Подавляющее большинство на нем составляют самцы, и выходят они на лежбище с середины лета. Число и состав зверей на лежбище сильно меняются, особенно во время осенней миграции.

Количество зверей на берегу зависит и от погоды; в частности, моржи не любят, когда штормовой ветер дует с моря на лежбище, и волны достают до лежащих животных. Однажды при нас в такой шторм с лежбища ушли почти все моржи. Уходили они не сразу, а постепенно.

Оставшиеся звери лежали разрозненными, но тесными группами, и очертания каждой из них были близки к окружности или эллипсу. После шторма вновь установилась ясная погода, и моржи стали возвращаться. Больше того, их число увеличилось вдвое: видимо, подошли мигрирующие звери. Некоторые из выходящих зверей выглядели совершенно измученными.

Мне удалось наблюдать массовый выход моржей на лежбище. Это была незабываемая картина, которую я вспо-

минаю, как одно из самых ярких впечатлений в жизни! Сначала моржи стали появляться у берега, плавая вдоль него небольшими группами. Число этих групп быстро увеличивалось, и, наконец, собравшись огромной толпой близ центральной части лежбища пляжа, звери двинулись на берег. Передовая группа шла тесным клином. Животные шли медленно, напряженно вытянув шею и подняв головы. Достигнув берегового обрыва они остановились, заняв всю ширину полосы песчано-галечного пляжа. А с боков от них продолжали выходить все новые моржи, и стоящая на берегу группа начала разрастаться в обе стороны. Более крупные старые моржи теснили молодых, и тем приходилось сворачивать в сторону, на еще не занятые участки, что несколько нарушало порядок расположения зверей. Все же он в основном оставался прежним. От уреза воды до обрыва, поперек пляжа, помещалось 10—15 моржей, и они стояли друг за другом как в колонне, держа поднятую голову над крестцом впереди стоящего. Когда моржи, вышедшие первыми, стали успокаиваться и ложиться, им уже не было возможности двинуться в какую-либо сторону, так как с обоих боков вплотную к ним располагалось еще много таких же «колонн». Каждый морж мог только опуститься на том месте, где стоял, и положить голову на спину впереди стоящего. Поэтому на береговом пляже тела зверей укладывались, как черепица на крыше, и почти все они лежали головой от моря. Этот порядок начал разрушаться почти сразу, так как крупные самцы выходили не только на флангах основной группы, но и там, где звери уже лежали. Вероятно, когда я увидел лежбище в первый раз, порядок расположения зверей был уже сильно изменен.

Полоса, занятая животными, все время разрасталась. Хотя только что вышедшие звери держались очень напря-

женно, движение шло непрерывно. То и дело отдельные группы моржей на флангах испуганно кидались в сторону моря, но, дойдя до воды, останавливались, быстро успокаивались и снова шли на берег. Такие очаги паники вызывала подчас ничтожная причина, например, пролетающая над берегом чайка. Моржи, которые уже лежали, не обращали на нее внимания, в то время как на флангах недавно вышедшие звери бросались к воде.

По мере увеличения числа зверей один из флангов неуклонно приближался ко мне, а затем продвинулся вдоль берега еще дальше. Наступил момент, когда моржи стали выходить на том участке берега, куда дул ветер от меня. Как только это произошло, моржи, едва выйдя на берег, стали снова шарахаться к морю. Новые моржи тем не менее напирали, но в этом месте среди массы зверей на берегу образовалась брешь. Лишь небольшое число зверей легло на этом участке; миновав его, моржи стали ложиться в прежнем порядке. Постепенно брешь стала заполняться зверями, вытесненными с соседних участков лежбища, и вскоре ее уже трудно было заметить.

Это непрерывное движение продолжалось два дня. Оно все время сопровождалось звуками, неторопливыми и размеренными. Зрелище непрерывно идущих из моря зверей завораживало. День проходил, как минута, а по ощущению это можно было сравнить с хорошей музыкой. Это и была музыка, музыка жизни. В этом движении не было однообразия. Очень разными были физиономии и окраска идущих зверей, форма и величина клыков, манера поведения. Вот из воды вышел крупный самец странного кирпично-красного цвета. Выглядел он совершенно измученным. Распластавшись на гальке, он поднял голову и с размаху воткнул в землю бивни. Подобно гигантской гусенице, он подтянулся к ним

волнообразным движением, потом, после непродолжительной паузы, все повторилось. Другой самец, крупный и нормально упитанный, был без клыков. Моржи со сломанными клыками встречаются нередко, но у этого углы рта выглядели так, словно клыков не было никогда. Стоило ему пошевелиться, как кто-то из соседей ударял его бивнями. Он замирал с поднятой головой, потом начинал медленно опускаться, пока не получал новый удар. Зверь, выходящий из воды, обнюхивали грунт и щупали его вибриссами. С близкого расстояния было видно, как от мокрых тел только что вышедших животных валил пар, но начинал подниматься он не сразу, а через минуту — две после их выхода из воды. Картина была удивительной, так как это происходило одновременно у множества зверей, и получался отчетливо видимый рубеж, дойдя до которого звери как будто включали обогрев поверхности тела.

Установившийся вначале порядок расположения зверей в дальнейшем менялся. Крупные самцы выходили на любой участок лежбища, сгоняя более мелких зверей с их мест. Согнанный молодой морж нередко оказывался на спинах лежащих животных. Тут же на него начинали сыпаться удары клыков. Пряча от ударов голову, низко пригибая ее, он стремительно бросался к краю лежбища. Нередко этих зверей оттесняли к подножию берегового обрыва, и они даже немного взбирались на его склоны. Это было место, где я обычно сидел, и моржи иногда приближались ко мне почти вплотную.

Если выходящий из моря крупный самец встречает на пути другого такого же самца, они оба высоко поднимают головы, выставляя навстречу друг другу свои клыки, звери как бы меряются клыками, и меньший из них обычно уступает. В этих столкновениях особенно заметны индивидуальные черты характера животных. Некоторые то и дело ударяют лежащих клыками, чтобы те уступили дорогу, другие терпеливо ждут, прежде чем первый раз ударить. Однажды на берег вышел не очень крупный, худощавый и весь какой-то угловатый морж с единственным клыком, которым он, как кинжалом, безжалостно тыкал других зверей.

Когда крупный морж-самец идет с высоко поднятыми клыками по телам лежащих зверей, ему трудно смотреть прямо перед собой. Дело в том, что глаза моржа расположены в самой узкой части головы, поэтому морж косит глазом куда-то под клыки. Тогда взгляд его кажется безумным, так как хорошо видны красные белки скошенных глаз.

Спящий морж лежит чаще всего на боку или на спине. По крайней мере, он обычно кладет голову так, чтобы не держать клыки на весу. Лежа, моржи часто прикрывают или трут морду передними лапами. Лапы при этом кажутся руками, а движения выглядят очень человеческими. Физиономии зверей разные, и их облик тоже удивительно ассоциируется с лицами лю-

Песчано-галечный пляж сплошь покрывают огромные тела моржей

Фото В. Семёновой

дей. Морды молодых зверей всегда имели грустное выражение.

Надо сказать, что моржи — ни взрослые, ни молодые — никогда не играли на берегу. В воде звери проявляли больше игривости, любопытства и были более общительны. Держались они там небольшими группами, состоявшими из животных разного возраста. В них обычно были один-два крупных самца, выделявшихся своей мерт-венно-розовой окраской, и несколько более молодых зверей, казавшихся в воде почти черными. Животные плавали вдоль берега или покачивались на волнах, подняв головы с простертыми над водой клыками. Под кожей шеи моржа находится пара воздушных мешков, представляющих собой выросты пищевода. Раздув эти мешки, морж может спокойно дремать в воде в вертикальном положении, выставив на поверхность только морду.

На берегу, где моржи держатся тесной толпой, каждый из них защищает свое место, и внутригрупповые связи, по-видимому, ослабевают, но не утрачиваются полностью. Вообще на суше моржи чувствуют себя неуверенно и легко пугаются. При испуге они сначала замирают, высоко подняв головы и вытянув шеи, затем или успокаиваются и снова ложатся, или начинают быстро пробираться к воде. Когда тревога охватывала первоначально лишь небольшую группу животных, другие моржи, мимо которых эта группа проходила, к ней не присоединялись. Они лишь угрожающе поднимали клыки и ударяли ими идущих к морю. Возможно, в этих случаях тревога охватывала какую-то цельную группу связанных между собой животных.

Сама тревога возникала неожиданно. На наблюдателя, сидящего с подветренной стороны, если он не делал резких движений, моржи не реагировали. Но мне, рисуя моржей, сразу пришлось отыскать стряхивать воду с кисточки, так как даже такое движение пугало животных. Условия распространения запахов, видимо, сильно менялись в течение дня. Были случаи, когда при безветрии среди моржей, весь день спокойно лежавших передо мной, вечером какая-то группа вдруг начинала беспокоиться, а иногда и уходила в море. И лишь раз я видел большую панику среди моржей, вызванную дымом от костра, неосторожно разведенного над береговым обрывом высадившейся на остров киносемочной группой. Ветер нес дым прямо на лежбище. К морю двинулась сразу масса зверей, вовлекая в свое движение все новые толпы. В воде образовалось огромное скопление животных, которое медленно расплозвалось. Зрелище было грандиозное, но тяжелое.

Самки с детенышами на аракамченском лежбище появляются редко. Среди десятков тысяч зверей, выходявших на лежбище, мне всего трижды удалось увидеть детенышей текущего года рождения и дважды — годовалых. Те и другие все время находились при своих матерях. Когда первая увиден-

ная нами самка с маленьким детенышем кормила его, лежа невдалеке от воды, из моря вышел громадный самец с розовой шеей и направился прямо к ней. Он бесцеремонно теснил и мать и малыша, безжалостно пуская в ход клыки. Детеныш начал отчаянно кричать, издавая длинные серии отрывистых громких стонов. Мать бросилась на его защиту, и, встав на пути самца, пыталась остановить его, упираясь лапами в грудь и угрожающе подняв клыки. Увы, все ее усилия были напрасны. Самец напирал, как тяжелый танк, и в конце концов самка с детенышем вынуждены были уйти с его пути.

Детеныши на лежбище никогда не лежат на земле, а залезают либо на спину матери, либо на кого-нибудь из соседей. У годовалых были хорошо видны коротенькие клыки. Иногда можно было видеть детенышей возраста от двух до четырех лет, державшихся вместе. За одной такой парой мне удалось наблюдать несколько часов. Эти два моржонка все время лежали в обнимку. Позже к ним вышел взрослый зверь, по-видимому, крупная самка. Оба молодых зверя легли около взрослого, причем четырехлеток прижался сбоку, а двухлеток взобрался сверху.

В дни штормовой погоды, когда моржи покидали лежбище, мы наблюдали необычный случай. Нестандартная ситуация всегда много говорит о характере животных, и один эпизод может сказать больше, чем долгие наблюдения в обычной обстановке. В это время большинство зверей уже ушло в море, и оставались лишь разрозненные группы. Но и теперь из моря то и дело выходили звери разного возраста и присоединялись к лежащим на берегу. К одной группе моржей примкнул не крупный сивуч; момента, когда это произошло, мы не видели: утром он лежал у самого края скопления моржей и казался крохотным среди них. Моржи не обращали на него внимания, соседи лежали вплотную к нему и иногда клали на него лапы. Но вот вышедший из моря морж подошел к этой группе со стороны сивуча. Сивуч тут же приподнялся и с недовольным ревом, раскрыв пасть и кивая головой, обернулся к приближающемуся моржу. Тот замер, затем, обойдя сивуча, пристроился к группе с другой стороны. Это повторялось при приближении каждого нового моржа; некоторые из них, столкнувшись с сивучем, в испуге бросались обратно в море. Если морж подходил слишком близко, сивуч делал резкие выпады головой и иногда кусал его. В той части группы, где лежал сивуч, за пять часов не лег ни один морж, и очертания группы приняли форму круга с вырезанным сектором. Лишь один молодой морж решился в ответ на выпады сивуча толкнуть его клыками, но затем шархнул в сторону. Моржи, лежавшие рядом, никак не реагировали на происходящее. Различия в поведении животных, только что вышедших на берег и уже «облежавшихся» там, в этой необычной ситуации проявились особенно четко».

Е. ЦЕЛЫХОВА

Отзыв — 1) ответ на зов (сородича, **вабу**, **манок**); 2) отдача гончей голоса в доборе; 3) (о легавой) ... прием, достигаемый натаской, позволяющий успокаивать чрезмерно разгорячившуюся собаку (А. В. Кузнецов, С. Т. Кирюхин, «Словарь охотника»).

Отнорок — боковой ход в норе. (**Приравненная** собака скрывается в норе сразу же, как только охотник выпустит ее из рюкзачка. Уходит она, как правило, в **отнорок**, где запах лисицы наиболее сильный (С.О. Лосев, «Лисица и охота на нее».)

Отпазанчить, отпазаночить — отрезать **пазанки** у добытого зайца (После этого следует его (зайца — Е.Ц.) «**отпазанчить**», т. е. отрезать у него **пазанки**... и раздать их собакам. Делается это так: охотничьим ножом подрезают кожу вокруг скакательного сустава задней ноги зайца, затем переламывают кости, перерезают сухожилия и **пазанок** отделен. После этого его разрывают на отдельные части по пальцам и куски бросают собакам, для которых они служат большим лакомством (Н. П. Пахомов, «Как охотиться с гончими»)).

Отрыщ! — 1) команда, подаваемая борзой или гончей, чтобы заставить ее бросить пойманного зверя или отойти от еды (Дав гончим приняться за корм, им говорят «**Отрыщ!**» и заставляя оставить корм (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»)); 2) окрик борзятника жмущихся к его лошади борзых (лошадь может отдавать им лапы) (Н. Ф. Реймерс, «Словарь охотника»); образована как повелительное наклонение глагола «отрыскать» (аналогично «отыскать» — «отыщи», «оттащить» — «оттащи») с усечением окончания «и».

Отстой — 1) утес, изолированная скала или каменный выступ, на который можно лишь вспрыгнуть или попасть по очень узкому гребню (Надо видеть, с каким проворством и с какой ловкостью привычные сибирский промышленник, быстро и вместе с тем тихо, без шума, подскочив к отстою, спрыгивает с коня, ... подкрадывается к зверю, на ходу взводит курок, на ходу прицеливается, на ходу стреляет в зверя и наносит ему смертельную рану... (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)); 2) остановка собаками зверя; **поставить на отстой** (о собаках) остановить, задержать зверя до подхода охотника (И действительно, коль скоро собаки, забегая вперед и лая на зверя, останавливают его, **поставят на отстой**, как здесь выражаются, едущие верхом охотники, заметив это, тотчас соскакивают и скрадывают зверя с удобного места... (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)).

Отъём — 1) лес, болото, отделенные от основного массива полями, прогалинами и т. п. открытыми местами (**На**

Начало см. № 1—10, 2013 г.

Словарь русского охотничьего языка

псовых охотах употреблялись одновременно и борзые, и гончие. Стая гончих «набрасывалась» в тот или иной **отъем** или **остров**, а верховые охотники, держа на **сворках борзых**, заранее занимали **лазы**, где мог «**пролезть**» зверь («Настольная книга охотника-спортсмена».); возможно также: **отъемное место**, **отъемный остров** (Затяжка **флагами** одновременно с двух сторон возможна только тогда, когда **оклад** предварительно уже сделан, т.е. когда круг обойден, или же в тех случаях, когда нет сомнения, что зверь находится в данном участке, а сам участок по своим природным свойствам совершенно ясен по очертаниям, например, обрезное место (вокруг участка чистое место) или **отъемный остров** (Н. А. Зворыкин, «Бригадная охота с флажками».); 2) отлучение детенышей от матери (Для более рационального использования самок в течение продолжительного времени самцов желательно подсаживать к ним на пятнадцатый—семнадцатый день после рождения зайчат. Контрольные подсадки самцов в этом случае проводят после **отъема** зайчат (В. А. Архипчук, «Клеточное разведение зайца-русака»)).

Поволока — черта, которую оставляет лапа зверя перед тем, как погрузиться в снег (По глубокому и сыпучему снегу концы пальцев лап зверей и копыт крупных животных бывают незаметны, что затрудняет правильное определение направления движения животных. В таких случаях следует иметь в виду, что у всех зверей, идущих шагом или рысью, след имеет «**выволоку**» и «**поволоку**». Вынимая лапу из ямки следа и заноса ее на следующий шаг, зверь чертит по поверхности сне-

га концами пальцев короткую черту, которую называют «**выволокой**». Перед тем, как ступить в снег, зверь чертит на нем лапой более длинную черту — «**поволоку**» («Справочник егеря».); иногда встречающееся написание через «а» («паволока») — ошибочно, поскольку «паволока» — термин из области иконописи, хотя и происходящий от того же глагола «волочить», однако его правописание является исторически сложившимся.

Пазанок (**пазанки**, **пазданки**) — 1) палец на ногах сохатого или оленя, находящийся чуть выше копыт (Пальцы, находящиеся у него выше копыт и называемые здесь **пазданками**, прикреплены к ногам посредством мясистых отростков, почему они во время бега зверя от черствого и глубокого снега загибаются на сторону и не дают хода сохатому (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири».); 2) часть задней ноги или передней ноги ниже сустава (у волка, зайца, собаки) (**Пазанки** передних ног (борзой — Е.Ц.) в пальцах сжаты в комок, как склеенные: сухи, узки как у русака, и собраны так, чтобы упираться зацепами (ногтями) в землю (П. М. Мачеварианов, «Записки псового охотника».); (Соображаясь с выказанным, я предполагаю, что можно вывести следующий тип старинной гончей восточной собаки: рост большой — около 16 вершков, голова большая, с хорошо развитым чутьем, глаз на слезе, ухо коротковатое, плоское и высоко поставленное, колодка богатырская с **напружной**, хорошо развитыми ребрами бочком, и с глубокой грудью, ноги прямые, крепкие и мускулистые, с не совсем прямым задним **пазанком** ... (Г. Д. Розен, «История гончих собак».); см.

также **Отпазаночить**; в русских диалектах существовало сходное слово «пагзногть, пагзнокть» фаланга пальца, на которой растет ноготь; аналогичные сведения мы находим и в словаре В. И. Даля: «пазногть — сибирское, последний, крайний сустав пальца, или оконечность его, где сидит ноготь, позано-готье»; само слово происходит из праславянского языка, где «раз-» (приставка) + «ногъть» ноготь — к примеру, в чешском имеется сходное «paznohet, pazneht» — «коготь».

Панты — 1) неокостеневшие молодые рога **марала**, **изюбрь**; 2) (разгов.) **изюбрь** весной; типичный пример синекдохи (переноса названия части на целое). (Слово **панты** здесь так общеизвестно, что малые ребята его знают, а промышленники обыкновенно говорят так: «Прошлого лета я убил **панты**; бивал ли ты **панты**?» (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)).

Пасть — стационарное **самоловное орудие**, состоящее из пола, давящего гнета (состоящего из нескольких бревен), стенок и спускового механизма, при сбивании насторожки гнет падает на зверя (чаще всего соболя) сверху и бьет его вдоль тела (Следует учесть и то обстоятельство, что для большей **уловистости пасть** должна выстояться. Новая конструкция выветривается, вымывается дождями, блекнет свежееотесанная древесина, зверь привыкает к ее виду (С. Е. Черенков, «Самоловы».); виды **пастей**: тундровая **пасть**, коробовая **пасть**, переносная корытная **пасть**, пастьшка на соболя и харзу, китайская ловушка на соболя (дуй), горностаевая **пасть**, сруб на лисицу и песца; слово образовано в результате метафорического переноса по сходству.

Продолжение следует

Зимняя охота. М. Шаньков

Поэзия гончей охоты, или карельские гончие

С. ЖУКОВ, г. Петрозаводск, Карелия

За окном октябрь, самое время охоты с гончими, а впервые за последние десятилетия сижу дома. Так получилось, что остался я на эту осень без собаки. Обычное для нынешнего времени дело — волки! Вернее, матерый волчище, который лишил меня любимого выжлеца шести осеней отроду, надежды и опоры, как мне мечталось, еще на многие годы.

Конечно, можно было бы разразиться по этому поводу гневной тирадой о бездействии разного рода властей по регулированию численности «серого разбойника». Вспомнить, наконец, великолепного знатока охотничьего дела Л.П. Сабанеева, который еще в XIX веке писал, что «волк является... грозным символом невежества, бедности, беззащитности и угнетения народной массы...», но я не буду. Не то что бы считаю это бесполезным, но в такое благословенное время, любимое охотниками и поэтами, мысли не о том.

Завидую белой завистью своим товарищам по страсти, которые нынче с гончими разбрелись по карельским лесам, а перед мысленным взором проплывают картины прошлого, уже далекого и не очень.

Будучи еще довольно молодым человеком, и уж совсем юным гончатником, я впервые побывал на выставке охотничьих собак, стал посещать заседания секции охотничьего собаководства, где главными действующими лицами выступали два маститых эксперта-кинолога: Николай Иванович Громов и Василий Владимирович Пискунов. Эти два человека являли собой полную противоположность темпераментов. Скучно не было, споры велись самые жаркие, часенки выходящие за парламентские рамки.

Непременными участниками заседаний были такие колоритные фигуры, как Михаил Орлов, Иван Колобов, Николай Смирнов, Константин Егоров, Павел Огородников и, конечно, тогда еще очень молодой, но уже достаточно компетентный Володя Попов.

Молодую поросль представляли такие фанаты охоты с гончей, как Алексей Егоров, Александр Сахаров, Сергей Иванов, Владислав Смоликов и многие другие.

Естественно, на невысоком уровне познаний были мы, вновь испеченные: Борис Калинин, Виктор Егоров и ваш покорный слуга. Постепенно и мы освоились в новом для нас деле. Учились всему, везде и у всех.

Меня особенно поражали точность и логичность расстановки собак в ринге экстерьерной оценки, когда экспертизу проводил В.В. Пискунов. В силу сте-

Русская гончая

Фото Животченко

чения жизненных обстоятельств, Василий Владимирович в общем плане был не очень образованным человеком, но в ринге он был профессором и недаром носил высокое звание Эксперта Всесоюзной категории. Не могу не сказать, что и в поле Пискунов был хорош. Не помню случая, чтобы он отслушал какую-либо работу (Василий Владимирович до последних дней сохранял прекрасный слух и завидную подвижность). С его расценками работы гончей всегда хотелось согласиться.

Николая Ивановича Громова я меньше помню и в ринге и в поле, но одно для меня памятно. Когда одна из моих первых гончих получила первый в моей жизни диплом и, не смотря на сигнал об окончании испытаний, продолжала гнать зайца, Николай Иванович, сидя у костра, как-то так задумчиво сказал: «Вот ведь совсем недавно, после войны, не знали, как отогнать собак от костра, а вот теперь не можем из леса взять».

Стоявший у истоков послевоенного становления породы «русская гончая», Н.И. Громов дожил до достаточно высокого уровня полевого досуга и довольно высокого экстерьера карельских гончих, чему немало сам способствовал. Конечно, кроме упомянутых корифеев неоценимый вклад в улучшение качества поголовья наших гончих внесли многие энтузиасты породы.

Это, в первую очередь, Владимир Борисович Попов (ныне эксперт Всероссийской категории), который завозил щенков и взрослых гончих из многих признанных кинологических центров. По его указаниям были повязаны многие карельские выжловки известными производителями породы. Особенно помнится его полевой чемпион Заливай кировских кровей. Его дети Шугай и Шнырка петрозаводчанина Виктора Ионовича Егорова были прекрасными работниками. К сожалению, выжловка погибла под волками на полевых испытаниях, но дочь ее Айка А.Т. Тарасова на Всероссийской выставке в Мытищах стала чемпионом России. Такой успех представителя Карелии дорогого стоит.

А вот с Шугаем мне пришлось довольно много охотиться. Этот выжлец мог часами водить зверя по угодьям за счет очень сильного чутья. Запах следа беляка, который он терял редко, как бы постоянно держал его за чутье и не давал бросить гон. И все это на фоне прекрасного, чистого и очень сильного породного голоса. Причем голос выжлеца обладал странной особенностью: он совершенно не впечатлял, когда поднимал зверя рядом, но чем дальше уходил гон, тем лучше прослушивалась сила и неповторимый тембр.

Очень удачным следует признать

завоз опытным собаководом Александром Сахаровым двух щенков от полевого чемпиона Потешая ленинградского заводчика гончих Павлова. Потомки Потешая (Рыдай А.П. Сахарова и Алтай Б.М. Калинина), а также его внуки через чемпиона Порывая В.Н. Павлова, наряду с другими удачными вязками, оказали глубокое влияние не на одно поколение карельских гончих и позволили вырастить достаточное количество отличных полевых работников — далеко не последних в рингах различных выставок.

Это обстоятельство стало одним из условий и предпосылок, позволивших со второй половины 70-х гг. прошлого века организовать регулярные состязания с гончими Ленинградского общества охотников. По поводу этого мероприятия один из старейших и известнейших в стране ленинградских экспертов Евгений Калинович Чекулаев высказывался скептически: «Ну что это?! Состязание шуки с плотичкой!», имея в виду качество и многочисленность поголовья гончих ленинградской организации. Однако состязания шли с переменным успехом и нередко «плотичка», карельская команда, выходила победителем.

В ходе этих состязаний многие карельские гончие показали прекрасные работы и были награждены дипломами первой степени (высшая оценка за работу гончей по зверю). Это, например, уже упомянутые Шугай В.И. Егорова, Алтай Б.М. Калинина и Заливай В.Б. Попова. При этом в разные годы, помимо победы в соревнованиях, Саян С.Л. Жукова и Рада А.П. Сахарова еще были удостоены звания «Полевой чемпион».

Но, конечно, наиболее заметной фигурой на этих мероприятиях был русский гончий выжлец Край ленинградца Ивана Ивановича Жулиса. Край обладал мощным чутьем и очень сильным доносчивым голосом. Помнится, на очередных состязаниях под Ленинградом на охотничьей базе в деревне Семрино он водил беляка через и по асфальту, по которому постоянно проходил различный транспорт, и не терял зверя, хотя тот с завидным постоянством пытался сбросить его со следа на дороге.

От этого выдающегося выжлеца смычок (пару) гончих держал С.М. Иванов, о котором хочу сказать несколько теплых слов. Я, пожалуй, не знал и не знаю никого более трогательно влюбленного в гончих и охоту с ними. Мне кажется, что именно это обстоятельство иногда мешало Сергею Михайловичу, как эксперту, объективно оценивать экстерьер или работу в поле той или иной гончей. Сергей Михайлович Иванов и умер как истинный гончатник — в вольере своих гончих, когда пришел их кормить.

С приходом перестройки наши контакты с теперь уже Санкт-Петербургом ослабли, а вскоре и совсем зачали. Несколько лет затишья, к сожалению, привели к снижению активности вла-

дельцев гончих. Как следствие, качество поголовья упало. Считанные единицы имеют дипломы за работу по зверю. А что такое диплом первой степени мы и вовсе забыли.

Однако свет, так сказать, в конце туннеля все-таки проглядывается. Вот, например, недавно были проведены республиканские соревнования гончих со всеми атрибутами подобных мероприятий. С подъемом флага, звучаньем охотничьих рогов, вручением памятных вымпелов и пр. Причем состязания эти обещают быть традиционными.

Обнадеживают последние выставки. Они радуют качеством и количеством поголовья. Намечаются поездки карельской команды на некоторые российские состязания.

Потихоньку просыпаются и владельцы гончих. Они начинают выставлять своих питомцев на полевые испытания.

НАЧАЛО

После окончания учебы я был распределен на онежский тракторный завод в Петрозаводске. Моим первым начальником стал замечательный человек, который очень помог мне адаптироваться в новой обстановке. Когда он уезжал в Москву учиться в аспирантуру, он уговорил купить у него за символическую плату старенький автомобиль, который в войну таскал пушку — так называемую «сорокопятку». Дело в том, что чопорная столица не пускала на свои улицы это непрезентабельное транспортное средство, дабы не портить благостную картину, создаваемую новенькими «Волгами» и «Москвичами» («Жигулей» в то время еще не было).

И вот один мой хороший товарищ попросил отвезти небольшую компанию на охоту. Надо сказать, что в то время я абсолютно не представлял, что это за зверь — охота. Тогда все свободное время отдавалось спорту. По-

этому у меня возникли некоторые сомнения. Но когда приятель сказал, что мне дадут ружье, я сдался. Ну какой мужик откажется поддержать в руках оружие?

И вот золотой осенней порой наша охотничья бригада два дня бродила по прибрежным сямозерским лесам. Мы мало чего добыли. Кажется, пару уток да пару — тройку рябчиков. Но во мне что-то щелкнуло. Царапнуло какую-то струнку. Я даже не сразу это заметил. Просто, когда последовало еще одно такое приглашение, я с радостью согласился. А потом не надо было и приглашать — ехал сам. Постепенно пришла мысль, что неплохо было бы завести охотничью собаку. «Унылый самотоп», как удачно выразился один охотничий автор, начал приедаться. В то время было совершенно неясно, о чем идет речь. С товарищами мы говорили о лайках, спаниелях и, конечно, гончих.

Как-то раз мы встретили странную компанию. Как мы себе представляли, по лесу надо ходить тихо, сторожко, высматривая, скрадывая дичь. А тут охотники идут с криками, с какими-то прибаутками. В общем, шумно. Оказалось, так они охотятся на зайцев с гончими. Это показалось необычным. Решение было принято: завожу гончую. Очень кстати я узнал, что у одного заводского охотника есть щенки. Приобрел теплый комочек, принес домой. Назвал, естественно, Найдой.

Когда она несколько подросла, я отправил ее на берег Вендюрского озера, где в заводском «Доме рыбака и охотника» мой отец служил комендантом. Выжловочке была предоставлена полная свобода. Где-то ближе к осени до меня дошли сведения, что собака частенько пропадает в лесу и чего-то там лает. Сведущие люди определили, что это она гоняет зайцев, и были пра-

Распутываем следы

Фото А. Смолина

вы. Как выяснилось, Найда действительно гоняла зайцев, но далеко не их одних. Собачка почти никого не пропускала: гоняла лосей, плавала за утками, лаяла рябчиков, косачей и глухарей. Причем делала это так самозабвенно, что домой ее часто приходилось нести на руках — сама передвигаться уже была не в силах. Много позже я оценил ее сильный, доносчивый, двоящийся голос. Встречные слышали как бы двух гончих, говорили «Твои вон там гоняют». Но, учитывая вольное воспитание, это была «кошка, которая гуляет сама по себе». Ты идешь в одну сторону, а она — по своему усмотрению. И только благодаря прекрасному голосу удавалось не терять ее со слуха.

Странно, что эта свобододолюбивая собака дома вела себя неправдоподобно послушно и, я бы сказал, необычайно скромно. Если ей кидали где-нибудь в прихожей подстилку и приказывали: «Место!», она без разрешения никогда не покидала свой угол. И даже когда ее приглашали в комнаты, она долго не решалась.

Но стоило ее спустить с поводка — поминай как звали... И никакие призывы не могли оторвать ее от сладостных лесных запахов.

И вот это милейшее существо превращалось в зверя, когда бывал добыт заяц. Нужно было срочно убирать добычу в рюкзак, иначе как бы высоко ты зверька не задирали, как бы не уворачивался, она ухищрялась одним касанием раскрыть ему шкуру. Отобрав у нее зайца, когда она приспевала к нему первой, можно было только с помощью грубой силы. При этом она ни разу не позволила себе не то что уку-

сать, но даже просто «окрыситься» на человека.

Она просто намертво вцеплялась в зверька, ее можно было волочить с ним, все было бесполезно. Приходилось разжимать ее челюсти, и только так заяц становился добычей охотника.

К моему большому огорчению, выловка прожила недолго. Когда ей было около трех лет, ее отравили. Так и нашел я Найду около окошка сарая, куда, видимо, и брошена была отравка.

Да, она, конечно, несколько мешала окружающим, поскольку частенько лаяла (я уже говорил, что это была вольная душа). Но эти проблемы надо было решать со мной, с владельцем. Поступили «проще». А собака-то не виновата. И вообще, по моему глубокому убеждению, собака по сути своей никогда и ни в чем не виновата. Она никогда не притворяется, она этого не умеет. Для этого надо обладать интеллектом. Она делает то, чему ее научили. Всегда виноваты люди.

Погоревал я, погоревал, а жизнь-то идет. И вот в один прекрасный день узнаем мы с друзьями-охотниками, что продается двухлетний гончий выжлец. Хозяин его обезножил, вот и продает. Ну, мы и купили на троих. Звали выжлеца Задором. Поначалу это была худая, унылая собака, совершенно залежавшаяся. Кормление превращалось в пытку, он практически ничего не ел, так чего-то там поклует, и все... В ветеринарной лечебнице посоветовали: «Дайте ему перед едой 50 грамм коньяку». Решили, что не граф, обойдется и водочкой. И вот на даче одного из владельцев картина, достойная кисти «передвижников»: один охотник держит

собаку с открытой пастью, второй — емкость с водкой, третий — хвост седелки. При виде этого произведения искусств, мать одного из нас резонно заметила: «Эти и собаку споят!»

И что самое интересное, «лекарство» возымело действие. Выжлец принялся за еду, стал набирать вес, заблестел псовиной, повеселел. А тут и осень подошла. Задор за время своего вынужденного безделья порядком подзабыл свое «ремесло». Гоны были короткие, потерянного зверя он отыскать не мог, да поначалу не очень и старался. Но обнадеживало хотя бы то, что буквально с каждым днем, с каждым гоним он хорошо прибавлял.

В общем, к открытию охоты на зайца мы пришли с неплохими результатами. Выжлец стал поганивать все лучше и лучше, ну мы и обрадовались, да так обрадовались, что где-то через полмесяца собаку нашу поутру приходилось из будки выволакивать, сам он вылезать не желал. Ну, а мы были молоды, неопытны, об отдыхе и слышать не хотели, и по глупости считали, что и собаке не обязательно отдыхать.

Самое интересное, что Задор как бы подтверждал эти наши дурацкие измышления: похромает-похромает с утра, разомнется, да и гоняет до вечера. И так изо дня в день. К концу сезона был поставлен рекорд, достойный «Книги Гиннеса»: 38 дней охоты подряд. Только позже мы сумели оценить, какое «золото» имели в руках, какой невероятной выносливостью обладал выжлец. Считается, что если гончая может три дня подряд работать в полную силу, это уже хороший результат.

Да и все остальное у Задора было в порядке: и добычливость, и чутье, и голос. Особенно яркой была у него помычка, когда заяц выскакивал у него из-под носа. Вот уж воистину он орал так, как будто с него живого сдирали шкуру. Услышав этот вопль впервые, я решил, что собаку берут волки, но мой более опытный товарищ успокоил: «Да нет, это он зайца поднял».

В общем, если в начале наших походов с выжлем в лес он и ста метров не проганивал, то к концу сезона он по глупокому снегу мог работать целый день. Заканчивая охоту, мы потирали руки: «Ну, в следующем году потешимся!»

Вот уж верно, что бодливой корове Бог рогов не дает. Отдохнувший Задор перегрыз поводок, которым был привязан к будке, и пошел гонять зайцев, благо жил в лесу под городом. Очередной заяц в конце концов вышел на проезжую дорогу, где нашу дорогую собачку задавил шофер такси. Очевидцы говорили, что догнал и задавил специально. Мы откровенно рыдали.

Потом у нас было много гончих. Хороших и не очень. Но эти были первыми.

Отдых во время охоты

Фото А. Смолина

Уважаемая редакция, высылаю вам фотографию, которую сделал летом 2012 года у себя на малой родине в Подмоскowie. Бобров здесь стало очень много, так как не стало фактора беспокойства (выпас домашнего скота по лесным угодьям). К сожалению, не удалось сфотографировать виновников данного дела, но как грамотно подготовлено падение 60-летнего тополя: учтена и роза ветров, и падение предусмотрено на воду. Около этого тополя мы сидели с ребятами на тяге в 60-е годы. Вальдшнепов тогда было гораздо больше, чем сейчас, а бобров не было.

Немного о себе. Мне 66 лет. Охотничий стаж — около 50. Ваш журнал читаю давно. Имею подшивку с 70-х годов и отдельные номера 60-го года. Журнал ваш люблю и стараюсь эту любовь к журналу и охоте привить внуку. Успехов вам!

А. ГРИШИН
г. Новороссийск

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хотим от всей семьи выразить вам благодарность за очень хороший журнал. Наш отец Шуваев Руслан Александрович, выписывает ваш журнал около 30 лет. В нем много полезного и интересного, поэтому он перечитывает каждый номер с удовольствием по нескольку раз и с нетерпением ожидает нового выпуска. Отец у нас просто живет охотой. Он родился в Пензенской области в Белинском районе и очень любит свои родные

Шуваев Руслан Александрович

края. Главном другом и соратником по охоте стала его собака (такса Шельма), с которой он не мало поймал лис и зайцев. 10 мая ему исполняется 42 года и мы всей семьей просим сделать ему подарок, что бы его фото вышло в журнале, который он так любит. Спасибо большое вашему журналу, желаем оставаться ему таким же интересным и полезным!

Екатерина ШУБАЕВА

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мы с мужем Нестеровым Василием Васильевичем живем в небольшой деревеньке Курганской области. Хотя природа у нас не такая красивая, как в других местах, но вокруг есть леса и озера. А что еще надо тако-

В.В. Нестеров, 2011 г.

му заядлому охотнику, как мой муж?

Открытие охоты для него самый главный праздник, заранее к нему готовится, радуется. Правда, и на ноги операцию пришлось делать, а всего год назад инфаркт перенес, но все равно с помощью друзей — на охоту!

А как он любит ваш журнал (и я тоже). Сколько в нем

полезного и интересного! А обложки! Это же надо такую красоту суметь сфотографировать!

Дорогая редакция, моему мужу недавно исполнилось 60 лет. Если можно, поздравьте его через ваш журнал. Не представляете, как он будет рад. Поздравляем!

На фото он осенью 2011 г. на озере Песчаное у вагончика.

Здравствуйтесь, дорогая редакция! Просим на страницах вашего журнала поздравить нашего дорогого мужа, отца и дедушку Гудушкина Александра Александровича, который отметил свое 55-летие. Охотой он увлекался еще

со школы, его охотничий стаж — 35 лет, а журнал мы выписываем уже 30 лет. Читаем с удовольствием. У нас два сына и дочь. Сыновья тоже любят охоту. Теперь осталось приучить внука.

С уважением жена, дети, внуки
Томская обл.

А. Гудушкин с весенними трофеями

Производим и реализуем
ГУМАННЫЙ КАПКАН КА-2

для отлова соболя, куницы, белки, хорь, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Розлики

«Вепрь», «Сайга», СКС... или вновь о патроне 7,62x39

С. УСИКОВ

В заглавии статьи оружие под вышеназванный патрон не случайно перечислено именно в таком порядке. Ведь всеми этими карабинами я владел в данной последовательности, и хотел бы поделиться с охотниками и просто читателями журнала выводами относительно этого оружия, а заодно и по поводу патрона, применяемого в них. Тем более, что вопрос этот далеко не однозначный и регулярно освещается в нашем издании.

Свой первый карабин «Вепрь» я приобрел в далеком уже 1995 году, сразу же, как только наше законодательство дало «добро» на владение нарезным оружием всем охотникам, какое-то время имевшим в своем распоряжении дробовики. Карабин начального выпуска, с коротким стволом, ортопедической лакированной ложей, достаточно прикладистой, показывал очень неплохую кучность стрельбы, причем даже армейскими патронами сорокалетней «выдержки». Были, конечно, и недостатки, что вполне ожидаемо при конвейерном происхождении, самым существенным из которых являлся большой вес. Даже с пустым магазином и без оптического прицела карабин тянул на 4,2 кг, а в полном снаряжении масса подходила к неприемлемой цифре 5. Такие «мелочи», как качка магазина, брэнчащий на всю округу ремень, криво посаженный целик и прочее в расчет сперва не принимались, казались не существенными, ибо качество боя с лихвой перевешивало все негативные стороны. «Вепрь» первых выпусков довольно компактное оружие, что немного нивелирует приличную массу при охоте в наших весьма пересеченных местностях, но все-таки не приближает к нулю. К тому же оружие под промежуточный патрон, имеющий невысокую мощность и незначительную отдачу, конечно, должно быть более легким. Словом, поразмыслив и взвесив все за и против, карабин я продал, хотя особых нареканий к этой очень надежной и скорострельной «машине» не имел. Попутно хочу отметить, что знаю немало владельцев этих карабинов, по сию пору не желающих сменить его на более совершенную или мощную модель.

По прошествии нескольких лет я вновь пришел к мысли о покупке карабина под патрон образца 1943 г. К этому времени у меня был «Лось-9» с патроном 64 мм, который полностью удовлетворял мои нужды при охоте на крупных камчатских медведей и лосей. Однако хотелось иметь в арсенале недорогой образец, желательно самозарядный, для тренировочной и развлекательной стрельбы, да и для охоты на

более мелкую дичь, вроде снежного барана, а на эту роль крупнокалиберный карабин не годится.

Выбор мой пал на «Сайгу», хотя ранее приходилось слышать и прочест немало не лестных отзывов об этом карабине, в основном в части того, что касалось кучности стрельбы. Но удобные ореховые приклад и цевье, сравнительно невысокая стоимость и подходящие для ходовой охоты габариты подкупили. Ко всему в паспорте была указана кучность в 102 мм, что для этого оружия совсем неплохо, так как ранее приведенные в нескольких просмотренных мной паспортах цифры были намного больше. Да и стрелять из «Сайги» далее, чем на 150 метров я не собирался. Естественно, хотелось иметь данный показатель возможно более меньшим, но в данном конкретном случае решающего значения он не имел. Немного смущала меня, правда, довольно тонкий, даже по сравнению с калибром 5,6, ствол, но коробка, как мне показалось, из достаточно толстого металла внушала доверие, да и весил карабин 4 кг. Как же я ошибся! Первая же пристрелка повергла меня в уныние — разброс при стрельбе с упора на 100 метров в два раза превышал указанный в паспорте, при том, что отдельные «отрывы» составляли еще лишние несколько сантиметров. Доработка УСМ в части смяг-

чения спуска и подтяжка винтов приклада и хвостовика коробки результата не принесли. Эксперименты с различными патронами из Барнаула, Тулы, Ульяновска, пулями разных масс и конструкций тоже ни к чему обнадеживающему не привели — разброс оставался стабильно безобразным. Как я умудрился добыть при посредстве «Сайги» несколько глухарей и гусей, для самого загадка! Возможно, потому, что шансов было во много раз больше, да и патронов сожжено на порядок выше, чем требовалось. По хорошему завидовал я владельцу этого оружия, который обмолвился в журнале, что может, «если постараться», попасть из него в спичечный коробок. Спустя почти три десятилетия я понял, почему, находясь в рядах Советской Армии, ни разу не смог получить «отлично» на стрельбище, притом, что на гражданке регулярно стрелял из винтовки и пистолета, и неплохо, в тире родного ДОСААФа. Мой армейский АКМ, номер которого до сих пор в памяти, точно также успешно «бросал» пули на стометровке, как и сделанная намного позже практически полная его копия с охотничьим названием. Как оказалось, скверной кучностью страдают и последние модификации карабинов «Сайга» под малоимпульсные патроны калибра 5,56x45 мм. По крайней мере я, пересмотрев несколько образцов этого

оружия, не увидел в документах разброса менее чем в 120 мм. Реальный же, как показывает опыт, разброс всегда превышает заявленный. Для стрельбы по «ростовой» мишени на армейском стрельбище это еще куда ни шло, но для охоты совершенно неприемлемо. Я, конечно, понимаю, что АК — мировой бренд и получил он это признание не просто так, а за исключительную надежность, простоту и технологичность. Однако надо быть объективным до конца — кучность стрельбы даже одиночным огнем оставляет желать лучшего. Этот факт очень негативно сказывается на возможности охотничьего применения карабина «Сайга» по «среднему и крупному зверю», особенно учитывая характеристики промежуточного патрона. При всем этом стоимость карабинов данной серии, учитывая темпы ее роста, скоро сравняется с аналогами из-за рубежа. Кстати, я так и не понял смысла введения в механизм так называемого удерживателя, стопорящего затвор в заднем положении. По идее затвор должен фиксироваться остановом после выстрела последним патроном, дабы ускорить процесс перезарядки и избавить стрелка (охотника) от лишних операций с передергиванием затворной рамы, но в «Сайге» этого не происходит. Чтобы зафиксировать затвор, нужно его отвести до упора на себя и нажать на рычажок, но что дает это новшество в практическом плане, мне не очень понятно. В общем, если свой первый карабин я продавал с некоторым чувством сожаления, то с «Сайгой» расстался с облегчением и даже с каким-то немногом злорадным удовольствием, несмотря на то, что обстоятельства расставания носили непреднамеренный характер, а именно: карабин был утоплен на одной из охот.

Теперь об оружии часовых поста №1 — карабине СКС. Первоначально у меня к нему было довольно предвзятое отношение, видимо, из-за некачественной, военного образца ложи. Да и, честно говоря, было сомнение в качестве боя после такой операции, как установка идентификационного элемента в канале ствола. Как оказалось, не напрасно, поскольку некоторые карабины, вследствие такой «модернизации», действительно кучность имели, мягко говоря, неудовлетворительную. Но случилось мне, по просьбе хорошего знакомого, помочь в выборе именно СКСа, поскольку ничего иного товарищ не желал. Выбор пал на карабин завода «Молот» из Вятских Полян. Внешний осмотр, визуальная проверка канала ствола видимых дефектов не показали, но ясно, что реальное положение вещей покажет практическая стрельба. Надо сказать, что результаты последней меня приятно удивили. В паспорте СКС данные контрольного отстрела на кучность отсутствовали, была лишь ссылка на технические условия, согласно которым поперечник рассеивания не должен был быть более 75 мм. В реальности у меня получилось около

шестидесяти, при патронах с экспансивной пулей и открытым прицеле, что совсем неплохо для оружия выпуска пятидесятих годов прошлого столетия. При всем этом вес карабина, немного превышающий 3,5 килограмма, десятиместный магазин и компактность делают из него неплохой вариант для охотника. Впоследствии, вникнув в конструкцию этого оружия и поневоле сравнив с прежними своими образцами, понял, как был несправедлив и предвзят к детищу конструктора Симонова. Взять, к примеру, ствольную коробку. Изготовленная фрезерованием из стали она по жесткости даст сто очков вперед любой листовой штамповке. Механизм газоотвода очень компактен и разложен на составляющие, что свело к минимуму влияние автоматики перезаряжания на ствол и, соответственно, на кучность стрельбы. Эти же технические решения были применены, кстати, при разработке и производстве знаменитой снайперской винтовки Драгунова, появившейся почти на двадцать лет позже. Корпус магазина «зализан» и не мешает при ношении карабина. Разборка карабина проста, количество деталей минимально и все они удобны для обслуживания и чистки.

Есть, конечно, и некоторые недостатки, одним из них, как говорилось выше, является неудобная форма ложи. Я, к примеру, сразу же после покупки карабина доработал ее, несколько изменив очертания приклада, а шейку сделал по пистолетному типу, наиболее рациональному при одном спусковом крючке. Сейчас в магазинах появились в продаже пластиковые камуфлированные ложи для СКС, но они имеют массу около килограмма, что малопривлекательно. Усилие на спуске у карабина довольно приличное, но к нему быстро привыкаешь, хотя в этом хорошего мало. Шомпол на штатном месте под стволом болтается в креплении и предательски бренчит, чтобы этого избежать, можно подклеить подходящий по толщине кусочек резины между муфтой газоотводного узла и шомполом. Есть охотники, которым не по душе несъемный магазин, якобы невозможно быстро заменить тип применяемого патрона. Да, в образцах со сменными магазинами операция по перезарядке оружия происходит более удобно, но в практическом плане это мало что дает, ведь все равно необходимо передернуть затвор, а чтоб этот лязгающий процесс спокойно перенес какой-то зверь или птица, мне что-то видеть не приходилось. Ко всему замечу, что патрон 7,62x39 не настолько силен, чтобы любым его вариантом нельзя было добыть, к примеру, глухаря. Мне приходилось отстреливать петухов каменного глухаря даже «51-ым» патроном с полуболочкой весом 9,1 грамма, причем птица не разбивалась сильно и была вполне пригодна для использования.

Теперь поговорим о патроне подробнее. Вот глубокоуважаемый А. Блюм

написал в нашем журнале, что хорошим зверовым патроном 7,62x39 не станет никогда. Да, с этим высказыванием можно было б и согласиться, но ведь это смотря на какого зверя его применять, да и в каких руках оружие находится. Что же касается убойных качеств разных вариантов этого патрона, то могу сказать, что его на Камчатке с успехом применяют при охоте на северного оленя, снежного барана, добывают бурого медведя и лося, среди которых попадаются и достаточно крупные особи. Главное условие успеха при охоте с патроном 7,62x39 — не грешить дальней стрельбой и использовать оружие и боеприпасы, дающие хорошую кучность. Исходя из собственного опыта, наилучшие результаты по этому параметру показывают патроны Барнаульского завода с экспансивной пулей. Патроны с полуболочечной пулей любого производителя по кучности уступают достаточно серьезно, и стрелять ими далее 100 метров по крупным особям я бы не советовал. Значительное увеличение рассеивания полуболочечных пуль, помимо качества исполнения, происходит еще и потому, что мягкая свинцовая головка пули серьезно деформируется в процессе перезарядки (при самозарядном оружии). Что касается карабинов, то вполне приличные показатели по кучности у «Вепря», «Барса-4-1» и «СКС».

Остановливающий эффект любой пули этого патрона не слишком впечатляющий, конечно, поэтому лучше отказаться от выстрела в условиях плохой видимости. Для уверенного поражения медведя и лося, исключая крупные экземпляры, дистанция в 100—120 метров является самой оптимальной, но обычно, в условиях наших захламленных пойменных лесов, она гораздо меньше. Что при охоте с самозарядным оружием прибавляет шансы на успех. Естественно, прицеливание должно производиться только по убойным зонам, это неперемное условие, не-зависимо от мощности патрона. Имеющаяся на сегодня достаточно широкая номенклатура этого патрона, в частности, по конструкции и весу пули, позволяет подобрать наиболее подходящий вариант к каждой охоте на конкретного зверя. На близких расстояниях порядка 80—100 метров, когда траектория идеально прямая, охотясь на животных типа медведя или лося целесообразнее брать полуболочечные пули максимального веса — 9,7 или 10 граммов. При данной дистанции и точном прицеливании такие патроны уверенно поразят объект массой до 200 килограмм и даже более. Если предстоит дальняя стрельба, в тундре по северному оленю, или в горах по снежному барану, здесь лучше подходят патроны с более настильной траекторией и лучшей кучностью — с экспансивной пулей и латунной либо томпаковой оболочкой. Естественно, все возможные ситуации, возникающие в процессе охоты, предусмотреть нереально, однако главным фактором, по-моему, является здраво-

мыслие и трезвый расчет охотника, основанный на знаниях возможностей находящегося у него в руках оружия. Патрон 7,62х39 можно даже назвать в некоторой степени универсальным, ведь с его помощью вполне реально добыть практически любого нашего зверя, не говоря уже про пернатую дичь. Меня всегда немного забавляли перестраховочные советы специалистов, рекомендующих этот патрон для зверей массой 50—70 кг, среди которых енот, лисица, волк. Кто-нибудь встречал лисовина, который «тянул» хотя бы на 35 килограммов? Думаю, что и такого енота-гиганта вряд ли найдешь в природе, а вот во вре-мена «тоталитарного режима» этим патроном отстреливались десятки тысяч диких северных оленей при промысловой охоте на Севере, живой вес которых превышает в два раза вышеупомянутый. Причем добыча велась в зимний период, при низких температурах, когда характеристики любого патрона снижаются, на достаточно приличных дистанциях, ибо «дикарь» — зверь «строгий» и ничего, никто не сетовал на слабость и непригодность, а ведь именно таким образом теперь ставится вопрос. На Чукотке этим патроном промышляли морского зверя, в том числе и моржа, правда, стрельба велась на близком расстоянии, преимущественно с лодок, но достаточно успешно. Однако признать патрон идеальным, как, впрочем, и любой другой, нельзя, поскольку такого в природе не существует. Запрет применения этого патрона при охоте на медведя и лося вызывает неоднозначные оценки у охотников. Мне известны многие профессионалы, всю свою охотничью жизнь добывавшие медведя и лося с помощью оружия калибра 7,62х39 и ни от одного я не слышал жалоб на слабость или плохую убойность патрона. А ведь у каждого из них на счету не один десяток крупных и опасных животных. Главная причина их успеха на охоте — умение максимально сократить дистанцию и точная, по месту, стрельба. Я понимаю, что требовать такого мастерства от всех владельцев нарезного оружия нереально, конечно, гораздо проще росчерком пера «решить» проблему. Но с таким подходом можно впасть в маразм, ведь кому-то может показаться «слабым» любой другой патрон, и не удивляться, если в недалеком будущем охотиться на бурого медведя у нас можно будет только со слоновым штурцером. Чего мы вечно кидаемся из крайности в крайность? То стреляем медведей и лосей на загонных охотах исключительно из дробовиков, а то запрещаем карабины, в одночасье ставшие неубойными. Вероятно, вполне возможно бы было специальной оговоркой разрешить пользоваться карабинами под промежуточный патрон охотникам-профессионалам, имеющим арендованные охотничьи участки. Самое интересное, что, несмотря на новый нормативный акт, с подобным оружием продолжают охоту и не собираются прекращать это делать

сотни, если не тысячи, людей, одним росчерком пера переведенные из законопослушных граждан в нарушителей законодательства. Люди эти в массе своей небогатые и приобрели другое оружие часто просто не имея реальной возможности, но, как говорится, «жираф большой, ему видней». Возможно, при облавных и загонных лосиных охотах где-то в Московской или Костромской губернии патрон 7,62х39 и малопригоден, но с подхода или из засидки с ним неплохо охотятся тысячи человек, живущих в Сибири и на Дальнем Востоке. Патрон прекрасно работает по сибирской косуле, хорош при добыче северного оленя, некрупных (до 150—200 кг) лосей, с ним вполне возможно ходить за снежным бараном, думаю, что другие охотники могут обоснованно продолжить этот перечень, так почему же его нельзя назвать хорошим зверовым? Ко всему можно добавить, что американцы, чей ассортимент охотничьих боеприпасов позволяет отстреливать все — «от мыши и выше», и которых никак нельзя обвинить в излишних симпатиях ко всему русскому, а особенно советскому, считают его отличным патроном для охоты на оленей.

Еще одна область применения этого патрона — тренировочная стрельба. Невысокая стоимость, легко переносимая отдача, негромкий выстрел, и в тоже время «серьезность» оружия, особенно армейского, позволяют не терять навыки стрельбы из нарезного карабина в межсезонье. Я, к примеру, частенько вожу в машину СКС при охоте на зайца, и по завершении дня не премину отстрелять пару обойм по целям на разном расстоянии, причем только стоя с руки, без упора.

Учитателем закономерно может возникнуть вопрос, почему сам автор предпочитает охотиться на медведя и лося с намного более мощным оружием? Да, я считаю, что для камчатских лосей и бурых медведей калибр 9,3х64 более подходящий, прежде всего, по останавливающему действию пули и при стрельбе накоротке, но я никому не навязываю своих убеждений и принципов. К тому же, в снежную пору, когда по следу можно сравнительно легко добрать практически каждого подранка, я позволяю себе иногда охотиться с надежным и скорострельным СКСом. Менее мощный патрон дисциплинирует в смысле точного прицеливания и позволяет проявить больше мастерства, выдержки при скрадывании и сокращении расстояния до зверя.

Если человек обоснованно считает и уверен, что сможет добыть зверя оружием того калибра, которое имеет в своем распоряжении, он будет охотиться именно с ним, и ничто и никто не сможет уверить его в обратном. Тем более не сделает это никакое распоряжение или постановление сверху, к тому же ущемляющее права и свободы немалой части членов общества, итак самых бесправных и постоянно унижаемых в условиях оголенного бюрократизма и «демократии».

Н. АСТАФЬЕВ, Почётный работник Прокуратуры РФ, старший советник юстиции

Ф.Г. Казанцев из Хабаровского края пишет, что он за аренду охотничьего участка уплатил по одному рублю за гектар, а всего 41 тысячу рублей. За добычу каждого соболя уплатил «хозяину» по 120 рублей, но ему не объяснили, за какой срок уплатил. «Как решаются эти вопросы по закону?» — спрашивает автор письма.

Исходя из содержания письма, можно предположить, что автор занимается промысловой охотой, но в Ульском районе Хабаровского края, в котором проживает он, индивидуальный предприниматель с такой фамилией не значится, поэтому не совсем ясно с кем он заключил договор аренды охотничьих угодий, и какому «хозяину» уплатил по 120 рублей за соболей. В связи с этим остановлюсь на освещении действующих нормативно-правовых актов, регламентирующих вообще промысловую охоту.

К сожалению, в принятом в 2009 г. и вступившем в силу в 2010 г. Федеральном законе «Об охоте...» не все правоотношения по промысловой охоте регламентируются достаточно четко. В законе дано ее определение. Это охота, осуществляемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в целях заготовки, производства и продажи продукции охоты. Сразу встает вопрос, а разве рядовой охотник, не являющийся юридическим лицом и предпринимателем, не может заниматься промысловой охотой? В Общероссийский классификатор охоты для получения продуктов питания, шкур, кожи, то есть промысловая охота, включена в вид экономической деятельности. Отсюда вытекает вывод, что каждый охотник, отвечающий требованиям, изложенным в ст. 20 закона «Об охоте...» и в соответствии с действующем законодательством оформившим свое право на промысловую охоту, может заниматься ею.

Далее. В соответствии со ст. 13 закона «Об охоте...» промысловая охота может осуществляться в закрепленных охотничьих угодьях и общедоступных охотничьих угодьях юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в РФ по закону от 8 августа 2001 г. №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Охотничьи ресурсы, в отношении которых осуществляется промысловая охота, устанавливаются законами субъектов РФ. Закон «Об охоте...» требует, чтобы в наименовании юридических лиц и индивидуальных предпринимателей содержались указания на характер их деятельности.

Прямое отношение к созданию необходимых условий для деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, занимающихся промысловой охотой, имеет и Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридиче-

О правах охотников-промысловиков

ских лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В уже называвшейся ст. 13 закона «Об охоте...» содержатся и другие правовые нормы, в соответствии с которыми промысловая охота осуществляется в закрепленных охотничьих угодьях на основании охотхозяйственного соглашения или при наличии путевки (документа, подтверждающего заключение договора об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства), а также разрешения на добычу охотничьих ресурсов, выданного лицу, указанному в части 2 статьи 20 названного закона. В соответствии с этой частью статьи 20 закона к охотнику приравнивается работник юридического лица или индивидуального предпринимателя, выполняющий обязанности, связанные с осуществлением охоты и сохранением охотничьих ресурсов, на основании трудового или гражданско-правового договора.

С точки зрения законотворчества, статья в этой части не совсем четко изложена. Понятно, что индивидуальный предприниматель может заниматься промысловой охотой в закрепленных за ним охотничьих угодьях на основании охотхозяйственного соглашения, но не совсем ясно, кто может заниматься промысловой охотой по путевкам, так как правовую норму, записанную в законе «при наличии путевки, а также разрешения на добычу охотничьих ресурсов, выданного лицу, указанному в части 2 статьи 20» можно отнести как к работнику, так и к рядовому охотнику. Наречие «так же» обозначает сравнение, то есть путевка приравнена к разрешению. Можно сделать вывод, что в закрепленных охотничьих угодьях промысловой охотой рядовой охотник может заниматься по путевке. В отличие от этой, не совсем точно записанной правовой нормы в части 3 статьи 14 закона четко записано, что любительская и спортивная охота в закрепленных охотугодьях осуществляется при наличии путевки и разрешения на добычу охотничьих ресурсов, выданных соответствующим порядком.

В этой же статье содержится еще одна правовая норма, в соответствии с которой в общедоступных охотничьих угодьях промысловую охоту может осуществлять только лицо, указанное в части 2 статьи 20 закона «Об охоте...» при наличии у него разрешения на добычу охотничьих ресурсов. Такой охотник-промысловик должен иметь при себе при производстве охоты охотничьи билет и разрешение на хранение и ношение охотничьего оружия за исключением случаев осуществления охоты с применением орудий охоты, не относящихся к охотничьему оружию.

Важное значение в охотничьих правоотношениях играют охотхозяйственные соглашения.

По охотхозяйственному соглашению одной стороной является юридическое

лицо или индивидуальный предприниматель, другой стороной орган исполнительной власти субъекта РФ. Частное лицо — охотник не может заключить охотхозяйственное соглашение.

Закон предьявляет определенные требования к содержанию охотхозяйственного соглашения. В частности, оно может быть заключено на срок от двадцати до сорока девяти лет. В нем должны быть указаны сведения о местоположении, границах и площади охотничьего угодья, а также о видах разрешенной охоты: промысловая охота; любительская и спортивная охота и др., названные в ст. 12 закона «Об охоте...». В охотхозяйственном соглашении должен быть указан годовой размер арендной платы, рассчитанный исходя из минимальных размеров арендной платы и годовой размер сборов за пользование объектами животного мира и др. сведения.

Примерная форма охотхозяйственного соглашения утверждена приказом Минприроды РФ от 31 марта 2010 г. №93 с внесенными в нее изменениями приказом Минприроды РФ от 13 июля 2011 г. № 620.

Охотхозяйственное соглашение заключается с победителем аукциона на право заключения такого соглашения и с некоторыми другими лицами, названными в ст. 28 пп. 27 и 31 закона «Об охоте...».

Вместе с тем, юридические лица и индивидуальные предприниматели, у которых право долгосрочного пользования животным миром возникло на основе долгосрочных лицензий на пользование животным миром до дня вступления в силу закона «Об охоте...», имеют право заключить охотхозяйственное соглашение в отношении охотничьих угодий без проведения аукциона. Ставка платы за единицу площади охотничьего угодья при заключении охотхозяйственных соглашений без проведения аукциона устанавливается Правительством РФ (ст. 71 закона «Об охоте...»). Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 490 такая ставка по Хабаровскому краю установлена в один рубль за гектар охотугодий. Но если охотхозяйственное соглашение заключается по итогам аукциона, то в извещении о его проведении должен быть указан годовой размер арендной платы, рассчитанный исходя из минимальных размеров арендной платы и годовой размер сборов за пользование объектами животного мира. В этом случае арендная плата может отличаться от размера арендной платы, названной в Постановлении Правительства РФ.

В Хабаровском крае разработан и действует Регламент по оказанию государственной услуги по заключению охотхозяйственных соглашений без проведения аукциона на право заключения таких соглашений.

Из приведенных правовых норм закона «Об охоте...» вытекает, что про-

мысловая охота разрешена юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и их работникам, выполняющим обязанности, связанные с осуществлением охоты и сохранением охотничьих ресурсов. Правовая норма, разрешающая промысловую охоту по путевкам, требует уточнения по субъекту.

Несколько иначе законом предусмотрено охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Охота в этих целях осуществляется только лицами, которые относятся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, и их общинам, а также лицами, которые хотя и не относятся к этим народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования. Охота в указанных целях осуществляется свободно без каких-либо разрешений, в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимых для личного потребления. Продукция охоты, полученная в этих целях, используется для личного потребления или реализуется организациям, осуществляющим деятельность по закупке продукции охоты.

В соответствии со ст. 24 закона «Об охоте...» перечень охотничьих ресурсов, добыча которых осуществляется по лимиту, утверждается Минприроды РФ. Порядок принятия документа об утверждении лимита добычи утвержден приказом Минприроды РФ от 29 июня 2010 г. № 228. Ежегодный лимит добычи охотничьих ресурсов для каждого субъекта РФ утверждается должностным лицом субъекта РФ, а лимит добычи кабарги, дикого северного оленя, благородного оленя, косулей, лося, овцебыка, серны, сибирского горного козла, тура, снежного барана, рыси и соболя утверждается по согласованию с Минприроды РФ.

Лимит добычи охотничьих ресурсов исчисляется на основе нормативов допустимого их изъятия.

В документе об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов указывается объем изъятия в отношении каждого вида охотничьих ресурсов, а также квота добычи охотничьих ресурсов для каждого охотничьего угодья.

Лимит добычи соболя промысловой, любительской и спортивной охотой по Хабаровскому краю на период с 1 августа 2011 г. до 1 августа 2012 г. был утвержден в 63 214 особей. Квота добычи соболя по Ульскому району на этот период была утверждена в количестве 4 983 особи.

Таковы основные правовые нормы, регламентирующие промысловую охоту. В связи с тем, что в письме автором не полностью изложены все обстоятельства правоотношений, в которые он вступил, поэтому самостоятельно может оценить их соответствие действующему законодательству.

Тимофей и Афанасий

В. МАЛЕЕВ. Фото автора

— Ну что, Афонька, отплясался? — в дверном проеме показалась лохматая, давно не чесаная голова невысокого, как-то неладно скроенного, но крепкого и жилистого мужика.

Афанасий, разбуженный бесцеремонным вторжением, увидел своего родного дядю Алика, которого вся округа знала как отъявленного браконьера по кличке Росомаха.

— Да, больше не танцую. А ты-то, дядя, откуда взялся? Потеряли мы тебя — с весны не появлялся. Думали, медведь сожрал или утонул где...

— Какой медведь, племянш, я его сам сожру! А оно, — дядя многозначительно поднял палец, — как говорится, в воде не тонет. Загулял я, Афонька, пушнину сбавил, да загулял. Сначала на прииске со сторожами пил, потом с дорожниками, а потом и не помню с кем. А как только все пропили, так домой и подался... Прихожу, а мне говорят: сестра в больнице лежит, ты без работы остался. Вот я и пошел на тебя поглядеть — родня, однако.

— Да, дома теперь сижу, а наши на гастроли, на материк улетели, — вставая со старенького дивана, вздохнул Афанасий. — Проходи, дядя, чай пить будем.

— Да нет, спасибо — делов у меня много. Пойду по поселку пройдуся, может, займу у кого, а то забыл уже, как деньги-то пахнут. Да и готовиться надо к промыслу: барахлишко закупать, избушки ремонтировать... — присаживаясь меж тем к столу, ворчал себе под нос Росомаха.

Афанасий налил чайник и поставил его на старенькую, забрызганную жирными пятнами электроплитку. Открыл тумбочку под ней и достал две пачки «доширака». Росомаха, наблюдая за племянником, продолжал:

— Мать-то в больнице навещал, как там она?

— Ездил на попутках на той неделе. Привыкла вроде, но гипс не сняли, сказали, еще дней десять продержат. Сложный перелом-то, в лодыжке, — рассказывал о наболевшем племянник.

— Я завтра на протоку сбегаю, голцов надергаю, подсолю. Ты потом ей отвезешь. Любит она малосольных, — пообещал дядя, открывая себе пачку лапши. — Знаешь, что я думаю, Афонька? Избушка у меня стоит в верховьях Быстрой, прямо у дороги. Соболю там есть. Что ты у матери на шее-то сидеть будешь — вдвоем на одну пенсию не проживете. Давай-ка, собирайся, езжай туда. Как рыба пойдет, икры напорешь, медведя завалишь. А зимой, глядишь, и соболишек добудешь, — неторопливо рассуждал Росомаха. — Это и мне выгодно: почти не бываю там, бракоши и обнаглели. А увидят, что человек есть, не сунутся.

Выпал первый снег

Афанасий молча швыркал китайской лапшой, слушая своего бывалого дядю. В поселке Росомаху не любили, но предпочитали в открытую с ним не связываться. Про таких говорят: рыбу голыми руками в пустом ведре поймает. И, действительно, человек на удивление везучий, Росомаха не упускал ни одного случая заграбастать все, что можно было продать или сдать скупщикам пушнины. Но впрок ему это не шло. Дядя Алик рвал себе жилы. Всю зиму в болотных сапогах, питаюсь чем придется, ночуя, где ночь застанет, он облавливал огромную территорию и добывал больше всех соболей и медведей. Но, как только заканчивался сезон, пропивал все, что не успела спрятать родня, залезал в долги и каждый раз начинал все сначала. Но трудное охотничье ремесло он знал лучше многих, и за это одни его уважали, а другие завидовали...

— Ну, спасибо, Афоня, за чаевку! — вставая из-за стола, поблагодарил Росомаха. — Пойду я, а ты подумай про охоту-то. И мне скажешь. Я еще недельку в поселке побуду, а потом на ближнюю избушку уйду. От греха подальше. Лучше там, на речке, чем в поселке, — уже держась за дверную ручку, на ходу бросил Росомаха.

Но не успела дверь захлопнуться, как опять открылась. На пороге снова стоял дядя Алик.

— Старый видно стал, — хлопнул себя рукой по лбу Росомаха, разменявший уже седьмой десяток. — Котят же пошел топить, да к тебе заглянул и мешок здесь оставил. Соседка помочь по-

просила. Выручает она меня — дает иногда на похмелье. И я ее выручу.

В поднятом из угла мешке запищали котят, и в душе камчадала что-то дрогнуло.

— Сколько их? — спросил Афанасий у дяди.

— Четверо, пятого она кошке оставила, чтобы та не орала. Один бравый такой — черный, и, вроде, кот, а три пестрых, как коровы, наверное, кошки.

— Отдай мне черного! Все веселее будет, чем одному-то, да и мыши развелись, по столу уже ночью бегают, — попросил Афанасий.

— Бери, Афонька, — доставая рукой из мешка черного, как уголек, котенка, радостно буркнул Росомаха. — Пускай у вас живет, и мне легче будет. Жалко мне их топить. Пойду, может, и этих кому раздам...

На этом черная полоса для Афанасия закончилась. В последние месяцы на его голову свалилось столько бед, что он растерялся и не знал, как быть. Всю свою сознательную жизнь камчадал танцевал в национальном фольклорном ансамбле. Объездил с гастролями Союз, а один раз даже за границей был — в Германии. Но в самом начале этого года руководить ансамблем прислали нового человека из края, и тот уволил Афанасия за пьянку. С горя Афоня запил сильнее, чем прежде и чуть не замерз пьяный на улице. А в апреле мать запнулась на крыльце, упала и сломала ногу. И вот теперь, после разговора с дядей Аликом, у Афанасия вновь появилась надежда. А в руках его шевелился теплый черный

комочек, жизнь которого полностью зависела от человека.

«Как же тебя назвать-то?» — думал Афанасий.

Котенок, жалобно мяукая, смотрел на него большими голубыми глазами, и Афоня вдруг решил: «Назову его Тимофеем, в честь своего армейского друга, которого не видел уже лет пятнадцать...» Афанасий теперь все свое время посвящал котенку. Брал у соседей молоко, ловил на речке мелкую рыбешку — все для Тимофея. И котенок платил ему искренней дружбой. Быстро рос и все время ластился к своему новому родителю. Спал с Афоней, нежно мурлыкая свои детские кошачьи песенки, а днем все время терся возле ног, выгнув спину и весело задрыв черненький хвост. Скоро привезли из района мать. Не имея возможности ходить по соседкам, женщина подолгу сидела на диване, поглаживая нового члена семьи. А Тимофей, как будто понимая, в каком состоянии она находится, старался утешить в ногах, на место переломов. И вызывал этим еще большую радость и уважение.

В конце июля Афанасий съездил и нашел избушку, о которой говорил Росомаха. Наскоро срубленная из старого бруса, с дырчатым, как решето, полом и не проконопаченными стенами, избушка требовала много работы и материала. Но Афанасий решил: «Попробую пожить, а там видно будет. Печка есть, крыша над головой есть — что еще настоящему камчадалу надо?» Вернувшись в поселок, Афанасий стал собираться на промысел. Росомаха выделил ему три десятка капканов, бензопилу, спальник, пару канистр с керосином и много других мелких, но необходимых для жизни в тайге предметов. Достав с чердака завернутую в тряпичную старенькую отцовскую ижевку, Афанасий зарядил несколько пулевых патронов и взял у дяди пару пачек крупной дробы. На этом основная подготовка к сезону была завершена, и Афоня принялся за поиски собаки. Но всех добрых собак хозяева уже забрали с собой в тайгу, и по поселку бегали только ни на что не годные шавки. Не солоно хлебавши, обойдя всех знакомых мужиков, Афанасий решил взять с собой Тимофея. Хоть какая-то живая душа рядом будет.

В середине августа, договорившись со знакомым шофером и попрощавшись с матерью, Афанасий забросился в тайгу. Перетащив от дороги кучу вещей, он первым делом запустил в избушку Тимофея. Подросток уже черненький кот без страха обошел новое жилище и сразу же улегся на нарах, заявив всем местным полевкам и бурозубкам свои права на территорию. Тут и для кота, и для Афанасия наступили благодатные времена. Нерестилища были полны кижучем, и Афоня целыми днями пропал на реке, загатавливая икру, а Тимофей хозяйничал в избушке, отъедаясь жирными полевками и принесенной Афанасием свежей рыбой. Заполнив икрой всю имеющуюся

тару, Афанасий сделал тайник на речке и спрятал икру. Затем заготовил рыбы на приманку для капканов и на еду для себя и Тимофея.

Пришла долгая холодная зима. Облетели и унеслись вниз по течению реки листья чозений и огромные душлистые тополя в пойме. Каменные березняки тоже сбросили листву и застыли на сопках в ожидании холодов. И однажды утром после тихой и темной октябрьской ночи в природе произошли долгожданные перемены. Выпал снег — первый снег в жизни Тимофея. Все в тайге притихло. Слышны были только шум воды на реке да крик ворона на нерестилище. Коту снег понравился. Он катался по белому покрывалу, чистил свою лоснящуюся шкурку. И с удивлением смотрел на появлявшиеся вдруг ниоткуда свои собственные следы. Афанасий решил воспользоваться порошей. Зарядив пулевыми патронами двустволку, пошел в сторону нерестилища в надежде добыть медведя. Понимал, что для жизни в тайге зимой одной рыбы будет мало. Найдя свежие следы медведя, охотник медленно двинулся вперед. Шум реки и встречный ветер помогли Афанасию подкрасться к большому медведю, потрошавшему на косе возле переката крупного кижуча. После меткого выстрела зверь дернулся и затих. Сняв шкуру и раздвал тушу на части, Афанасий два дня выносил мясо, развешивая его в дощатом пристрое избушки. Обеспечив себя пропитанием и приманкой, Афоня расслабился и три дня отдыхал, перед тем как начать бить путики и расставлять капканы на соболя.

Наевшись до отвала медвежатины, Афанасий и Тимофей лежали часами на нарах. Афанасий вставал только для того, чтобы подкинуть дров в печку и сходить к реке за водой. Тимофей теперь сопровождал Афанасия в его походах около зимовья и пытался охотиться на снующих вокруг кедровок и синиц. И здесь этот ласковый котик вдруг превращался в ловкого безжалостного хищника. Подкрадывался, распластавшись по земле, к суетившимся в кустах синичкам, как молния прыгал и ловил на лету зазевавшуюся птицу. Потом, злобно урча, тащил ее под зимовье и съедал вместе с перьями. А пойманных полевков есть уже не мог, или не хотел, и складывал на крыльце, как бы делая Афоне подарки.

Пришел ноябрь. Землю укутало плотным снежным одеялом, ударили морозы. Афанасий всю ночь вставал и подкладывал сырые березовые дрова в печь. Не конопаченная избушка все равно к утру выстывала так, что вода в кружках замерзала. Но нет хуже добра: соболю в морозы хорошо шел на приманку, и Афанасий поймал уже десяток зверей. Их высохшие, искрящиеся на свету шкурки висели под потолком в пристрое так, чтобы их не постригли мыши.

Но неожиданно случилась беда. Откуда-то с низовьев пришел голодный и

злой, видимо, побывавший в браконьерской петле, медведь. Он бродил по пойме, собирал дохлых кибарей (тушки дохлых кижучей) на нерестилищах и срывал приманку на капканах Афанасия. А однажды сожрал и попавшего в капкан соболя. Все попытки добыть мародера ни к чему не привели: шатун уже принял человека за врага и вел себя очень осторожно. Афоня перестал проверять капканы и решил выйти в поселок и просить мужиков помочь избавиться от зверя — иначе беды не миновать. Но, как назло, поднялась пурга, и поход к людям пришлось отложить.

Вечером Афанасий поджарил себе на медвежьем жиру пару замороженных гольцов. Под рыбку и веселые думы о предстоящей встрече с матерью Афоня допил за ненадобностью оставшиеся в резерве полбутылки водки. А Тимофей поужинал мясом каменного глухаря, который накануне имел неосторожность присесть на березу против зимовья и сразу же попал под выстрел. За окном редела пурга, заглушая все звуки зимней камчатской ночи. Афанасий почаявал, полистал охотничий журнал при свете керосиновой лампы, а Тимофей заснул, устроившись у него в ногах, поближе к печке. Скоро усталость сморила и Афоню. Подбросив дров в печь, он задул лампу и, отвернувшись к стене, завернулся с головой в спальник мешок и сразу же забылся глубоким сном.

После полуночи пурга стала стихать, и возле избушки послышались чьи-то тяжелые шаги. Тимофей поднял голову и прислушался. Снаружи кто-то, хрипло дыша, подошел к пристрою и остановился. Кот зашипел и выгнул спину, чувствуя опасность. Затем раздался треск, и шатун, сломав дверь, вломился в сени. Тимофей, громко фыркая и сверкая глазами, стал царапать спальник и прыгать на голову у крепко спящего Афанасия. Охотник от неожиданности вскокинул, шикнул на взбесившегося кота и привычным движением нащупал старенький фонарь. За дверью избушки обнаглевший зверь рычал и гремел кусками мерзлой медвежатины, круша и ломая труды и запасы наших друзей. Тимофей, со вставшей дыбом шерстью, в ярости прыгал на дверь.

Трясущимися от страха руками Афанасий зажег лампу и схватил висевшее на стене ружье. И вовремя! Дверь отлетела в сторону, сорванная ударом могучей лапы, и в проеме показалась огромная медвежья башка. Пена летела из раскрытой пасти, а рев зверя, добравшегося до своего заклятого врага — человека, бил в барабанные перепонки. Казалось, что и без того дырявая избушка вот-вот развалится, а из окон вылетят стекла. Но недаром в груди каждого камчадала с самого рождения бьется смелое сердце охотника! Прямо с нар Афанасий прицелился в середину широкого лба и спустил курок. Звук выстрела, дым и ворвавшийся снаружи вместе с шатуном мороз

потушили лампу, и на миг все стихло. Только лучик подсевшего фонарика едва освещал огромную тушу зверя, который перевалился через порог и в предсмертных судорогах скреб лапой по дощатому полу. Афанасий выстрелил из второго ствола, и от замершей навечно туши пошел пар. Все произошло так быстро и неожиданно, что только теперь, когда враг был повержен, Афанасий осознал степень опасности. Хмель как рукой сняло.

А его спаситель, напуганный страшным звериным ревом и выстрелами, забился под нары и жалобно верещал. Афоня, сев на пол, как мог успокаивал своего друга.

— Спасибо тебе, Тимоха, никогда не забуду, как ты меня спас! — гладил он со слезами на глазах взерошенного и теперь даже от него шарахавшегося кота.

Наконец Тимофей сам залез на руки Афанасия, а тот завернул кота в спальный мешок и снова зажег лампу.

Жизнь продолжалась, но надо было работать для того, чтобы жить. С огромным трудом Афоня вытолкнул тушу шатуна за порог избышки с помощью ваги и кое-как приладил выбитую дверь. Прикрутив ее изнутри проволокой, он завесил проем старым покрывалом и растопил печку. Через полчаса по избышке вновь растеклось тепло, и только тогда, положив рядом заряженное ружье, Афанасий залез в спальник. Его трясло, как тополиный лист на ветру. Он обнял Тимофея, и до рассвета пролежал, не смыкая глаз. Кот временами вздрагивал и еще крепче прижимался к Афанасию.

Утром, подтерев растекшуюся на полу кровь, Афоня открыл дверь и, наконец, рассмотрел шатуна. Огромный зверь с обломанными клыками, видимо, действительно долго сидел в петле. На его боках гноились вытертые до мяса шрамы от стального троса. Огромных усилий стоило медведю его перетереть или оторвать. Зверь исхудал и не смог лечь в берлогу. Потому шатун и пришел свести счеты с первым же, попавшимся на его пути человеком. Прямо в сенях Афанасий рубил на куски зверя, не снимая с него бесполезной теперь шкуры. Потом на нарточке отвозил мясо на берег и сбрасывал в полынью. Провозившись весь день, к вечеру Афоня навел порядок в избышке.

А следующим утром чуть свет вышел на дорогу — передать с попуткой записку в поселок. Надо было вывезти мясо добытого осенью медведя и пушнину, чтобы не рисковать больше. На обочине Афанасий развел костер и стал ждать машину. Скоро он услышал, а потом и увидел спускающийся с перевала «КамАЗ». Машина остановилась, и в открытую дверь высунулся знакомый Афанасию охотник ламут.

— Привет, Афоня! Как дела, куда собрался? — заплетаящимся языком приветствовал он коллегу.

— Да вот, хотел записку матери передать, — доставая из кармана испи-

санный карандашом листок бумаги, ответил Афанасий.

— А сам-то что не можешь? Поехали с нами, переночуем, а завтра назад на попутках приедешь, — предложил ламут.

— Да не собирался я, — отмахнулся Афоня.

— Поехали, у меня еще бутылка есть. Услышав про бутылку, Афоня засомневался.

— Ну вы, охотнички, кончай болтать, мне ехать надо! — зло сказал водитель.

«Ладно, съезжу, а завтра вернусь», — подумал Афанасий, запрыгивая на подножку.

Пьяный еще с вечера и разгоряченный похмельем ламут сунул ему в руки

комую щель в полу и очутился возле избышки. А потом, постояв на крыльце, отправился по лыжне искать Афанасия. Дойдя до места, где Афоня снимал лыжи и переходил речку вброд, кот присел. Для него незамерзающая протока была непреодолимым препятствием. Голые подушечки лап мерзли, хотелось есть, но все вокруг как будто вымерло. Так бывает в тайге перед снегом — не слышно и не видно ни птиц, ни зверей. Можно было вернуться назад в избышку, но Тимофей не хотел отступать. Он свернул с лыжни и направился вдоль реки в поисках упавшего дерева, по которому можно было бы перейти на другую сторону.

К полудню небо затянуло тучами, и

Откуда-то с низовьев пришел голодный и злой медведь

бутылку, и скоро уже они орали в кабине так, что водитель пару раз останавливался и хотел посадить их на обочине. Но растущая с каждым километром плата за проезд, исчисляемая литрами икры, его удерживала. В конце концов, уже на окраине поселка, сошли на ведре икры с обоих пассажиров. Возле магазина друзья вывалились из кабины, и пьянка продолжилась.

Только на третий день Афоня очнулся. Опухший и грязный, все еще плохо соображая, он направился к родному дому, к матери...

Тимофей напрасно ждал друга. Афанасий, уходя проверять путики, вечером обязательно возвращался в избышку. Но прошла ночь, а охотник не приходил. Избышка быстро выстыла. Весь следующий день и всю ночь кот пролежал на нарах голодный, а потом начал царапать дверь. Едва подвешенная на петли, та скоро открылась, и Тимофей вышел в сени. Дверь на улицу была подперта снаружи. Кот нырнул в зна-

пошел снег. Домашние кошки в такую погоду спят весь день. И Тимофей тоже сражался со сном. Постоянно отряхиваясь от падавших на спину холодных хлопьев, кот искал убежище, место, где можно было бы переждать непогоду. Найдя большое дупло в выгнившей сердцевине давно уже рухнувшего тополя-великана, он залез в него и устроился на мягких гнилушках. Холодно, голодно, но сухо. Согрев замерзшие лапы, уставший Тимофей наконец заснул. Снег шел всю ночь.

На следующее утро продолжать путь стало еще сложнее. Это соболу с его широкими, как лыжи, и пушистыми лапами в тайге легко. А для кота свежий мягкий снег — гибель, и скоро Тимофей выбился из сил. Шерсть намокла, на лапах намерзли сосульки. Кот часто останавливался, садился на снег и выгрызал лед на подушечках лап. За все это время Тимофей уже далеко ушел от избышки и давно отошел от реки, свернув в боковой ключ. Обходя очередной залом, он внезапно наткнулся на старую, занесенную снегом лыж-

ню. Идти стало легче, и Тимофей пошел быстрее. Через несколько метров он почуял знакомый соблазнительный аромат — пахло рыбой. Кот подошел поближе и увидел в стволе толстой корявой березы дупло. В глубине лежал замороженный кусок кижуча. А возле дупла появился едва уловимый запах Афанасия. Инстинкт подсказывал Тимофее, что ему угрожает опасность, но запах друга и чувство голода пересилили осторожность. Кот потянулся к рыбе, достал ее и уже почти выбрался из дупла, как что-то громко щелкнуло, и переднюю лапу пронзила острая боль. Тимофей испуганно дернулся, но тщетно. Его лапу крепко удерживал капкан на соболя...

— Ты что же это, паразит, делаешь? Опять за старое взялся! Себя и меня позоришь! Пьешь да под забором валяешься! — причитала мать Афанасия.

Афоня, отвернувшись к окну, виновато выслушивал упреки и ругал сам себя. Протрезвев, он боялся смотреть людям в глаза. Казалось, все кругом знали и видели, как он пил все, что попадалось под руку, ругался и дебоширил. А теперь в голову лезли еще и мысли о Тимофее, брошенном в избушке. Кляня себя на чем свет стоит, охотник засобирился в тайгу.

— Куда ты на ночь-то глядя? Хоть бы до утра подождал... — заплакала мать, теперь уже жалая непутевого сына и собирая ему котомку.

Долго высматривал Афанасий попутку, но машин не было. И тогда, плюнув на все, он зашагал по дороге в сторону избушки. Уже под утро допелся до знакомого поворота. Его следы замело и засыпало снегом. Афоня откопал лыжи и почти бегом добрался до брошенной избы. Возле зимовья было много лисьих следов. Привлеченные запахом медвежатины и рыбы, лисицы осмелели и пытались через щели в полу пристроить урвать себе кусочек еды. Избушка встретила Афонию открытой дверью и мертвой тишиной. Внутри никого не было.

«Сожрали кота! — едва сдерживая слезы, Афанасий сел на холодные нары. — Пропал мой друг, из-за меня пропал! Сволочь я, собака паршивая!» — корил он себя и ни в чем не виноватых лисиц.

Но тайга не позволяла охотнику расслабиться. Надо было жить. Пилить дрова, топить печь, каждый день долбить прорубь и проверять путики. Отдохнув после тяжелого перехода, Афанасий посвятил весь день хозяйственным делам и только на следующее утро отправился проверять капканы. Идти после снега было трудно — приходилось по новой бить шахму (лыжню). Пройдя несколько километров вдоль реки и сняв с капканов пару белоснежных горнаков (горностаев), Афанасий

свернул в ключ. Вдоль зарослей кедрового стланика виднелось много соболиных следов. Соболю, преследуемый голодом, спускался со склонов гор в пойму. Один след был особенно крупным.

«Вот здоровенный появился!» — думал Афоня, разглядывая соболиные строчки. «Голодный, смотри, сколько набегал, а все равно попадется...» — разговаривая сам с собой, охотник подходил к последнему капкану на путике. «А и попался! Что я говорил! Черный-то какой! Первый цвет! Соболиный король!» — Афоня издалека увидел что-то черное возле знакомого дупла в каменной березе. Но подбежав поближе, охотник упал на колени. Лицо его перекосилось от ужаса — в капкане сидел Тимофей. Едва живой, с обмороженными ушами. Нижняя часть лапы, перехваченная железными челюстями, распухла и замерзла, как камень.

Не зная, плакать или радоваться, Афанасий осторожно разогнул плоскогубцами дуги капкана и освободил лапу Тимофея. Кот только шипел, даже не пытался сопротивляться. Сняв с себя куртку, Афоня завернул в нее Тимофея и бросился бегом назад, к зимовью. Всю дорогу он нес кота на руках, а тот, обессилев, не издал ни единого звука.

Растопив печку, Афоня намазал топленым медвежьим жиром обмороженные уши Тимофея и со страхом осмотрел отмороженную, опухшую лапу. Перехваченная капканом по суставу, она стучала, как ледышка, при каждом движении Тимофея и причиняла ему страшную боль. Лапу надо было ампутировать. Кот, отогревшись в теплом зимовье, начал беспокоиться и вновь зашипел на Афанасия. Выхода не было. Охотник засунул лезвие ножа в печь и опять завернул раздраженного Тимофея в свою куртку, оставив снаружи только больную лапу. Стянув бечевкой куртку с шипящим котом, вытащил раскаленный нож и одним ловким движением отрезал лапу по суставу. Кот заорал, как ошпаренный. Афоня, прижав Тимофея к нарам и плача навзрыд, причитал:

— Прости меня, брат, прости за все! Я во всем виноват, я! Прости меня — всю жизнь тебя помнить буду!

Три дня просидел Тимофей под нарами, заливая искаленную лапу. Кот ел предложенную Афанасием рыбу и мясо, но к нему не шел. Потом перебрался ближе к печке, выбрав себе место на ящике с продуктами, где сидел почти все время, спускаясь только для того, чтобы выйти в пристрой и справиться кошачью нужду. Афоня с жалостью смотрел как Тимофей мучается и прыгает по избушке на трех ногах.

На охоте камчадалу везло. Голодные соболи лезли в капканы. Неурожай кедрового стланика вынудил зверей бросить привычные места и двинуться в

путь. Мигрируя, они шли вдоль реки и попадались на любую приманку. Но в конце января у Афони закончились продукты, и он решил сворачивать промысел. Последние дни бегал, как угорелый, по путикам, снимая соболей и закрывая капканы.

— Ну все, Тимофей, — сказал он однажды, — завтра домой, хорошего помаленьку, и так отличились мы с тобой. Первый сезон, а уже тридцать соболей добыли! Хватит.

Засыпая один на нарах, Афоня снова и снова думал о Тимофее. «Соболю, тот в первую же ночь в капкане замерзает, а Тимоха сколько просидел — и живой. Все потому, что кошка. Сидел смиренно, не бился. Силы берег и выжил. Ну и что, что уши отморозил, в поселке половина мужиков без пальцев на руках или ногах. И все из-за пьянки. Ну, а лапа — нельзя было по-другому, никак его не спасти», — уже в который раз оправдывал сам себя Афанасий. Этой ночью охотнику приснился страшный сон. Как будто очутился он на кладбище. Стоит, привязанный к березе, а во рту кляп. Мертвая тишина вокруг, темень, только мыши летучие, как мотыльки, порхают. И вдруг слышит Афоня — тук, тук. Звук к нему приближается, будто на костылях идет кто-то. Выпучил он глаза от страха, а на помощь позвать не может — рот-то заткнут. «Знать, смерть моя идет!» — мокрый, как мышь, Афоня в страхе подскочил на нарах.

Нет, не чудится — стучит кто-то.

И вдруг дошло до него: это Тимофей идет. На всех лапах — вернее, на трех лапах и одной культяшке. Ею и стучит. Но к нему идет. Простил, значит. Простил!

Так Афанасий сделался охотником. Вместе с хромым Тимофеем, который стал для него, как родной брат, они еще семь раз ходили на промысел — и всегда удачно. Пока в один из поздних осенних дней, перед самым снегом, Тимофей не ушел из избушки неизвестно куда, в темную камчатскую ночь. Афоня так и не узнал, что с ним случилось.

Мне рассказывали эту историю-быль, когда судьба занесла меня на Камчатку, сам Афанасий. Лежа в спальном мешке на нарах, я долго слушал охотника: после хорошего ужина из жареных гольцов на медвеьем жиру и бутылки настоящей финской водки, которую мы выпили, ему хотелось выговориться. Ночью за стеной вдруг закрипел снег, и в двери вломился дядя Алик по прозвищу Росомаха. Несмотря на свои семьдесят с гаком, он смотрелся молодцом, отмахав из поселка тридцать километров по морозу в болатных резиновых сапогах только для того, чтобы провести родного племянника. А утром, в так и не конопаченной избушке, замерзла вода в кружках и чай в котелке...

Публикуем короткие рекламные объявления (бесплатно)

Страницы охотничьей памяти

Первый заяц

Своего первого добытого зайца я помню больше сорока лет. Помню, где была его лежка, помню, как он вскочил и как я стрелял. Я помню мушку и прицельный пенек своего ружья, и свое отчаянье, когда после выстрела заяц не упал.

Мне было лет четырнадцать, и у меня уже был охотничий билет. Официально его выдавали, правда, с шестнадцати. Назывался он «Юношеский охотничий билет» и позволял охотиться в присутствии родителя с его оружием. У отца было «рабоче-крестьянское» БМ-16, а второе, одностволку ИЖ-18 шестнадцатого калибра, он купил специально для меня.

Я уже тогда был болен охотой бесповоротно и неизлечимо и как-то в ноябрьскую пятницу, придя из школы, убежал за город «полазить». Это была просто прогулка, конечно, без ружья, роль которого «понарошку» выполнял деревянный прутик. Мне было интересно идти вдоль лесополосы, примечая всякие интересные мелочи: там на мягкой земле озимого поля просматривались заячьи следы, там — отчего-то стрекотали среди зарослей серебристого лоха сороки, а в глубине широкой железнодорожной посадки темнели отнорками лисьи норы. Мне не было скучно в таких одиноких скитаньях, наоборот — слишком быстро заканчивалось их время, и надо было бежать домой, делать уроки.

В тот день, идя опушкой железнодорожной посадки в сторону станицы Платнировской, я скоро миновал заросшую акациями и кленами дамбу Глубокой балки и пошел дальше, слушая гул проводов телеграфной линии, тянувшейся вдоль лесополосы на просмоленных деревянных столбах, прикрученных к железобетонным «пасынкам».

День был теплым и солнечным, листья деревьев пожелтели, но осыпаться не спешили. Стояла классическая золотая осень, и в голубом небе плыли белые облака и первые перелетные стаи уток и гусей. В те годы пролетной птицы в наших краях было очень много, и летела она рано.

Я, беззаботно помахивая прутиком, шагал вдоль опушки посадки, как вдруг из-под очередного столба, впереди, ша-

гах в пятнадцать, с легким шорохом выскочил крупный русак и наискось влетел в лесную полосу. Это произошло быстро, однако я вполне успел прилечь вскинутым к плечу прутиком и два раза «выстрелить», целя русаку по высоко поднятым ушам. «Есть!» — сказал я про себя. Несомненно, будь у меня ружье, этот заяц стал бы моим. Конечно, я еще ни разу не убивал такую большую, ценную добычу, но в этот раз, будь у меня ружье, это случилось бы наверняка. Я почти не волновался, когда «стрелял» этого русака. Какой крупный! Спина широкая, светло-серая, в черноватых завитках. Кажется, я рассмотрел каждый из них.

Несколько раз до этого дня я мог добыть своего первого зайца. Но мне не везло. Я бил уток, куликов, перепелов и вальдшнепов, голубей и просянок, однако зайца взять пока не смог. И это было просто удивительно, потому что я без труда сбивал на лету чирка и верткого бекаса. Где-то в глубине души я понимал, что попасть в бегущего зайца мне мешает сильное волнение, которое я испытывал при виде вскочившего русака. Это было почти необъяснимо, но появление словно из-под земли стремительно мчавшегося зайца действовало на меня ошеломляюще. Я слишком хотел остановить выстрелом этот стремительный, пульсирующий энергией бег, слишком спешил — и в итоге промахивался. У меня был только один выстрел, и торопиться с ним как раз не стоило, но я делал все наоборот. С пернатой дичью я расправлялся по всем правилам, но, увидя зайца, безбожно мазал.

И вот в ту пятницу я почти без волнения спокойно положил конец вскочившего прутика на уши вскочившего зайца и уверенно «отдул» по нему, сознавая, что взял бы этого русака и с первого раза.

Я обернулся в сторону Глубокой балки и посчитал телеграфные столбы, начиная от того, что стоял возле самых камышей. Получилось, что заяц вскочил из-под шестого столба.

Повторяя слово «шесть» словно заклинание, я буквально помчался к дому. Там рассказал отцу о зайце. Тот уверил меня, что завтра мы этого зайца возьмем. А если не его, то другого обязательно.

Наверное, в ту ночь я спал беспокойно.

Утром мы вышли. От родительского дома, стоявшего на самой окраине города, прежде бывшего станицей, до Глубокой балки — всего пара километров. Миновал ее, пошел моим вчерашним путем. Я — вдоль железнодорож-

ной посадки, считая телеграфные столбы, а отец справа продирался лесной полосой рядом.

Какой шанс, что заяц на следующий день будет лежать в той же лежке, где его спугнули накануне? Думаю, достаточно небольшой. Почти нулевой. Один из тысячи, один из ... ну, я не знаю. Но, лишь пройдя пятый столб, я взял ружье на изготовку, а, подходя к шестому, кажется, вообще вставил приклад в плечо.

Очень хорошо помню, что патрон в стволе был с зарядом дробь смешанных номеров, два и три. Кажется, дробь случайно была смешана дома еще в банке, и я не стал ее сортировать, а так и зарядил, отмерив тридцать граммов и засыпав в патрон с бумажной гильзой.

В те времена в наших местах было принято стрелять зайца самой крупной дробью, вплоть до «четырех нолей». Это считалось местным правилом хорошего тона. Над рекомендуемыми в литературе «единицей» и тем более «тройкой» посмеивались: «Може там, у России, вони по Сабанеєву стреляють, а мы тут як выбуть...»

Но мы с отцом выписывали охотничий журнал, старались читать об охоте все что могли достать. И знали, что лучше всего на зайца применять дробь именно от «тройки» до «единицы». Однако «ноли», и даже патроны с картечью, носили на охоте с собой всегда. Не для стрельбы по какой-то дичи, а так, «для интереса» — пострелять по пустым ведрам, ящикам или по грязи высохшей лужи. Мне это было очень интересно, а отец поддерживал, тоже участвуя в «экспериментальной» стрельбе.

Но для своего первого зайца я зарядил дробь рекомендуемых разными «наставлениями» номеров. И шел, поднимая ружье, к шестому столбу, из-под которого вчера выскочил здоровенный русак.

Почему этот заяц улегся в этом месте снова, до сих пор не могу понять. Или может это был другой? Не знаю. Но когда я приблизился к столбу на двадцать пять шагов, не спуская взгляда с кустика травы у его основания, — из этой травы выскочил заяц!

Но побежал он не наискось вправо, в лесополосу, а пошел влево, в поле, ко мне боком. Бежал он не быстро, короткими, какими-то неспешными прыжками, и, чтобы убить его, у меня был целый вагон времени. Условия были идеальными: я видел темный силуэт зайца и, прицелившись, четко видел еще и мушку ружья над темным прямоугольником прицельного пенка. Они, мушка и пенек, срослись вместе

и так и прыгнули за зайцем, опередили его немного, и тогда я нажал спуск.

Я до сих пор не могу понять, почему заяц не был убит тем выстрелом, почему он тут же не повернулся через голову и не растянулся на земле недалеко от шестого столба. Ведь я и сейчас четко вижу и мушку, и прицельный пенек, и то, что они находились немного впереди заячьего силуэта — как раз на столько, сколько нужно на такой дистанции при такой скорости бегущего русака. Возможно, в момент выстрела я задержал ружье, возможно... Другого объяснения этому промаху у меня нет.

Однако после выстрела, я это хорошо видел — и вижу до сих пор! — русак немного сбился на бегу, чуть даже сгорбился, и тут же повернул, сделал полукруг и заскочил в посадку. Я в это время стоял столбом, пораженный горем. Ушел, ушел заяц! Я не попал в него, не попал в такой идеальной ситуации!

Отец справа, из посадки, крикнул:

— Ну что?

Я в отчаянии ответил:

— Далеко!

Хотя было совсем не далеко, и этого зайца можно было убить десять раз... Но я не мог сознаться в своем позорном промахе, в своем неумении, в тотальном невезении и соврал отцу...

Он не видел, конечно, зайца из густой лесополосы и крикнул опять:

— Ушел?

— Зашел в посадку! — крикнул я в ответ.

— Ага, может, подранок, — донеслось из посадки. — Пошли, пошли!

Я, словно в сонном дурмане, перезарядил одностволку, сунув в ствол патрон с шестимиллиметровой картечью, отыскав его в патронташе. Только так, только таким зарядом, наверное, надо стрелять этих зайцев. Ведь явно было видно — не взяла моя «двойка» с «тройкой» русака, мелковата оказалась. Какой там Сабанеев, какие ру-

ководства! Ничего не знаю — теперь только картечь. Есть у меня и патроны с «четырьмя нолями», но — нет, картечь надежнее...

Думая примерно так, я пошел тем же путем, вдоль опушки лесной полосы, в которой трещал ветками родитель. Я готов был заплакать. Лучше этого зайца придумать было нельзя! Он подпустил меня и выскочил совсем близко. Нет, не слишком близко, не из-под ног, а как раз на таком расстоянии, как надо. И был ко мне боком, широкий, крупный заяц... Как можно было промазать его?! Не понимаю... Не понимаю!

И вдруг я увидел, как впереди, в полусотне шагов, из лесополосы на поле выскочил заяц! Он выскочил из кустов и тут же сел. Я еще не успел вскинуть ружье, а русак, сделав прыжок из посадки, мгновенно сел на все четыре лапы, подав корпус вперед.

Я, словно во сне, ткнул мушкой в середину этого напряженного силуэта и выстрелил, наверное ничего не успев подумать.

Заяц опрокинулся, но тут же попытался подняться и бежать. Я кинулся

к нему, на ходу перезаряжая ружье, не помню каким патроном, выстрелил еще, наверное, не попал, но, когда подбежал, заяц уже смотрел в небо безжизненным глазом и лишь отталкивался от земли сильными лапами.

Из посадки вылез улыбающийся отец. Мы долго, долго рассматривали этого зайца и гадали — был ли это тот, что вскочил из-под столба. Выходило — скорее всего тот самый. Наверное, он был ранен первым выстрелом, поэтому и не убежал в поле, а заскочил в близкую лесополосу. Скорее всего — так. Но точно кто скажет?

Во всяком случае долгое время потом я охотился на зайцев, применяя патроны с самой крупной дробью. Это было неправильно, понимаю, но тот первый выстрел, когда вполне «зайчиная» дробь с близкого расстояния «не взяла» моего первого зайца, сыграл свою роль в тогдашнем моем понимании о «подходящей» для заячьей охоты дроби. И только спустя какое-то время я стал брать на охоту на наших степных русаков дробь «нормальных» номеров...

Великие отмели

На окраине моего родного городка, в степной части Кубани, располагаются отстойники сахарного и молочно-консервного заводов. Эти гидротехнические сооружения представляют собой искусственные водоемы прямоугольной формы, разделенные насыпными дамбами, и общей площадью около трех — четырех квадратных километров. Совсем небольшая территория. Но здесь прошла часть моего охотничьего детства и юности, и, возможно, именно здесь я состоялся как охотник. Здесь были первые мои охотничьи Палестины.

За много лет отстойники заросли буйной растительностью, и на моей памяти всегда представляли отличные уголья для водоплавающей и болотной дичи. Обилие кормных участков в сово-

купности с естественными укрытиями создавало прекрасные условия для гнездования, выращивания потомства и нагуливания уток, лысух и болотных курочек. Сами отстойники, отдельные водоемы, были очень неодинаковыми и по размеру, и по форме, и по составу воды, и тем более по растительности.

Вода, прибывающая со стороны сахарного завода, была грязно-сине-серого цвета, с неприятным специфическим запахом, какая-то мертвая и безжизненная. Там, где отстойники подпитывались отходами молочно-консервного производства, ныне известного под маркой «Коровка из Кореновки», она была почему-то розоватого цвета. Но и та, и другая звесь неизвестных нам, пацанам, веществ в воде по законам физики постепенно опус-

калась на дно, давая обильный осадок, вода же становилась прозрачной. Отстойники таким образом оправдывали свое название и предназначение.

А для нас, мальчишек, не знавших в то время ни «приставок», ни Интернета, это было настоящее охотничье Эльдorado. Вода отстойников была невероятно богатой питательной средой для различных микроорганизмов, служащих кормом для уток, лысух, водяных курочек и куликов всяких пород. Над разноцветными искусственными озерцами, невероятно быстро зараставшими всевозможной буйной растительностью, во множестве летали с криком красноногие ходолючки, кувыркались на округлых крыльях чибисы, стремительно проносились эскадрильи перевозчиков, веретенников и

травников. Отмели высыхающих отстойников тоже были усеяны разнотравьем куличинным братством. По ним бродили благородные бекасы и снова крохотные кулики-воробы, часто с криком, напоминающим звон бубенцов, взлетающие целыми стайками.

Отстойники были для меня целой охотничьей страной, и я не упускал случая с каким-нибудь самодельным оружием — рогаткой, луком со стрелами или «самопалом» с запасом пороха и дробы, — примчаться туда из недалекого родительского дома на окраине города. А по возможности проводил там целые дни с утра до вечера, возвращаясь домой в полной темноте. Я даже нарисовал на большом листе ватмана самодельную карту отстойников, по возможности сохраняя масштаб и форму искусственных озер и дамб, многим из них дав названия и обозначив их особые достопримечательности. Эта карта по большому счету была не нужна (я знал отстойники лучше своих пальцев), но она давала мне возможность дома, взглянув на раскрашенный цветными карандашами «план», сразу очутиться среди любимых дамб с высокой дикой травой, зарослей камыша и укромных уголков под кронами верб и тополей, росших кое-где на отстойниках...

А интересного и разнообразного в то время на отстойниках было много. Один отстойник у нас носил название Лампочка, потому что по неизвестной причине действительно имел форму обычной электрической лампочки. Вода в нем была настолько чистой, давным-давно отстоявшейся, что мы, пацаны, приходили на Лампочку ку-

паться. Был большой прямоугольный отстойник, с цепочечкой растущих на одной дамбе абрикосовых деревьев, который мы называли Жердели. Отстойник с густыми ровными зарослями рогоза, среди которого виднелись несколько ондатровых построек, носил название Хатки ондатры. Был еще Треугольник — в форме этой геометрической фигуры. Курочки — это потому, что в его камышах во множестве водились болотные курочки. Змеиный — там на обнажившейся полосе обсохшего дна один раз видели какую-то змею со сложным и ярким рисунком на спине. Обыкновенных ужей полно было везде, а вот змею видели только там.

Наверное, сейчас я уже не вспомню всех названий, которыми мы окрестили интересные места Отстойников, а та карта, бывшая бы теперь для меня бесценной, конечно, затерялась безвозвратно.

Но я хорошо помню два смежных отстойника, очень больших и очень мелких, с обширными участками отмелей. Надо ли говорить, что это было самое богатое куличье место. Я много времени провел в траве дамб этих отстойников, наблюдая за куликами, усеивавшими полосы влажной земли. На светлом фоне воды они напоминали вырезанные из картона трафареты птиц — разной величины и формы, с клювами и ногами разной длины. Нередко к куликам подсаживались чирки, и тогда я, сжимая в руке заряженный утиной дробью «самопал», горящими от охотничьей страсти глазами впиался в столь желанную добычу, мечтая, чтобы уточки приблизились ко мне.

Эти отстойники мы, пацаны, называ-

ли ствольным ИЖ-18. Великие отмели оставили в моей жизни яркую картинку довольно необычной охоты, которой, скорее всего, мне уже никогда не удастся повторить.

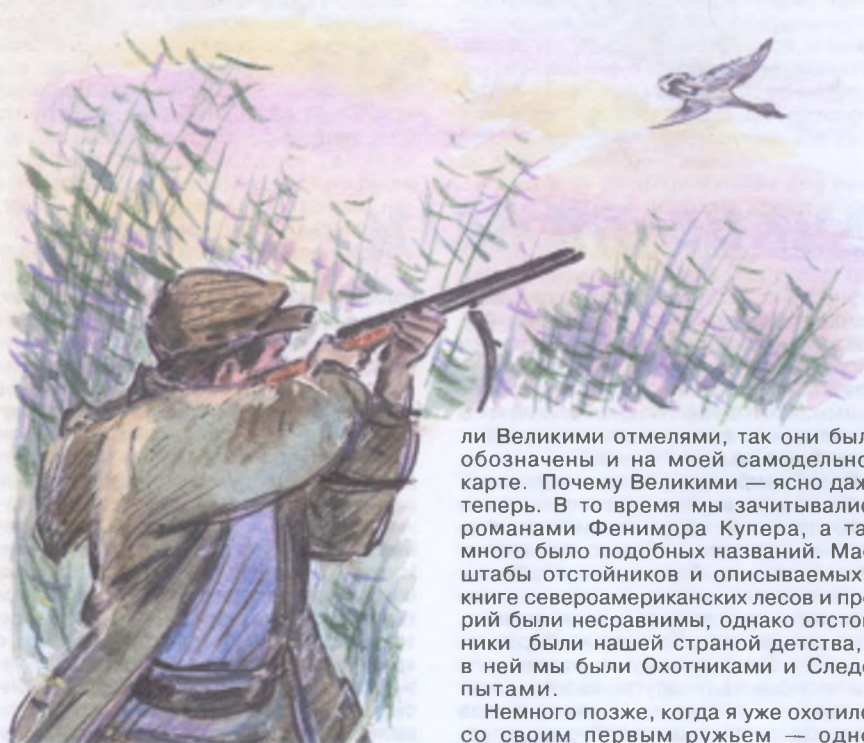
Это была вечерняя, а по большей части ночная охота на бекасов на отмелях. Она была не совсем обычной, и тогда нам казалось — только нашей. Не помню, кто первый придумал караулить куликов, прилетающих на отмели на кормежку. Возможно, я, возвращаясь, как это нередко бывало, поздним вечером, домой через отстойники, заметил подсаживающихся в мелкую воду бекасов, задержался, наблюдая за ними, и рассказал об этом отцу.

Охоты эти остались в памяти угасающей зарей, меркнувшим горизонтом, стальными полосами воды, режущими темные пятна болотистой почвы. Неожиданно в тихом вечернем воздухе возник короткий, легкий свистящий шум, часто слышался звук от посадки птицы — тихий шлепок тонких лапок о землю — и на фоне светлой воды появлялся долгожданный силуэт с большой головой и тонкой черточкой клюва. Нередко подлет бекаса был неслышен — птица возникала как бы ниоткуда, из-под земли. Только что на отмелях было пусто, но, в очередной раз обшарив взглядом боковой крохотный заливчик, я замечал знакомый силуэт. Оставалось осторожно поднять ружье и, в темноте угадывая мушку, подвести конец ствола к темному трафарету. Мелкая дробь с шипением ударяла по отмели, и вместо «трафарета» на его месте угадывался маленький бугорок. Но часто его не было видно, тогда я просто отмечал про себя количество и направление по моему мнению удачных выстрелов, чтобы потом избежать риска не найти птицу. «Засидку» устраивали просто под дамбой, лишь слегка прикрывшись ветками бурьяна. С наступлением темноты не требовалось и этого.

Искали битых бекасов с фонариком. Тушки выделялись в ночи светлым подбоям крыльев или брюшком. Но нередко птица лежала кверху спиной, сливаясь с бурой землей отмелей окраской оперения. И тут часто выручали отметины от ударивших по грязи дробин — их было видно очень хорошо.

А потом было возвращение домой — пешком, по ночным дамбам отстойников, а потом через поле, на другом конце которого стоял родительский дом. Связка дорогой дичи — насколько помню, в среднем около десятка птиц, — придавала этому возвращению особый смысл и значимость.

Сейчас на отстойниках совсем нет куликов. Сами отстойники и даже отмели на некоторых из них почти такие же, как и сорок пять лет назад, но на них уже нет куликов. Воды значительно поубавилось, многие «чеки» сильно заросли камышом, и там появился фазан, невиданный в те далекие годы птицы. Утки, хотя и в несравненно меньшем количестве, есть, встречается и

ли Великими отмелями, так они были обозначены и на моей самодельной карте. Почему Великими — ясно даже теперь. В то время мы зачитывались романами Фенимора Купера, а там много было подобных названий. Масштабы отстойников и описываемых в книге североамериканских лесов и прерий были несравнимы, однако отстойники были нашей страной детства, и в ней мы были Охотниками и Следопытами.

Немного позже, когда я уже охотился со своим первым ружьем — одно-

лысуха, и болотная курочка.

А вот кулики практически исчезли. Исчезли поголовно все — от крикливых ходоулочников до плачущих чибисов, от шумных малышей-воробьев до степенных веретенников, от нарядных

перевозчиков до красноносых куликов-сорок.

Исчезли и бекасы, подарившие нам когда-то тихую, немного таинственную охоту под звездным ночным небом, с гулками одиночными выстрелами и

Неприятное

На охоте, как и вообще в жизни, не всегда все проходит гладко и приятно. Бывают и досадные моменты.

Зимой, в один из нечасто случающихся на Кубани снежных дней, я вышел из родительского дома на охоту за зайцами. Тогда это было максимально просто: дом стоял на краю колхозного поля, отделенный от него неширокой полосой огородов. Заячьи следы встречались буквально в нескольких шагах от крайних сараев, но я почти никогда не обращал на них внимания, считая, наверное, что «настоящая» заячья охота может состояться только по крайней мере километрах в пяти... Это было, конечно, не так, и я в принципе догадывался об этом, однако задерживаться вблизи дома мне мешало не отсутствие охотничьего опыта, а скорее неумная сила и страсть к ходовой охоте. Поле за домом я буквально пробегал, и только миновав его, а заодно и полтора километра отстойников с рыхими зарослями тростников и безлиственными вербами на дамбах, объездную дорогу, еще одно поле, Глубокую балку, окраины хутора Южного, оказывался там, куда звал меня охотничий инстинкт — в полях хутора Верхнего и Казачьего. Там, по моему разумению, были самые русачьи места, их вековое место. Если подумать, то в принципе так оно и было. Сколько дрови оставил я в тех полях — сказать трудно. Но немало. Немало вынес оттуда и зайцев, возвращаясь с трофеем всегда на особом ремешке, на виду, никогда даже не подумав сунуть русака в рюкзаки. Охотничья куртка на правом боку была заскорузлой от засохшей заячьей крови, но я не давал матери постирать ее, считая эту особенность совершенно необходимой и даже ритуальной.

В то утро я, как всегда неукротимым поскоком преодолев первые километры, вышел на первое «сто процентно» перспективное поле, тянувшееся от хутора Южного двухверстовым белым ковром, и двинулся по нему вдоль, плавным челноком выискивая желанную ямку-лежку русака, откуда долгожданым взрывом полыхнет серым живым пламенем, и тогда — эх, не зевай, охотник! Да куда ж там зевать! — только и ждешь драгоценной секунды, и черные грозные стволы надежной ижевской вертикалки нацелены вперед, в поле, навстречу охотничьей мечте.

Однако в тот раз это поле не подарило удачи, я напрасно ломал ноги на мерзлых вывертах пашни, скрытых слоем пушистого снега.

Потом была поперечная посадка с несколькими цепочками заячьих следов вдоль нее, и опять поле — на этот раз

скрытые снегом озимые. Мне некогда было разбираться в следах — слишком велика была уверенность, что зайца подниму и без тропления.

Но в тот день зайца я не поднял и на поле зеленей.

Это меня совсем не смутило. День был почти еще весь впереди, и я верил в то, что чем дольше не приходит удача, тем шансы для ее встречи все больше увеличиваются. Это вселяло уверенность, оптимизм и вызывало в душе сладкий страх перед неизбежностью счастья.

Я шел к совсем уж надежному месту, откуда никогда не уходил без того, чтобы если не убить, так уж поднять зайца, а то и несколько.

С этого поля мне удавалось в одиночку поднять трех—четыре зайцев, а в один, тоже снежный, день, когда мы зашли на него гаем в пять человек, русаков с разных его мест поднялась целая дюжина.

Поле было огромной пашней, примыкавшей к окраине хутора Верхнего, и имело форму какой-то неправильной трапеции, которую примерно посередине пересекала безымянная камышовая балка, а с одного угла лепились строения совхозного птичника.

Рядом с птичником виднелась небольшая скирда. С одной стороны она была разворочена, под зимним солнцем ярко желтела пахучая солома. Я решил зайти в поле как раз от этой скирды и хорошим, плотным челноком обследовать это заячье Эльдorado до самых хуторских огородов, если понадобится. Когда я подходил к скирде, к ней подъехал трактор с прицепом, и два казачка стали сноровисто перекидывать солому в кузов вилами. Я проходил мимо них, почти не обращая на работяг внимания, вглядываясь в поле и стараясь определить охотничьим «чутьем», где же на нем может лежать сейчас моя удача, когда вдруг понял, что один из хуторян обращается, по-видимому, ко мне: «Ты видно голодный, что в выходной с ружьем таскаешься!» В голосе мужика с вилами звенела непонятная злость. Мгновенная вспышка злости, даже ярость. Это было очень неожиданно, но я почему-то даже не успел растеряться, и сразу выпалил в ответ: «А ты, видно, точно голодный, что в выходной работаешь!»

Я из породы тех людей, которые с большой неохотой идут на беспричинный конфликт, а, вернее, никогда на него не идут первыми. И меня всегда удивляют те, которые совершают это не задумываясь. Удивляют и возмущают. И тогда я сам могу начать сильно лягаться. Примерно так и было в тот раз. Мужик на скирде фактически ни

испещренными дробовыми отметиной берегами Великих отмелей.

Я не знаю, куда они все подевались. Хотя, если сравнивать с временем юности, которое тоже ушло неизвестно куда, это не так уж и удивительно...

за что ни про что оскорбил меня, я ему не менее резко ответил. Стоило ожидать продолжения. Судя по всему, казачок был из нервных или чем-то обиженных, чем-то я действовал ему на нервы, он стоял почти надо мной с вилами в руках, и я инстинктивно крепче сжал рукой шейку висящего на плече ружья, решив, что все последующее будет полностью зависеть от того, как поведут себя эти двое. И лучше отнестись к ним настороженно, чем потом жалеть о своей неподготовленности.

Я проходил мимо скирды, эти двое продолжали махать у меня над головой вилами, не говоря ни слова. Солома большими кучами падала в прицеп. Повисла неприятная тишина, если не считать шуршания соломы и звуков напряженного дыхания сверху. Я не смотрел на мужиков, но прекрасно видел их движения. Я не хотел, чтобы мне, из непонятного злого озорства, например, проткнули голову вилами. Это была крайность, но сбрасывать со счетов ее не стоило. Разве нормальный человек запросто так станет оскорблять другого? Мое право теперь — считать этого казачка не совсем уравновешенным. Кто знает, чего это он? Может дочка его развелась с мужем из-за того, что тот из-за охоты забросил хозяйство, кто знает? Но то, что совершенно незнакомый ему охотник явно вызвал у этого человека вспышку злости, о чем-то говорило...

Я миновал эту проклятую скирду, не получив никакой реакции на свой ответ. Уже почти миновал колею тракторного следа — здесь машина делала петлю в предыдущий заезд, разворачиваясь, — когда услышал, что трактор сзади тронулся. Тарахтенье резко приблизилось. Я почти уже ступил в колею от колес, но сделал пару шагов назад. На максимальной скорости, разбрасывая снег, трактор с прицепом с лихим крепком пронесся по колее совсем рядом, перед моим носом. Мужик, который обозвал меня голодным, сидел за рулем, второй был в кузове прицепа, на ворохе соломы. Водитель зыркнул на меня с неприятным оскалом перекошенного злобой лица. Конечно, если бы я был у него на пути, он затормозил бы. Но так, что я едва не упал бы в снег. Что-то подобное он сделать мог, я почувствовал это по выражению его глаз.

Всего лишь случай, крохотный эпизод. Но интересно, что я совершенно не помню, чем закончился тот день. Добыл ли я зайца, не добыл ли... Помню только, что день был чертовски хорош: белый снег полей и голубое небо. А что было после той злосчастной скирды — не помню, хоть убей.

Неприятно...

Почти детективная история

Николай СТАРЧЕНКО

На берегах Снежеди

И.С. Тургенев в 1860-е гг.

Когда я приезжаю в Спасское-Лутовиново, то обязательно стараюсь побывать в его ближних и дальних окрестностях, связанных с именем Ивана Сергеевича Тургенева. Особенно часто — в соседнем с Орловщиной Чернском районе Тульской области. Страстный охотник, писатель сам отмечал, что здешние охотничьи угодья побогаче дичью, чем в родном Мценском уезде.

Впрочем, и Чернский уезд был ему родным по отцу: село Тургенево на реке Снежедь — родовое имение Тургеневых, где в доме старшего брата Николая Сергеевича он любил останавливаться во время своих охотничьих странствий.

В Тургенево я бывал неоднократно, а на этот раз мы с местным краеведом наместили побывать в Хитрово и в Покровском — это выше по течению Снежеди. А по дороге заехать и в Богослово. С него и начали.

Только проехали указатель границы между Орловской и Тульской областями, как вскоре свернули на малоприметный просёлок налево. И через полверсты колдобистой, тряской дороги — полузаброшенное селеньеице, только две крыши виднеются среди разросшихся, запустелых садов. А в былые времена тут была бойкая дорога, был постоянный двор — сюда высылали из Спасского тройку навстречу писателю, когда он возвращался из далёких краёв в родной дом.

Невольно думаешь: не этот ли постоянный двор описан в романе «Отцы и дети»?

Прикроешь глаза и кажется, сейчас увидишь молодых людей XIX века в дорожной одежде — Евгения Базарова и Аркадия Кирсанова...

Но на месте постоянного двора уже давно пустырь, а рядом высится новая изгородь — загон для скота, где стоит молодой человек с вилами в руках. Он

занимается откормкой бычков на продажу. Да, подтверждает, это и есть Богослово, а если полностью — Богословский Погост.

— А знаете ли вы, что здесь было во времена Тургенева? — спрашиваю я. Парень сморщил в догадливой улыбке своё небритое лицо:

— Тут Тургенев с Толстым поругались крепко. Даже дуэль была.

— Не совсем так... — начинаю я и тут же чувствую толчок в бок моего товарища. Оборачиваюсь к нему — и читаю в его глазах: помолчите, не говорите ничего дальше.

— Ну, и как же?.. — обращается уже мой товарищ.

Но случайный собеседник наш, уловив переглядывание, смущённо сказал:

— Да давно это было...

Мы возвратились к машине, и краевед сказал мне с весёлой укоризной:

— Эх, помешали немножко... Любопытно, чтоб он сказал дальше.

И тут же поведал мне, красочно изображая в лицах, одну весьма забавную историю. Было это лет тридцать назад. В Спасское-Лутовиново приехала большая группа учёных-тургеноведов из Москвы и Ленинграда. После научных заседаний повезли гостей на Бежин луг, а на обратном пути завернули и сюда, в Богослово. Пока девушка-экскурсовод помогала выйти из автобуса совсем уж ветхой учёной старушке, а гости переминались с ноги на ногу, не зная, куда двинуться, вперёд выступил разухабистый, всезнающий шофер и

возгласил громко, с воодушевлением и гордостью:

— Вот здесь наш Иван Сергеевич вызвал на дуэль Льва Толстого... — голос его зазвенел ещё восторженнее, с победными интонациями. — И убил его!

Учёные люди так и замерли, открыты и выпучив глаза...

Не уверен, что все наши читатели знают об этой ссоре между великими писателями. Было это в конце мая 1861 года. Толстой приехал из Ясной Поляны к Тургеневу в Спасское-Лутовиново, откуда потом вместе поехали в гости к Афанасию Фету, в его Степановку. Там и разразился скандал. Тургенев стал рассказывать о своей дочери Полине (незаконнорождённой) Пелагее — от белошвейки из Черни, которая в Париже по совету своей гувернантки-англичанки собственноручно штопает худую одежду бедняков, затем возвращая ее им. Такая благотворительность показалась Толстому фальшивой и театральной. Слово за слово — и взбешённый Тургенев (что на него совершенно не было похоже) крикнул: «Замолчите, или я Вам дам в рожу!» В других вариантах это звучит мягче: «Извольте замолчать, или я вынужден буду это сделать силой!» После сказанного Тургенев выскочил из комнаты, но вскоре вернулся и извинился.

Но этим дело не закончилось. Немного погодя, Толстой потребовал письменного извинения. Тургенев посчитал

Река Снежедь у деревни Хитрово

такое требование чрезмерным: зачем, он же извинился при всех? — и получил вызов на дуэль. Причём Толстой настаивал стреляться на ружьях, а не на пистолетах, «чтобы уже наверняка». Кое-как общие друзья замяли ссору, отвели дуэль, но сами писатели не общались после этого целых семнадцать лет, до 1878 года — пока Лев Толстой не написал Тургеневу примирительное письмо.

— Хорошо, что так всё закончилось, — сказали мы с краеведом на том примерном месте, куда предлагал Толстой явиться Тургеневу в Богослово — «со стороны церкви к опушке леса с ружьями». Подумать только, Толстой уже послал в Ясную Поляну за своим любимым бельгийским ружьём и за литыми пулями к нему... Ему было тогда 33 года. А Тургеневу и вовсе сорок три, возраст явно не дуэлянтский. А вспомним-ка, в романе «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов тоже в немалых летах стрелялся с Базаровым... И когда же эта сцена появилась в романе? Возможно, после этой истории с Толстым — в июне—июле того же 1861 года Тургенев дописывал в Спасском свой ставший великим роман: вот уж воистину «Отцы и дети» — книга на все времена! А, возможно, и наоборот: сцена дуэли уже была написана — и тогда получается, что автор сам себе напророчил дуэль? Этот вопрос требует дополнительного изучения и прояснения — чем я, надеюсь, в скором времени и займусь.

А сейчас тронемся дальше в путь, к деревне Хитрово.

Боже, какой изящный изгиб делает здесь река Снежедь, какой первозданной красоты место! Несколько лет назад чернский журналист, бывший редактор районной газеты «Заря» Анатолий Петрович Маркин (ныне покойный — светлая ему память!) сообщал мне в письме, зазывая на рыбалку, что «за последние десять — пятнадцать

лет в реке самоочистилась вода, стало больше плотвы, голавлей, щуки, а там, где Снежедь сливается с Зушей, раздолье крупной рыбе — сомам. А вот особенно примечательное: «Ниже деревни Хитрово река имеет глубокие омуты. Ещё и сейчас осталось название одного из них — Графское бучало. Предположительно в нём купалась графиня Мария Николаевна Толстая, поместье которой было расположено на левом берегу Снежеди (куда мы чуть позже и отправимся с нашими читателями — Н.С.). Каких-нибудь десяток лет назад ещё был цел фундамент из красного кирпича, и можно было предположить, каков был дом раньше. Сейчас всё заросло бурьяном. И только некоторые могут показать его место. А буквально в двух километрах располагалась усадьба известного человека — Антона Дельвига. По неподтверждённым данным, сюда к нему заезжал Александр Сергеевич Пушкин. Место бесподобное: изгиб реки, и в нём стоял господский дом. В 1980-е годы здесь была школа. Постройка деревянная, а поэтому и легко поддавалась разрушению. Одно время в районе велись жаркие споры о том, стоит ли восстанавливать родовой дом Дельвигов. Как всегда, были мнения и «за», и «против». Но тут грянула «перестройка». Естественно, этот вопрос сам собой отложился до лучших времен.»

Так, может быть, лучшие времена (хотя бы в чём-то!) уже и пришли? Обратим внимание и на то, что влиятельное общероссийское издание «Литературная газета» недавно учредило премию имени первого редактора «ЛГ» Дельвига с солидным денежным содержанием в семь миллионов рублей. Премия вручается в январе — в честь основания «Литературной газеты» Александром Пушкиным и Антоном Дельвигом в 1830 году. Думается, литгазетовцам вполне по силам, с участием

властей и общественности, поднять такое дело, как воссоздание усадьбы А.А. Дельвига. К такому благому делу наверняка присоединятся и другие, более скромные издания и организации, для кого славная история России, восстановление и бережение её исторических, культурных и природных памятников — не пустой звук.

Согласитесь, таким пейзажем, таким видом, что открывается на место усадьбы Дельвига, просто не наглядеться! И невольно думаешь: и когда же, наконец, у нас в стране по-настоящему займётся экологическим туризмом для детей и взрослых, включающим в себя познавательное и воспитательное значение?

— Тургенев и Толстой бывали здесь у Дельвигов, — замечает мой спутник. — Ещё до ссоры...

И самое время нам проехать ещё с версту в село Покровское, где жила сестра Льва Толстого Мария Николаевна, будучи замужем за Валерианом Петровичем Толстым (много было когда-то Толстых на Руси!). Находясь в ссылке (в основном за «Записки охотника») в Спасском-Лутувинове, Иван Тургенев пишет 24 октября 1854 года издателю и редактору журнала «Современник» Николаю Некрасову: «Познакомился с Толстыми. Жена графа Толстого, моего соседа, сестра автора «Отрочества», премилая женщина, умна, добра и очень привлекательна». Тут была своя предыстория: Тургенев получил по почте журнал «Современник», где прочёл первое произведение Льва Толстого «Детство» и был восхищён им. А вскоре там же было опубликовано и «Отрочество». К тому времени Тургенев уже знал, что в Покровском живёт родная сестра талантливого автора этих произведений, и, захватив с собой свежий номер журнала, отправился в село на берег Снежеди.

Этому его визиту (узнал из письма родных) очень обрадовался молодой писатель Лев Толстой, бывший в то время в Крымской армии. В дневнике он записывает: «Получил восхитительное письмо от Маши, в котором она описывает своё знакомство с Тургеневым. Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственных глазах и побуждающее к деятельности». А какой огромной поддержкой оказалось письмо и от самого Тургенева, уже тогда признанного мастера и авторитета в русской литературе: «Ваша сестра, вероятно, писала Вам, какого я высокого мнения о Вашем таланте и как много от Вас ожидаю... Ваше оружие — перо, а не сабля...»

Иван Тургенев стал частым гостем в Покровском. Отношения его и хозяйки становились всё ближе... В письме к П.В. Анненкову он поделился своими чувствами, говоря о Марии Толстой, что это «одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвёл. На старости лет (мне четырёхтого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился (...) Я давно не встре-

Белый домик в Покровском

Л.Н. Толстой в 1862 г.

чал столько грации, такого трогательного обаяния...» Тогда же Тургенев написал прекрасную повесть «Фауст», где главной героине придал многие черты Марии Николаевны. Их увлечение друг другом носило больше духовный характер, но тем не менее оно, по всей видимости, тоже подтолкнуло в 1858 году М.Н. Толстую, мать троих детей, к разводу с мужем, человеком весьма низкого морального уровня, «своего рода деревенским Генрихом VIII, претворительным» (из письма Тургенева Полюине Виардо).

Мария Николаевна покинула Покровское, жила за границей, а потом стала монахиней Шамординского монастыря. Это сюда, к ней, родной сестре Маше, в ноябре 1910 года бежал из Ясной Поляны донельзя уставший, измученный старик, которого она называла «милый Лёвушка». Но он не смог укрыться у сестры, погоня из Ясной Поляны настигала, и он, великий Лев Толстой, отправился бежать дальше, уже на поезде — и, заболев в пути, умер на пыльной станции Астапово.

...Теперь, нередко бывая в возрождённом Шамординском женском монастыре, я всегда подхожу с поклоном к скромной памятной доске, извещающей, что здесь похоронена Мария Николаевна Толстая. К сожалению, точное место могилы пока не установлено, но упокоилась она здесь, на монастырском кладбище. И потом долго сижу на привольном пригорке, глядя на изумительной красоты длинный изгиб-подкову реки Серены, как будто специально пришедшей сюда, к стенам древнего монастыря...

Но вернёмся к калужской земле, с тихих берегов Серены на холмистые берега Снежеди. Конечно же, Лев Толстой был в курсе отношений своей сестры и Тургенева. В дневнике записал: «Тургенев поступает с Машей дурно». Вряд ли это справедливо. «Поступать дурно» — не вяжется с благородным поведением Тургенева, со всем его обликом и образом чувств и мыслей. Но Толстой именно так считал и, судя по всему, почти три года таил в себе обиду-неприязнь. Добавим сюда и возникшее к тому времени обоюдное раздражение, вызванное, по словам Тургенева, «крайним и постоянным антагонизмом наших воззрений». И за обедом у Афанасия Фета это прорвалось! Так что дело тут не в показательной благотворительности дочери Тургенева, а в тлевшем внутри Толстого желании расчитаться за накопившееся, а заодно призвать к ответу и за сестру, за её поломанную жизнь, забывая при этом, что Тургенев тут отнюдь не главный виновник... И виновен ли вообще? Заметим, что сама М.Н. Толстая очень тепло вспоминала о писателе. И какой он был страстный охотник, и как часто заходил после охоты в Покровское — «и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо, просто, вдумчиво, как бы толкуя, он охотнее читал чужое, любимое им, нежели своё... Я помню, как он читал нам «Рудина»... Мы были поражены необычайной тогда живописью рассказа и содержательностью рассуждений».

Подъезжаем к Покровскому. «Там только один домик от усадьбы остался...» — предупредил заранее мой товарищ. Что ж, и то хорошо! Тем более, что видим у этого белого домика группу молодых людей — это реставраторы из Тулы. Хочется им восстановить усадьбу, где бывали Иван Тургенев и Лев Толстой, в окрестностях которой они охотились, бродили, разговаривали, делились творческими замыслами... Но финансируется реставрация слабо, вот беда!

Беда не только в этом. Вот по этой самой тропке-дорожке спускались к Снежеди великие классики российской словесности (во многом — сами же и создатели её, величайшей в мире!) — и открывался им отсюда прекрасный вид на Снежедь, а нам сейчас ничегошеньки не видно, всё заросло высоченной травой и репейниками, непролазными кустами. Чуть продрались к реке, с наслаждением умылись её чистой водой. Так и хочется воскликнуть: «Пропустите людей — детей и взрослых — к живой воде! К живому источнику познания Родины!»

Обратно в Спасское-Лутовиново возвращались примерно тем же путём, как и Тургенев возвращался от Марии Николаевны полтора века тому назад. Не знаю, как кому, а мне представляется это не таким уж и давним. Ведь живы ещё селения, эти названия, отражённые в немеркнущих произведениях Ивана Сергеевича Тургенева. Вот деревенька Кальна, на левом берегу Снежеди, здесь жил кулак-мироед Жикин («Всемогущий Жикин» — по выражению писателя), вот место, где стояла его водяная мельница... Едем дальше — вот и деревня с запоминающимся названием Голоплёки. Здесь всегда жили Овсянниковы, отсюда — герой рассказа «Одноворец Овсянников». Старожилы деревни нам говорят, что в Спасском они всегда с охотой бывали, это ведь рядом, в паре километров, и в хорошую погоду с восточной околицы Голоплёк видна и сама тургеневская усадьба, её старинный парк.

Снежедь — не от «снежного человека»

На этой милой среднерусской реке я бывал много раз, в разные времена года. Редкой красоты она, сокровенности, лиричности и поэзии. И само её название чудесно — Снежедь! И снежное, и свежее, и прохладно-чистое что-то...

Вернувшись недавно с её берегов, с известного всем ещё со школьной хрестоматии Бежина луга, сказал себе: «Нет, пора-пора ответить как следует организаторам этой «сенсации», которая продолжает гулять в средствах массовой информации».

Дело в том, что в самом первом номере журнала «Муравейник», в 1994 году, в рубрике «Бурелом» (где ежеме-

сячно публикуются уникальные рассказы очевидцев о всяких необычных, непонятных, таинственных, порой очень странных явлениях в природе) появилась одна малоизвестная и удивительная история в пересказе Ги де Мопассана (опубликована в газете «Фигаро» в 1884 году, уже после смерти И.С. Тургенева). Учитывая её небольшой объём, приведём её полностью.

«И вдруг я вспомнил историю, которую как-то в воскресенье у Гюстава Флобера рассказал нам Тургенев. Не знаю, записана ли она им, или нет.

Никто лучше великого русского писателя не умел пробудить в душе тре-

пет перед неведомым, показать в причудливом таинственном рассказе целый мир пугающих, непонятных образов.

Он умел внушить нам безотчётный страх перед незримым, боязнь неизвестного, которое притаилось за стеной, за дверью, за видимой жизнью. Он озарял наше сознание внезапными проблесками света, отчего страх только возрастал.

Порою, слушая его, мы постигали смысл странных совпадений, неожиданных стечений обстоятельств, на вид случайных, но на самом деле руководимых какой-то скрытой, тайной волей. Общение с ним помогало найти неза-

метную нить, таинственным образом ведущую нас сквозь жизнь как сквозь смутный сон, смысл которого всё время ускользает от нас.

Он не вторгался смело в область сверхъестественного, как Эдгар По или Гофман, в его простых рассказах жутикое и непонятное сплеталось в одно.

В тот же день он тоже сказал: «Боюсь по-настоящему лишь того, чего не понимаю».

Он сидел или скорее лежал в глубоком кресле; руки его свисали, ноги были вытянуты; седые волосы и борода, струившаяся серебристым потоком, придавали ему вид бога-отца или овидиевского речного божества.

Он говорил медленно, несколько лениво — что сообщало его речи особую прелесть, — чуть-чуть запинаясь, как будто с трудом подбирая слова, но это только подчёркивало точность и красочность его выражений. Светлые, широко раскрытые глаза отражали, словно глаза ребенка, все движения его мысли.

Вот что он нам рассказал.

Будучи ещё молодым, он как-то охотился в русском лесу. Он бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки.

Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая.

Охотника охватило непреодолимое желание окунуться в эту прозрачную воду. Раздевшись, он бросился в неё.

Он был высокого роста, силен, крепок и хорошо плавал.

Он спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали тело, и лёгкое прикосновение стеблей было приятно.

Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча.

Он быстро обернулся и увидел страшное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством.

Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. У него было широкое морщинистое гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неопишное — два каких-то мешка, очевидно, груди, болтались спереди; длинные, спутанные волосы, порывшиеся от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной.

Тургенев почувствовал дикий страх, леденящий страх перед сверхъестественным.

Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло ещё быстрее и с радостным визгом касалось его шеи, спины и ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех ног пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружьё.

Страшное существо последовало за ним; оно бежало так же быстро и по-прежнему взвизгивало.

Обессиленный беглец — ноги у него подкашивались от ужаса — уже готов был свалиться, когда прибежал вооружённый кнутом мальчик, пасший ста-

до коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутёк, крича от боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях.

Оказалось, что это была сумасшедшая, жившая в лесу уже свыше тридцати лет; её кормили пастухи. Половину своей жизни она проводила, плавая в речке.

И великий русский писатель добавил:

— Никогда в жизни я так не пугался, потому что не мог понять, что это было за чудовище».

Когда этот материал уже был нами подготовлен к печати, в журнале «Чудеса и приключения» (№ 2, 1994) появилось сообщение под броским анонсом с портретом И.С. Тургенева: «Он видел снежного человека!» Трудно было поверить, что ради мнимой сенсации журнал пошёл на заведомую фальсификацию. Но это так — цитирование Тургенева в пересказе Мопассана оборвано вот где: «Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях». Лихо, однако! И при этом некто К. Гратис позволил себе философствовать в таком вот духе по поводу великого русского писателя: «Как же он, привыкший исследовать тончайшие движения собственной души, не попробовал заглянуть в неё в связи с этим случаем? Как не попытался разобраться, что это могло быть, если в считанные секунды буквально смяло всю его психику, превратило его, человека сильного, крупного (его рост был 192 см), мужественного, в охваченное паникой животное». Да в том-то и дело, что Иван Сергеевич Тургенев тут же разобрался, что это был никакой не «снежный человек», а несчастная сумасшедшая женщина.

«Стыдно, господа!» — тут же дали мы отповедь нечистоплотным ловкачам от журналистики. С горечью приходится признать, что за прошедшие двадцать лет в периодических изданиях России таких «чудес» и «приключений», к сожалению, не убавилось...

Открываем, например, № 1—2006 года альманаха «Охотничьи просторы» и читаем «исследование» Ю. Ерофеева «Сюжет, не попавший в «Записки охотника». И снова о «снежном человеке», якобы испугавшем Тургенева!

И снова применяется уже опробованный приём, правда, несколько модернизированный: «Там в новелле Мопассана «Страх» есть ещё несколько строк. Приведём их несколько позже. А пока прервём цитату на том месте, где заканчивают рассказ Тургенев комментаторы наших дней». Что за комментаторы? В сноске приводится: Б. Поршнев. Борьба за троглодитов. — Журнал «Простор», Алма-Ата, № 6, 1968 г., и, конечно же, уже упомянутый здесь К. Гратис. Разумеется, сноска на журнал «Муравейник» не даётся. Ну, пропустил человек, бывает! — скажет кто-то. Но я в такие случайности не верю, тем более, что как раз в то время, когда давалась наша уже повторная отповедь К. Гратису (в 2004-м, в связи с 10-летием «Муравейника», редакция, по просьбе читателей, перепечатала наиболее интересные публикации рубрики «Бурелом»), сам Ю. Ерофеев частенько заходил к нам со своими рукописями, был усердным нашим читателем и даже выписывал журнал «Муравейник» для своего внука, живущего в Англии.

Ну, да ладно, главное, что из приведённой сноски на журнал «Простор» я узнал, что эта «сенсация» о Тургеневе тянется ещё с 1968 года, то есть уже 45 лет! И все эти долгие годы мы из разных публикаций и телепередач многочисленных ловцов за «снежным человеком» раз за разом слышали с придыханием: какой же замечательный был учёный, этот профессор Поршнев! А мы теперь скажем: да-а, вот так профессор, вот так учёный... Способный пойти на самый натуральный подлог! И невольно задумаешься: а не построен ли вообще вся эта так называемая наука о «снежном человеке» на таких вот подтасовках?

Снедь на Бежином лугу

Но вернёмся к «анализу» пересказа Мопассана нашим «исследователем». Особенно возмущает то, что автор почти до самого конца своего обширного и претенциозного опуса продолжает кормить несведущего читателя такими вот «размышлизмами» — на пару с пройдохами и фальшивомонетчиками от науки:

«Но всё-таки, кого (или чего?) испугался тогда молодой Тургенев? Для многих, писавших на эту тему, и вопроса-то такого не существует. «Мы уже знаем, с кем он повстречался: с обыкновенной русалкой», — с уверенностью утверждал профессор Б.Ф. Поршнев. Конечно, не русалкой из русских сказок, а с тем двуногим существом, встречи с которым легли в основу народных мифов. Это существо Линней называл троглодитом, народные источники — йети, кантером и другими экзотическими названиями, разными для разных стран и областей; нынешние сторонники его существования называют это существо «реликтовым гоминидом», а в обиходе чаще всего его зовут «снежным человеком». Точку зрения К. Гратиса отражает само название его работы: «Тургенев пришёл в ужас от снежного человека». Д.Ю. Ба-янов, в шутку называющий себя «старым адвокатом» леших и русалок, придерживается примерно той же версии, причём делает это «с риском оказаться в положении человека, ломящегося в открытую дверь, для тех читателей, кому ясен ответ на поставленный вопрос».

Надо сказать, что вариант принять существо, встреченное Тургеневым, за «русалку», за «лешахию» (лешего, но женского рода) — заманчиво».

Особенно заманчиво оказалось для старого человека Ю. Ерофеева порассуждать о женских грудях. Заметим, что в пересказе самого Мопассана об этой части тела сказано очень скупо: «Что-то неопишное — два каких-то мешка, очевидно, груди, болтались спереди». А вот Ю. Ерофеев тут развернул-ся вовсю:

«Нынешний образ русалки, как грациозного, изящного, тонкоруклого, се-ребрящегося существа — это образ литературный, сложившийся у читающей публики за последние два столетия, навеянный описанием русалок у Пушкина, да и у того же Тургенева (скажем, в его рассказе «Бежин луг»). У русских крестьян, как и у наших «инородцев», веками складывался совсем другой образ русалки. Его отражением являются «фаранки» (резные изображения русалок) на резных досках, украшавших старинные русские избы. Замеченные Тургеневым невероятные размеры грудей — характерная особенность «фаранок». Отражена эта особенность и в описаниях. У нижегородских водяных «чертовок», по словам человека, «видевшего» их, «титки большие, до пупка висят». У белорусских русалок — «цыцки большие-большие, аж страшно». Тот же образ у чувашей — «женщина с взлохмаченными волосами, с огромными, как овсяные мешки, грудями». По представлениям вотяков, у лешего «превеликая титка, которую он

втискивает людям в рот, и тем задушает». Число подобных примеров велико» — глубокомысленно завершает свои изыскания Ерофеев, прекрасно зная, что это была просто сумасшедшая женщина, а никакая не русалка.

И даже вынужденно, как говорится, с зубным скрежетом, всё же воспроизводя концовку пересказа Мопассана, Ю. Ерофеев не унимается: «Морщинистое, похуже на облезлое лицо — возможно, следствие атавизма». То есть хочет всё равно «подверстать» несчастную женщину теперь уже к неандертальцу... И снова задаёт свои пустопорожние вопросы: «От кого Тургенев узнал, что сумасшедшая живёт в зде́шнем лесу уже около тридцати лет? От пастушонка? Но ведь это мальчишка лет десяти — двенадцати, и мог ли он знать, что было тридцать лет назад? Или этот пастушок говорил со слов старших людей, или самому Тургеневу удалось поговорить с другими местными жителями — пастухами, охотниками, крестьянами. В рассказе Мопассана нет ни слова о том, кто был информатором (ну, и словечко подобрано. — Н. С.) Тургенева о жизни сумасшедшей».

С каким, однако, пренебрежением пишет Ю. Ерофеев о мальчишке-пастушонке! Мол, что он может знать! Сразу видно, что «исследователю» невежливо, что десяти — двенадцатилетние деревенские дети, особенно во времена Тургенева, очень много знали и умели, и разговаривали как взрослые. Лучше бы перечитал хорошенько прекрасный тургеневский рассказ «Бежин луг» — только мельком упоминаемый им тут, в связи с русалками.

А между тем, именно в этом рассказе заключена разгадка. Прочитаем отрывок из «Бежина луга».

«— Смотри не упади в реку! — крикнул ему вслед Ильяша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но, а говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её полюбовник обманул.

— От того самого».

Не правда ли, совсем не трудно теперь угадать Акулину в той несчастной из пересказа Мопассана? Сличим особенно это: «гримасничающее и смеющееся лицо» и «она ничего не понимает, что бы ей не говорили, и только изредка судорожно хохочет». Так что не прав Ю. Ерофеев, утверждая безапелляционно своим заголовком: «Сюжет, не попавший в «Записки охотника». Как раз попал в великую книгу, в её прекрасный рассказ «Бежин луг» — всего несколькими абзацами, уместился всего в полстранички. Это ведь писал Тургенев, а он, с его безупречным вкусом и деликатностью, умел различать частный разговор-воспоминание в кругу близких друзей и литературное произведение. Он умел, как никто, преобразовывать реальные лица и факты в яркие художественные образы.

Вот так, неуважаемые мною господа «исследователи!» Лучше бы внимательно, с любовью и с чистыми помыслами читали Ивана Сергеевича Тургенева, а если уж очень захотелось что-то исследовать всерьёз, то надо обязательно поездить и походить (и не раз!) пешочком по родным местам писателя. Река Снежедь очень живописна на Бежином лугу. «Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая». Удивительно, но французский писатель верно передал слова Тургенева. Снежедь и сегодня, хотя несколько и обмелела за полтора столетия, всё такая же. И напрасно иронизирует Ю. Ерофеев, говоря, что «не очень сочетаются в записи и сведения о том, что речка была «глубокая» — и притом «вся заросшая травой». Так и хочется сказать: оставьте пустое теоретизирование, лучше побывайте на месте! Снежедь именно такая — в чём убеждаешься и сегодня.

Побывав не единожды на Снежеди и Бежином лугу, я думаю, что, скорее всего, именно здесь и произошёл тот случай. Так и видится, как после охоты Иван Сергеевич вышел к Бежину лугу, где днём паслись коровы и козы, а ночью — лошади, Уставший за день, он решил искупаться... Где-то тут и выручил его «вооружённый кнутом мальчик, пасший стадо коз».

Или вышел к той же Снежеди чуть ближе к родовому селу Тургенево, именно своего брата Николая Сергеевича, где любил заочевать.

Во всяком случае, произошло всё это здесь, в ближних окрестностях, на берегах тихой речки с чудесным именем Снежедь.

...А, пожалуй, это даже хорошо, что такие, как Ю. Ерофеев и иже с ними «тургенеvedы», ничего до сего дня не знали о Снежеди — а то бы враз приклеили её к «снежному человеку». От него, мол, она в древности и началась, и повелась, и название получила такое... С них станется.

С. А. Коротин

Библиография профессора Коротина Сергея Александровича (к 90-летию со дня рождения) / сост.: Т. В. Кувшинова и др. под общ. ред. А. П. Савельева; ГНУ ВНИИОЗ, РАСХН. — Киров, 2012. 58 с.

Список научных работ С. А. Коротина накануне его 90-летнего юбилея (17 апреля 2012 г.) включает 421 работу. В него не попало большое количество (по оценкам автора, более 100) заметок, опубликованных в годы войны в двух газетах Тихоокеанского флота «На рубеже» и «Боевая вахта», в которых сержант С. Коротин был воен-

ным корреспондентом. Не включили и некоторые заметки, опубликованные в газетах «Вестник охотника и рыболова», «Московская (позднее — Российская) охотничья газета» и других. Их анализ — задача будущего.

Список начинается со студенческой работы, опубликованной в Бюллетене МОИП в 1952 г. Сергей Александрович был принят во ВНИИОЗ в 1956 г., и здесь работал 56 лет. Ежегодно в течение всего этого периода (исключение составил лишь трудный перестроенный 1992 год) он публиковал новые и новые работы.

Что представляет собой научное наследие профессора Коротина?

Сегодня в списке пять интересных брошюр и семь авторских свидетельств на разные изобретения (в соавторстве). Первая книга вышла из печати, когда автор был в довольно солидном возрасте (56 лет) и уже в течение 20 лет обладал кандидатской ученой степенью. На сегодняшний день список монографических изданий насчитывает 16 позиций. Все из них, кроме двух, вышли в московских издательствах. Почти все книги профессора С. А. Коротина пользуются повышенным спросом у териологов и охотоведов, потому — регулярно переиздаются. Самая популярная книга у российских охотников — это «Приманки зверолова. Управление поведением зверей с помощью апелленгов» (в 2010 г. вышло четвертое издание). Автор имеет 8 зарубежных публикаций, в основном — в трудах семи конгрессов IUGB, начиная с VII-го (Белград, 1967) и заканчивая XVIII-м (Краков,

1987). Для работ С. А. Коротина отдавали свои страницы такие журналы, как «Бюллетень МОИП», «Экология», «Журнал высшей нервной деятельности», «Кролиководство и звероводство». Начиная с первого года работы в нашем институте С. А. Коротин опубликовал в различных изданиях ВНИИОЗ 108 статей. А в истории журнала «Охота и охотничье хозяйство» он на сегодняшний день, похоже, является самым продуктивным автором — 101 публикация с 1959 года! Плюс в этом же журнале друзья и коллеги с завидной регулярностью почти к каждой юбилейной дате (начиная с 50-летия) помещали в нем персональные очерки.

Воронцов В. В. Пригоршни из туесков памяти: Части первая, вторая и третья. Сорок семь туесков. — М.: «Издательство «Проспект», 2010 — 328 с.

Эта книга о земляках автора — замечательных и удивительных людях Забайкалья и Прибайкалья, о тех, кто никогда особенно ничего не ждал, не ждёт и не будет ждать от властей, от

начальства, а кто опирается всегда, и, прежде всего, на собственные силы и добивается всего в жизни сам — своим трудом!

Третье объединённое издание включает, выпущенные в 2005 и 2007 годах, части первую и вторую «Пригоршни из туесков памяти», а также новую часть — третью. Всё это воспринимается не как своеобразный отчёт или мемуары, а как душевные размышления о самом сокровенном, дорогом и многократно обдуманном.

В книгу также вошли любившиеся читателям тонкие наблюдения о пчёлах, природе, времени, труде, жизни простых и прекрасных людях, которых автору посчастливилось встретить на просторах нашей Родины.

Юдаков А. Г., Николаев И. Г. Зимняя экология амурского тигра. По стационарным наблюдениям 1970—1973, 1996—2010 гг. в западной части Среднего Сихотэ-Алиня. — 2-е изд. исправленное и дополненное. — Дальнаука, 2012 — 201 с.

В монографии отражены результаты полевых исследований экологии и поведения амурского тигра — редкого подвида, находящегося под угрозой исчезновения и внесённого в Красную книгу Российской Федерации. На основании длительных зимних троплений тигровых следов на стационарном участ-

ке в Среднем Сихотэ-Алине впервые подробно охарактеризованы перемещения тигров разного пола и возраста, величина и структура их участков обитания. Выяснена пространственная структура популяции этого вида на исследуемой территории. Освещена роль снежного покрова в жизни тигра и другие вопросы его зимней экологии, также приводятся данные по поведению тигров при встречах с человеком.

Смертельная схватка

Однажды зимой 1975—1976 годов мы собрались на охоту. Ко мне приехали товарищи — Валентин Луков и Вадим Чернявский из Партизанска. А Валентин привез еще с собой своего друга из Углекаменска, хирурга Хазеева.

Зима в то время выдалась теплая и малоснежная. По слухам, много кабанов было на речке Грязной, что впадает в Сицу, поэтому мы отправились туда, а не на мои угодья в Киевский ключ. На автомобиле доехали до пасеки Тамошевского, а дальше пошли пешком. По Форцеву ключу поднялись на хребет и перевалили в исток реки Грязной. После этого мы разделились: я и Вадим, как более опытные охотники, пошли на номера, а двое других должны были делать загон.

Я уже подходил к намеченному под номер месту, как вдруг увидел табун диких кабанов голов в восемь. Это мой напарник Вадим, пока шел на свой номер, спугнул их, и они выбежали прямо на меня. А я еще толком не успел стать на место и проверить оружие. Кабаны бежали цепью, один за другим. Выстрелить по ним я не успел, но заметил, что за этим табуном на некотором расстоянии бежит еще один голов в шесть. Я пытался стрелять три раза, но мой карабин все время давал осечки. За вторым табуном бежал третий голов в восемь — десять. Быстро поняв, в чем была причина осечек (вечером предыдущего дня, когда я чистил и готовил карабин к предстоящей охоте, при сборке затвора не довернул боек на один оборот, поэтому он не доставал до капсюля), я вытащил затвор, довернул боек и собрал все обратно. Это заняло, может, секунд 10—15, но за это время и этот табун пробежал мимо меня и скрылся из виду. Я начал его преследовать по следам и вскоре догнал. Перевалив два увала, на третьем вдалеке я заметил кабанов, они услышали меня и стали уходить. До них было достаточно далеко, и они почти все сразу исчезли. Но одна чужка была хорошо видна, и, хотя до нее было метров 200, я решил стрелять. А стрелял я очень хорошо, и в охотничьих кругах меня считали снайпером. Я сразу понял, что попал, так как чужка немного просела после выстрела и резко рванула вперед. Как позже выяснилось, пуля прошла заднюю и переднюю ноги, а также нижнюю челюсть, потому что голова у нее была наклонена вниз.

Чушка побежала и исчезла среди деревьев. Кое-где еще мелькали молодые поросята, но по ним стрелять не стал. Я быстро перешел распадок и поднялся к толстому приметному дубу, где пробегала эта чужка. Это было почти под горой Коркина. Здесь я увидел кровь и шерсть, но зверь шел большими прыжками и кровил мало.

Вечерело. Судя по следам, основной табун повернул в сторону, к Тазовой скале, а эта раненая чужка отделилась и пошла в Форцев ключ — это направление было как раз нам по дороге домой. Пройдя метров 500 от дуба, где я ранил чужку, нашел первую лежку и определил, что задеты пулей обе ноги. После этой лежки чужка шла уже не так уверенно и быстро, и я решил спустить собаку, немецкую овчарку по кличке Амур, которая до этого была у меня на поводке. Однако она вскоре вернулась, очевидно, атакованная кабаном. После этого я снова взял ее на поводок.

Лежки пошли одна за другой, казалось, что кабан, шатаясь, проходил несколько шагов и падал то на один, то на другой бок. Очевидно, именно здесь и произошла схватка с Амуром. Я снова спустил собаку и через несколько минут услышал вдалеке, метрах в 300-х ее лай. Он раздавался из одного места — Амур держал чужку. Я размеренным шагом, не торопясь, отправился туда. Возможно, пришлось бы стрелять, чтобы добить зверя, поэтому надо было идти небыстро, чтобы не сбить дыхание.

Вскоре я увидел лежащую на земле большую чужку и Амура возле нее. Ей было на вид не меньше четырех — пяти лет (а вес ее, как позже выяснилось, был около 130 килограмм). Я зашел сзади чужки и выше по склону. Так у меня было бы несколько лишних секунд, если бы раненый зверь вскочил и атаковал меня. Подойдя ближе, я заметил, что чужка лежит без движения и у нее оборваны Амуром уши. Я толкнул ее карабином раз, другой в заднюю лежку — никакой реакции. Решив, что она уже мертва, отступил на шаг и поставил карабин на предохранитель.

Вдруг чужка шевельнулась. Я ткнул ее стволом карабина еще раз, но уже сильнее. Неожиданно она вскочила, развернулась и кинулась на меня, как молния. Я попятился, не успев отреагировать на атаку: у меня не хватило времени снять предохранитель на карабине и выстрелить. Чужка стала бить меня мордой по ногам, разорвала штаны. А за моей спиной лежала большая палка, а споткнувшись об нее и упав на спину. Тут же зверь вскочил на меня.

Во время падения карабин выпал у меня из рук и упал неподалеку — я даже

не помнил, как это произошло. Чужка, сидевшая на мне, фыркала, хрипела и пыталась добраться до моего лица и шеи. Я ухватился обеими руками за длинную шерсть снизу шеи и удерживал ее голову в 20—30 сантиметрах от своего лица, чтобы она не укусила меня. В то время я был физически силен и чувствовал, что продержу ее так могу достаточное время. Я не испытывал страха. Единственная мысль была, как бы дотянуться до лежащего рядом карабина. Надо было только протянуть руку, но я понимал, что одной рукой чужку не удержать. Сзади лаил Амур, но чужка не обращала на него внимания.

Я знал, что Вадим, с которым мы шли на номера, идет за мной и должен появиться с минуты на минуту. Это ведь он спугнул кабанов, и они выбежали на меня, он явно слышал мой выстрел и, очевидно, нашел место, где я ранил чужку. И, действительно, минут через десять после того, как мы сцепились в смертельной схватке с раненым зверем, появился Вадим.

Он подбежал ближе, навел карабин, но стрелять не стал — увидел, что ситуация пока под контролем, чужку я надежно удерживаю и особой опасности для моей жизни пока нет. Вадим сказал, что опасается стрелять, так как пуля может прошить кабана насквозь и попасть в меня. Я предложил ему зайти сбоку, присесть и стрелять с колена, тогда пуля точно меня не заденет, что он и сделал. После выстрела чужка резко рванулась из моих рук и через несколько прыжков упала замертво. Амур тут же вцепился в нее.

Уже темнело. Мы, немного отдохнув, разделили чужку и вернулись к автомобилю. Позже туда вышел и один из наших загонщиков, а второй так и ночевал в лесу — заблудился. Это были малоопытные люди, и они не смогли правильно сориентироваться в незнакомом месте.

Эта чужка преподала мне хороший урок. На охоте на таких крупных зверей надо быть предельно осторожным и нельзя быть самоуверенным. Мне не нужно было ставить карабин на предохранитель, окончательно не убедившись, что зверь мертв. И я чуть не заплатил за свою самонадеянность.

Кабан-спаситель

Случай этот произошел в конце 1970-х годов, зимой, в январе месяце. Как-то ночью выпал хороший снег, сантиметров 20, а утром по свежему снегу я отправился на охоту за кабаном в Богатырский Ключ. Пошел один, без собаки. Здесь, в Богатырском ключе, я охотился постоянно и всегда здесь было много зверя, поэтому это место мои односель-

чане называли «Ковальчуков запо-ведник».

Я прошел вверх по ключу и не встретил ни одного кабаньего следа. Решил подняться на сопку. Только я вышел наверх по распадку, как наткнулся на следы только что прошедшего здесь табуна кабанов, которые пришли из Белой пади. Они направлялись по гребню, вниз по течению ключа. По следам я узнал, что в табуне 23 зверя. Кабаны паслись — развернулись фронтом и шли, ковыряясь в снегу. Судя по всему, они скоро должны были лечь на дневные лежки.

Я потихоньку, обходя каждую веточку и стараясь не шуметь, двинулся по следам. Невдалеке увидел небольшую ложину в виде чаши, изрытую кабанями. А впереди на моем пути возникла кривая, наклоненная низко к земле береза. Справа и слева от нее были густые кусты. Я стал пролезать под березой на четвереньках, но зацепился рюкзаком. Снял рюкзак, пролез под деревом и только поднялся в рост, как на противоположном от меня склоне этой чаши, на взлобке, заметил трех лежащих рядом на лежаках подсвинков. Один лежал мордой на юг, два других — на север. До них было метров 70—80. Два подсвинка прижались друг к другу, и я решил стрелять по ним, чтобы одной пулей подстрелить обоих. Звери ничего не чуяли, так как ветер дул на меня. Я прицелился и вдруг боковым зрением слева увидел очень крупного секача, который появился из-за увала и был ближе ко мне метров на 20. Как только он вышел на чистое место, я, прицелившись немного впереди лопатки, выстрелил. Кабан рванул прыжками и исчез.

А в это время впереди меня, метрах в 12—15-ти, на чистом месте лежали два других кабана. Это тоже были очень крупные секачи, в возрасте трех-четырех лет. Я смотрел вперед и вдаль на других кабанов, поэтому не заметил этих, лежавших прямо передо мной. А они, очевидно, задремали, поэтому сразу не увидели меня. Когда я вылез из-под наклоненного дерева, то мы с ними как бы образовали треугольник, — в двух углах которого лежали кабаны мордами ко мне, а в третьем углу стоял я. После выстрела эти кабаны вскочили и побежали прямо на меня. Они не атаковали и скорее всего даже сначала не увидели меня, просто испуганные выстрелом побежали в ту сторону, куда у них в тот момент морда была направлена. Один кабан бежал прямо на меня, другой немного мимо и отставал на полкорпуса от первого. Не добежав до меня метра два, второй кабан врезался в первого и сшиб его с ног. Они завалились в снег прямо мне под ноги.

За это время я успел перезарядить патрон в ствол. Кабаны тут же вскочили и рванули уже от меня. Ближе ко мне был второй кабан, сбивший первого. Но стрелять в него я не стал — фактически он спас меня, сбив с ног своего собрата. А ведь тот мог ударить

меня клыками и, повалив на землю, затоптать ногами. Одному Богу известно, что со мной могло тогда произойти, если бы не этот второй кабан-спаситель. Я выстрелил в первого, который чуть не врезался в меня: пуля прошила ему грудь. Оба кабана вскоре скрылись в чаще.

Я пошел к тому месту, где появился из-за увала кабан, в которого я стрелял первый раз. Здесь я нашел шерсть, брызги крови и пулю в снегу. Я понял, что зверь смертельно ранен: сделав три прыжка, он стал шире расставлять ноги и больше выбрасывать снега вперед при прыжках. Вскоре я увидел внизу большой толстый дуб, а возле него мертвого кабана — он пробежал лишь 100—120 метров от того места, где я его ранил.

Я вернулся к наклоненной березе, забрал рюкзак и пошел по следам тех кабанов, которые врезались друг в друга возле меня. На одном следу была кровь, но преследовать я их не стал. Вернулся к мертвому кабану, развернул его мордой вниз по крутому склону и толкнул. Он так и проехал метров 50 до самого русла ключа, а вес у него был не менее 130 кг. Там, у ключа, я вынул из него внутренности и вернулся в село — до моего дома было идти около шести километров. На совхозном конном дворе я взял у бригадира коня с санями и вернулся за кабаньей тушей.

С конем пришлось помучиться. Он учуял издали кровь, испугался и стал метаться, храпеть, вставать на дыбы. Я сделал так, как рассказывали мне в свое время старые охотники: обмакнул руку в кровь кабана, намазал ею морду коню и завязал ему глаза шарфом. Конь, чуя кровь на своей морде и ничего не видя из-за шарфа, стал вести себя спокойно. Сани я поставил у небольшого обрывчика и перетащил туда кабана, а потом перевалил его в сани, сам сел сверху на тушу, и мы очень быстро поехали прямо через колоды и кусты — только все и трещало у нас на пути. Уже возле самого села надо было въехать вверх по небольшому обледенелому бугру. Конь начал буксовать, не мог вытянуть сани наверх,

но в последний момент схватился зубами за ветку растущего рядом куста, подтянул себя и выехал. Такого я больше никогда не видел.

Темнело. Я подогнал сани к самому крыльцу дома. Вдвоем с женой мы попробовали перетащить кабана на крыльцо, но у нас ничего не получилось — он был слишком тяжел. Я позвал соседа, и уже вдвоем мы приволокли тушу на кухню, где сняли шкуру и разделали.

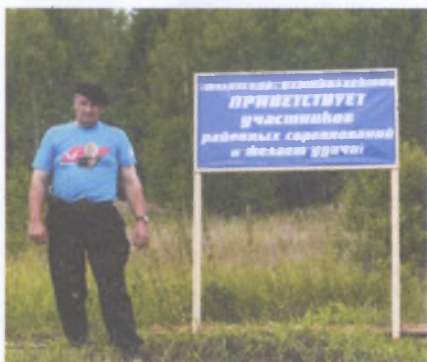
Утром следующего дня я решил идти добирать кабана, который вчера чуть не врезался в меня и которого я только ранил. Я думал, что пойду один, но тут как раз приехал мой товарищ из Авангарда, Виктор Сорокваша, который хотел сходить со мной на охоту.

Мы пришли к тому месту, где я вчера нагнал табун. Как оказалось, кабан, чуть не сбивший меня и в которого я стрелял во второй раз, пробежав от места ранения около двух километров, делал подряд три засады на меня — они были метрах в 70—100 друг от друга. В густом пихтаче он сходил с прямого пути, делал крюк и ложился в чаще рядом со своим следом, поджидая меня. На двух лежаках кабан лежал недолго, а на третьей — очень долго, ворочался с боку на бок. Мне повезло, что вчера я не стал преследовать его, иначе он вполне мог бы атаковать меня в этих зарослях. Мы шли по его следу от последней засады часа три-четыре, но больше лежек зверь не делал. К вечеру, когда мы стали его догонять, он прибил к другому табуну голов в 25—30. Кровить он стал мало, а затем вообще перестал, и мы потеряли его след среди следов других кабанов.

Уже темнело, и мы ушли очень далеко от дома, аж в Белую падь, под гору Орел. Вдруг впереди нас на склоне, буквально метрах в 150-ти, в густой чаще раздался жуткий рев — это два секача устроили драку. Возможно, один из кабанов нашего табуна напал на того, которого мы преследовали, как на чужака да еще и пахнувшего кровью. От этого страшного рева нам стало не по себе — я больше никогда не слышал ничего подобного в жизни. Мы решили прекратить преследование.

Рисунки А. Кулешёвой

Манский район Красноярского края очень известен не только в Красноярском крае, но и далеко за его пределами. Это в нашем районе самая большая по протяженности в

РФ карстовая пещера «Большая Орешенская». Это у нас в 1968 году на красавице-реке Мана снимали фильм «Хозяин тайги». Но главное — наши интересные, работающие люди.

В нашем любимом охотничьем журнале хочу рассказать о проведении в августе 2012 районных соревнований среди охотников Манской МРОООиР. Праздник получился замечательный. В этом мероприятии принял участие в качестве члена жюри и Председатель краевого общества охотников «Росохотрыболовсоюза» Юрий Яковлевич Борисенко, который сказал очень теплые и нужные слова об организации и проведении этих соревнований. Охотколлективы соревновались в стрельбе по тарелочкам и стоя по мишеням пуль «По-

лева». Первое место заняла команда «Нарвинского» охотколлектива. В соревнованиях по метанию ножа победил Н.П. Зайцев (председатель «Шалинского» олхотколлектива). Обстановка была товарищеская, интересная.

Многие охотники края просили еще и в 2013 г. провести подобное соревнование, но уже краевые, среди охотников центральной группы районов, — это очень не просто и ответственно, будем обсуждать данный вопрос.

Мы гордимся тем, что соревнования провели на приличном уровне и получили очень хорошую оценку. Хочется подчеркнуть, что объединенные воедино в системе «Росохотрыболовсоюза» можем делать полезные дела.

АГАПИТОВ Г. Это чирок или селезень?	1
ПЕРОВСКИЙ М. Добыча бобров	2
ВОЛОШИН Н. Погоду не выбирают	4
ЛУКЬЯНОВ Н. На русском севере	6
ФИЛЬ В. Приманки	8
МУХАЧЁВ А. Выдающийся ученый-охотовед	12
КЛИМЕНТЬЕВ А. Новая встреча выпускников	15
ВЕХОВ Н. На Чукотских моржовых лежбищах	16
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	20
ЖУКОВ С. Поэзия гончей охоты или карельские гончие	22
Письма читателей	25
УСИКОВ С. «Вепрь», «Сайга», СКС... или вновь о патроне 7,62x39	26
АСТАФЬЕВ Н. О правах охотников-промысловиков	28
МАЛЕЕВ В. Тимофей и Афанасий	30
АЛЁХИН И. Страницы охотничьей памяти. Первый заяц. Великие отметили. Неприятное	34
СТАРЧЕНКО Н. Почти детективная история. На берегах Снежеди. Снежедь — не от «снежного человека»	38
Библиотека охотника	43
КОВАЛЬЧУК Н. Воспоминания старого охотника	44
ЗАЙЦЕВ Н. Соревнования охотников Сибири	46
ШИШКИН В. Стерх или канадский журавль	48

На первой странице обложки:

Хороший трофей — хорошее настроение

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Таежный приют

Фото П. Трапезникова

На четвертой странице обложки:

Ноябрь — последний месяц осени, но выпадают еще иногда погожие деньки

Фото А. Дигилевича

Генеральный директор Т.А. Волжина

Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин, И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина

Зав. отделом писем И.И. Полосухина

Художественный редактор М.Л. Кнерцер

Оператор компьютера Н.В. Дервиз

Корректор З.М. Данилова

Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.09. 2013 г. Подписано к печати 07.10.2013 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Заказ 3412.

Адрес редакции: 101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, офис 13

Тел.: (495) 628-25-57

Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru

Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76, 8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

СТЕРХ И КАНАДСКИЙ ЖУРАВЛЬ

Белый журавль **стерх** — эндемик России. Ранее широко распространенный по лесотундровым, заболоченным тундростепным ландшафтам Евразии этот вид неуклонно сокращал область своего гнездования. Практически вымирающая популяция (менее 10 пар) еще существует в низовьях Оби. Птиц активно истребляли на зимовках в Индии и Пакистане. Более благополучна судьба «якутской» популяции стерха. По учетам 2012 г. на местах зимовок в Китае было обнаружено до 4 тыс. особей стерха. Тем не менее, учитывая редкость и локальное поселение данного журавля, он занесен и в Красную книгу России, и в Международную Красную книгу. В ряде питомников (в т.ч. в Окском заповеднике) предпринимаются попытки искусственного выращивания стерхов с последующим выпуском их в природу, включая возможные изменения их традиционных пролетных путей и мест зимовок.

Взрослого стерха легко отличить от других видов по преобладающей белой окраске оперения. Черными остаются только крайние маховые, что заметно у летящей птицы. Ноги, большая часть клюва, передняя часть головы красные. На красной «лицевой» области ярко выделяются светлые глаза с радужной светло-лимонного цвета. По размерам (высота до 1,4 м, вес до 8 кг, размах крыльев 2,6 м) стерх уступает только японскому журавлю. Окраска молодых буровато-коричневая, радужина темная.

На местах гнездования пары появляются с первыми пролетами. Строго территориальны, диаметр охраняемого участка 3—5 км. Иногда гнездо (травяная платформа на воде) может использоваться несколько лет. Брачное поведение менее разнообразно, чем у других журавлей. Имеются позы с поднятием локтевых перьев и распусканием маховых, дуэтные крики и т.п. Голос довольно мелодичен. В кладке обычно 2 яйца. Окраска скорлупы, сроки инкубации и подьема на крыло, как у других крупных журавлей. Птенцы отличаются гнездовой агрессией, старший обычно убивает младшего. Половозрелы с 4 лет. В питании преобладают растительные корма, особенно часто луковичи водных растений. Весной поедают леммингов, полевков. Доля животных кормов возрастает и в начале осени.

Любая встреча со стерхом в природе представляет исключительный интерес, и мы неоднократно давали в нашем журнале материал о таких случаях.

Канадский журавль выходец из Северной Америки. Там находится большая часть гнездового ареала всех 6 подвигов, места зимовок (в т.ч. и азиатской популяции). У нас канадский журавль номинативного подвида встречается от приморских тундр Чукотки до Алазее, от Колымы до Корякского нагорья, в последнее время интенсивно продвигаясь на запад. Известны залеты в Японию. Общая численность азиатской популяции не менее 20 тыс. птиц. Размерами канадский журавль лишь немногим больше, чем черный и красавка (высота около 1 м), но гораздо более массивен (вес до 5 кг). В окраске оперения доминируют серые тона. На крыльях, спине и брюхе встречаются светло-охристые перья. К осени охристые участки становятся более заметными за счет прокрашивания оперения окислами железа тундровых вод. Характерна красная шапочка, охватывающая лоб, глаза и переднюю часть темени. Радужина красноватая или оранжево-коричневая. Клюв серый, у основания розоватый. Ноги серовато-черноватые. Крайние маховые темнее прочих. Как у большинства журавлей имеются удлинненные, украшающие локтевые перья, но в какой степени они используются при брачных демонстрациях неизвестно. Гнезда, иногда совсем без выстилки, устраивают на сухих местах. Ежегодно строят новое. В кладке обычно 2 яйца. Насиживают оба партнера, в целом 1 месяц. Через 1,5 месяца поднимаются на крыло. В питании преимущественно вегетарианец. Доля животных кормов состоит из мелких позвоночных, в т.ч. мышевидных грызунов, кладок птиц, водных беспозвоночных. Основные враги — песец, лиса, крупные чайковые. В Северной Америке канадский журавль — охотничий вид. Ежегодный отстрел до 20 тыс. особей, включая наших птиц. В России отстрел канадских журавлей строго запрещен.

В. ШИШКИН

